

Татьяна
Курило

**Страна
СВОБОДНЫХ
ДЖИННОВ**

Annotation

Очнувшись от многолетнего сна, девушка-джинн Халимар обнаруживает себя в Одессе, в маленькой квартирке, которую снимает молодой неудачник Хома. Сможет ли девушка-джинн найти свое место в мире людей? Как изменится жизнь человека после встречи с обаятельнейшей Халимар?

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ЗЕЛЕНый ФЛАКОН

Хому никто не называл по имени. Только в глубоком детстве. Но это было так давно! Многие вообще считали, что это и есть его настоящее имя. Да и сам он давно уже привык к этому, и когда знакомился с девушками, представлялся:

— Хома.

Некоторые удивлялись, говорили:

— Ах, какое редкое имя!

Другие воспринимали это равнодушно. Хома так Хома! Эка невидаль! И не с такими знакомились!

Хозяйке квартиры он тоже так представился:

— Хома.

— Хома неверующий? — спросила женщина.

— Почему неверующий? — удивился Хома.

— А я о других не слышала. Только о Хоме неверующем, — объяснила женщина.

— Нет, Хоменко я. Просто Хомой все зовут, — объяснил парень.

— А! Понятно! Ну, как? Нравится квартира? — спросила хозяйка.

То, что именовалось квартирой, на самом деле было комнаткой два с половиной метра в длину и немного меньше в ширину. Очевидно, когда-то это просто был шкаф для одежды или, как сейчас модно говорить, гардеробная. Вот для одежды это было бы еще ничего, но жить в этом лифте...

— Думайте, только недолго. Квартира хорошая. На нее клиент сразу найдется. Вход отдельный, кухня своя, санузел, мебель.

Мебель — это старый продавленный диван с неопределенного цвета обивкой и еще более старый комод. Эти предметы, пожалуй, можно было бы назвать антикварными, из уважения к их почтенному возрасту.

— Так что, берете? — спросила хозяйка.

В этот самый момент у нее в кармане халата заиграла музыка.

— Алло! — ответила хозяйка. — Комната? Да, освободилась комната... Отдельный вход, своя кухня, санузел... Адрес? — она прикрыла рукой трубку. — Так что, берете? — снова обратилась к Хоме.

Хома утвердительно кивнул.

— Нет, уже занята комната!... Пожалуйста!

— Только у меня правило такое: деньги наперед, за два месяца, — предупредила Хому. — И мне хорошо, и вам лучше! Раз заплатил — и живи себе два месяца! Где вы еще

такое жилье за семьдесят пять долларов найдете?

— По телефону мы договаривались за шестьдесят, — вспомнил Хома.

— За шестьдесят? Значит, это случайно вырвалось. Я девчонке, что вчера съехала, сдавала за шестьдесят. Начинаящая модель! Она без работы сидела несколько месяцев, вот я и брала с нее шестьдесят. Шестьдесят! — хмыкнула хозяйка. — За шестьдесят и комнату в коммуналке трудно найти, а у меня отдельная квартира!

По телефону размеры жилища указывались слегка иные. Может, перегородку поставили, пока Хома ехал в троллейбусе? И комната стала меньше.

— Ну, так что? — ждала денег хозяйка. — А район какой! Шесть остановок на троллейбусе — и уже в центре.

Шесть не шесть, а восемь остановок действительно надо было проехать на автобусе, чтобы добраться до центра. По масштабам крупного города это совсем ничего. А потом еще девять кварталов пешком по прямой и два квартала направо, чтобы попасть в магазин бытовой техники, в котором Хома работал охранником. Работа не пыльная: стой себе у входа с кобурой на поясе и тупо смотри на входящих и выходящих посетителей. Конечно, в дипломе экономического университета у Хома значилась совсем другая специальность. Только устроиться с дипломом на работу было гораздо сложнее, чем в этот самый вуз поступить. Выпущенные пачками специалисты оседали на рынках, лотках, в магазинах и других торговых точках. Страна развивала внутренний рынок, ей требовались работники. Хоме еще повезло: он нашел себе место охранника. Думать не надо, считать не надо. Портупею надел — и стой. «Как надену портупею — все тупею и тупею!»

Квартиру Хома сначала снимал в центре, но вовремя понял, что так ему долго придется донашивать гардеробчик со студенческих времен и питаться в дешевых столовках, которых, кстати, в городе становилось все меньше и меньше. А еще у Хома были проблемы с женским полом. Долго еще ни с одной девушкой не встречался. Куда повести, что-то подарить — на это едва хватало денег после расчета за дорогую квартиру в лучшем районе города. Он и снимал-то хорошую квартиру, чтобы не стыдно было к себе девушку пригласить. В последнее время он встречался с одной девушкой почти полгода. Ничего так девушка, благополучной наружности. Но вдруг она другого себе нашла. Нашла так нашла. Ушла бы себе молча, он бы и слова ей не сказал: насильно мил не будешь. Но она такое сказала! Хома теперь не мог ее слова выбросить из головы. И девушку, следовательно, тоже не мог забыть.

«Все! Никаких девушек! Буду только работать и писать картины. А потом, когда удача повернется ко мне лицом, девушки сами поплывут ко мне, как рыба на нерест, против течения! Девушки только удачливых любят!»

Вот нашел себе жилье почти в три раза дешевле. Сюда уже точно никакую девушку не приведешь. Да ну их, девушек! Как они могут иногда обидеть человека, незаслуженно обидеть.

Хозяйка удалилась на некоторое время, затем снова вошла в комнату. Со двора, через отдельный вход снаружи дома, по крутой лестнице на третий этаж. Принесла комплект постельного белья.

— Так я сейчас приду убирать. Эти модели такие неряхи! Хотя бы веником когда махнула! Пыль развела, паутину. А собиралась в спешке, даже колготы свои дырявые не выбросила.

— Что, карьеру сделала? — спросил Хома.

— Может, и карьеру. А может, просто дядю богатого нашла. Так девчонки часто себе

карьеру делают. То хлеб одалживала, мыло не за что купить было, у меня просила. А то вдруг сразу духи дорогие, шмотки модные появились. И съехала. Комната теперь для нее маленькой стала. Так что счастливая эта комната! И ты съедешь когда-то. Как разбогатеешь! Только не забывай платить за два месяца сразу, — напомнила хозяйка.

— Вот, возьмите, — Хома протянул ей несколько банкнот.

— Вот и хорошо! — сразу повеселела хозяйка. — А я сейчас приберусь здесь. Фу, до чего комнату довела!

— Не надо убирать сегодня, — попросил Хома. — Я устал очень. А завтра целый день буду на работе, тогда и убирайте.

— Хорошо! Значит, завтра убери, — согласилась хозяйка и ушла.

«Интересно, как в этой комнате летом будет? Может, жарко или душно?»

Сейчас, в начале мая, в комнате было свежо и прохладно. А как будет дальше? Хома прилег на ободранный диван. Это старье теперь будет служить ему кроватью. Не совсем удобный диван, но жить можно. Лег на спину, руки под голову положил. Снова подумал о девушке, которая его бросила. Как она могла такое сказать! Хома полежал немного. Потом пошел на кухню, заварил чай, налил в большую чашку. Вернулся в комнату. Решил немного порядок навести. Чего только не оставила здесь начинающая модель! Коробки, пакеты, старую обувь со стоптанными каблуками. И пыль. Фу! Везде пыль! Хома нашел пустой пакет и решил освободить комод для своих вещей. Сгреб все из ящиков, бросил в пакет. Что-то мелькнуло зеленое, с бутылочным блеском. Какой-то флакон. Наверное, в нем духи были. Флакон красивый! Хома знал толк в красивых вещах. Бутылочка, как будто сделанная из цельного куска изумруда, конечно же, была стеклянной. Очень радует глаз. Хома присмотрелся к надписи на флаконе. Буквы какие-то непонятные. Не похожи ни на латинские, ни на греческие, ни на буквы родного языка. Почему-то захотелось стереть пыль с красивого флакона, прежде чем отправить его в пакет с мусором.

Внезапно Хома ощутил, что кто-то есть за его спиной. Он резко обернулся. На подоконнике сидела девушка.

— А ты чего здесь? — сердито спросил Хома, почему-то не удивившись ее внезапному появлению.

— Я? — удивленно спросила девушка.

— Ну не я же, — ответил с раздражением Хома.

А сам подумал: «Из-за той козы, что меня бросила, теперь мне везде девчонки мерещатся».

— А почему она тебя бросила? — спросила девушка.

— Она сказала... Нет, я не могу это повторить, — Хома замолчал. — А тебе что до этого?

— А ты не повторяй! Просто вспомни, — предложила девушка.

— Такое забудешь, — хмыкнул Хома.

Девушка внимательно посмотрела на парня, подняла руки ладонями к лицу, как будто собиралась умыться.

— Это правда? — сочувственно спросила она.

— Что правда? — не понял Хома.

— То, что она сказала, — напомнила девушка.

Парень разозлился.

— Вас, баб, только это интересует. А больше ничего, — Хома сердито выругался.

— Меня не интересует, — быстро сказала девушка.

— Врешь, — не поверил парень.

— Как хочешь. Можешь не верить, — ответила девушка.

Некоторое время они сидели в тишине, не глядя друг на друга.

— Чай будешь? — спросил Хома.

Девушка кивнула. Вдруг шкафчик на кухне, который хорошо был виден из комнаты, открылся, оттуда вылетела чайная чашка, опустилась на стол у маленького чайничка. Чайничек взлетел, плеснул немного заварки в чашку и вернулся на место. Электрический чайник сам включился: на нем зажглась лампочка.

— Я горячее люблю, — сказала девушка.

Парня совсем не удивил фокус.

— Ты из цирковой школы? — спокойно спросил.

— Да, из школы, — с иронией ответила девушка.

Чайник закипел, сам отключился, как это делал обычно. Но затем поднялся в воздух и налил в чашку кипятка. Ящик стола выдвинулся, оттуда выпорхнула чайная ложка, дважды нырнула в стеклянную банку с сахаром. Размешала чай.

— Я сладкое люблю, — объяснила девушка.

Ложка подлетела к мойке, кран открылся, и оттуда полилась тоненькая струйка воды. Ложка помылась и свалилась на стол.

— Где кухонное полотенце? — спросила девушка.

— А на фига оно мне? — уныло спросил Хома.

— Ложку вытереть, — объяснила девушка.

— Сама обсохнет.

Еще миг — и чашка с горячим чаем оказалась в руке у девушки, сидящей по-прежнему на подоконнике.

Хома внимательно посмотрел на девушку.

«Ничего девчонка, симпатичная. Только одета как-то странно».

На девушке была бирюзового цвета блуза и такие же шаровары. Блуза была очень короткой, а шаровары — широкими. Блуза закрывала только грудь, а шаровары открывали талию. Рукава широкие, прозрачные, а шаровары расшиты бисером. На голове — ярко-оранжевая чалма. Или тюрбан. Хома не знал, как это правильно называется. Из-за этого головного убора голова девушки была похожа на большущий апельсин. Самой странной в ее наряде была обувь: золотые туфельки совсем без каблуков, но зато с длинными и заостренными, поднятыми вверх носками.

«Красивая девушка, — снова подумал Хома. — Но одежда дурацкая».

Один миг — и девушка уже сидит на подоконнике в джинсах и точно таком же темно-синем свитере, какой был на Хоме.

— Ух ты! — сказал Хома. — Как это у тебя получается? А в купальник переодеться можешь?

— В купальник? А в каком тебе хотелось бы меня видеть? — спросила девушка.

— Не знаю, — сказал Хома, а сам подумал, как подошел бы к ее медовым волосам красный купальник.

Еще один миг — и девушка уже сидит на подоконнике в красном купальнике.

— Нравится? — спросила.

— Нравится! Только переоденься: холодно в купальнике.

Девушка снова оказалась в своем наряде. Туфли, чалма, только блуза и шаровары с бисером были теперь ярко-красного цвета. По-видимому, чтобы угодить Хоме.

— А ты что вообще здесь забыла? — уже миролюбиво спросил Хома.

— Флакон. Зеленую такую бутылочку. Я живу в ней, — объяснила девушка.

— Шутница. В бутылках только джинны живут!

— Так я и есть джинн.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты джинн? Огромное красное чудище с телом из облака? — спросил Хома.

— У тебя неправильное представление о джиннах, — сказала девушка.

— Ну, во-первых, джинн — это мужчина.

— Это твое заблуждение. Кстати, не ты один думаешь, что джинн — это всегда мужчина.

— А что, бывают и женщины? — с ухмылкой спросил Хома.

— Но ты же видишь меня! Кто скажет, что я мужчина? — спросила девушка.

— Да, фокусы ты показывать умеешь! Но это еще не доказывает, что ты — джинн.

— Может, тебе чудо сотворить? — предложила девушка.

— Сиди! Не нужны мне твои чудеса. Напрасно будешь силы тратить. Я все равно тебе никогда не поверю. Я что, пацан, по-твоему, чтобы меня сказками развлекать?

Вдруг посреди комнаты появилась птица с ярким опереньем. Она сразу же снесла яйцо, яйцо треснуло, и оттуда стал просачиваться розовый дым. Дым быстро заполнил всю комнату. Стало холодно и сыро.

— Мы в облаке, — объявила девушка.

— Убери это немедленно! Только розовых облаков мне здесь не хватало!

Розовый дым мгновенно исчез.

— Ты все равно мне не веришь? — спросила девушка.

— Отвяжись! Мне нет до тебя никакого дела.

Тогда девушка стала крошечной, примерно, как спичечный коробок. Она переместилась по воздуху с подоконника на кровать, села, положив ногу на ногу, и спросила:

— А теперь веришь?

— Нет, — сказал Хома. — Это какой-то обман зрения. Или гипноз. Ты гипнотизируешь меня, и я вижу вместо тебя эту крошечную твою копию.

— Ладно! Не веришь — не надо. Тогда я пойду в свою бутылку.

Хоме показалось, что девушка разозлилась.

— Нет! — закричал он. — Только не лезь в бутылку!

— А скажи, что ты мне веришь, тогда не полезу! — потребовала девушка.

— Верю.

— Скажи, что ты веришь, что я — джинн! — продолжила девушка.

— Ты — джинн, — согласился Хома.

— Вот и хорошо! Теперь ты мой повелитель, а я буду выполнять все твои желания, — сказала девушка и снова увеличилась до нормального человеческого размера.

— Все-все-все? — недоверчиво спросил Хома.

— Все-все-все! Могу тебе даже увеличить что-нибудь, если это тебя так волнует.

Парень побагровел от злости.

— Мне ничего не надо увеличивать! И вообще, я в твоих услугах не нуждаюсь.

— Как хочешь. Только я теперь все равно твой джинн, хочешь ты этого или не хочешь. И

пока не исполню тридцать три твоих желания, ты не сможешь избавиться от меня, — предупредила девушка-джинн.

— Тридцать три? А я думал, что желаний всегда три.

— Я джинн, а не золотая рыбка! Глупый ты, Хома!

— Попрошу не оскорблять! — потребовал Хома.

— Вот и первое желание. Слушаю и повинуюсь! Повелитель мой, господин мой, хозяин мой! Никогда, ни при каких обстоятельствах не буду тебя оскорблять. Даже если ты будешь вести себя, как идиот, и нести полную чушь собачью. А какое будет следующее желание? Предупреждаю: осталось ровно тридцать два. Так что думай, прежде чем ляпнуть какую-то глупость.

— А ты, правда, можешь все? — недоверчиво спросил Хома.

— Аб-со-лют-но! Могу даже осуществить твою самую сокровенную мечту. Любую. Даже если тебе самому она кажется несбыточной. Хочешь, твои картины назовут гениальными, и их будут раскупать за большие деньги по всему миру? — предложила джинн.

— Нет у меня никаких картин, — возразил Хома.

— Но ты же хочешь, чтобы они были?

— Откуда ты все знаешь?

— На то я и джинн. Я не могу знать обо всех всего, но о своем хозяине, господине и повелителе я обязана знать все. Это означает, что я соответствую занимаемой должности. А если я чего-то не знаю, значит, я плохой джинн. А так не бывает. Джинн не может быть плохим или хорошим.

— Правда? А каким может быть джинн?

— Есть джинны черные, а есть белые. Черному джинну нравится служить злым людям.

— А ты белый джинн? — спросил Хома.

— Ты на редкость проницателен, повелитель мой, — Хоме показалось, что он услышал иронию в словах девушки.

— А черный джинн может служить доброму человеку? — спросил Хома.

— А куда ему деваться? К кому попадет — тому и служит. Я же сказала: служит злему человеку с удовольствием. А доброму — без удовольствия. Но служит. А куда деваться?

— Так значит, джинны так же несвободны, как и люди? — заметил Хома.

— Почему несвободны? Выполнил тридцать три желания тридцати трех клиентов — и все! Лети себе в Страну Свободных Джиннов! И живи себе там свободно!

— Сколько?

— Сколько времени, ты хочешь спросить?

— Ну да. Сколько лет живут джинны?

— Всегда.

— То есть, ты хочешь сказать, что вы — бессмертны?

— Время, смерть, бессмертие — все это для вас, для людей. А у нас совсем другие категории.

— А скоро ты полетишь в Страну Свободных Джиннов? — поинтересовался Хома.

— Я вернусь туда, когда выполню тридцать два желания моего тридцать третьего клиента.

— То есть, тридцать три? — напомнил Хома.

— Уже тридцать два.

— Так я...

— Да, сообразительный мой господин! Ты и есть мой тридцать третий клиент, — призналась девушка-джинн.

— Тогда не быть тебе скоро в Стране Свободных Джиннов.

— Это почему же? — спросила девушка.

— А потому, что у меня нет никаких желаний.

— Это пока нет, а потом появятся. У тебя девушки нет, работа не требует вдохновения. Любви у тебя нет. А когда появятся любовь и вдохновение — тогда и желания появятся. Успевай их только мне заказывать! Как бы мне еще справиться!

— Врешь ты все. И не джинн ты вовсе. Фокусница! Или гипнотизерша. А может, ты только в моем воображении и существуешь.

Девушка пожала плечами, обиженно вздернула нос и снова стала маленькой. Она гордо направилась к своему флакону.

— Не уходи! — крикнул Хома. — Только не лезь в бутылку!

Но было уже поздно. Обиженная девушка сидела во флаконе, сердито поджав губки.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ЗНАКОМСТВО С РОДИТЕЛЯМИ

«Ну и пусть сидит, если такая обидчивая. У меня своих проблем хватает!»

Майский день длинный! Если бы подруга не бросила Хому, он бы мог повести ее в ночной клуб или в бар. Не повел бы: денег осталось до зарплаты впрытык. Сиди теперь один в этой маленькой комнатухе. Скучища! Может, попробовать еще раз бутылочку потерять?

Хома взял зеленый флакон и стал его с усилием тереть. Девушка-джинн не выходила. Обиделась, наверное.

«Да как она посмела обижаться? — возмутился Хома. — Я — ее хозяин, повелитель! Она должна являться ко мне по первому моему требованию!»

Теперь из бутылки появилась в ароматном зеленом облаке девушка в короткой ярко-зеленой блузе, в ярко-зеленых шароварах, обшитых бисером. Но уже без чалмы. На ногах у нее были все те же золотые туфли с носками, смотрящими вверх. Девушка уже не сидела на подоконнике, а, увеличившись до размеров обычного человека, висела в воздухе под потолком, поджав под себя ноги.

— Еще одно человеческое заблуждение. Думаешь, бутылочку потер — и джинн сразу явился? Это когда джинн мужчина. Те сразу являются, стоит только как следует потереть сосуд. С женщинами-джиннами этот номер не проходит! Они могут капризничать. Это их, то есть наша, привилегия. И еще у женщин-джиннов бывают критические дни. Тогда они тоже никого не хотят видеть, включая своих повелителей.

— А ты чего сразу не вышла? — спросил Хома. — У тебя капризы или критические дни?

— Ни то, ни другое. Просто я ждала, что ты извинишься.

— За что?!

— За то, что ты мне не веришь. Я что, по-твоему, обманщица?

— Ну, извини, — нехотя сказал Хома.

— Без «ну», — сказала девушка.

— Извини, — тихо повторил Хома.

— Громче! — потребовала девушка.

— Кто тут чей джинн? Может, ты что-то перепутала? Ты забыла, что это я твой господин и повелитель? Так завяжи себе узелок на память!

— Слушаю и повинуюсь! — торжественно сказала девушка.

Сразу же в ее руках появился шелковый платочек, на котором она картинно завязала узелок.

— У тебя осталось тридцать одно желание, — объявила джинн.

— Ничего себе! Так нечестно! Я использовал уже два желания, а еще ничего для себя не получил.

— Да ладно, пошутила я. Второе желание не засчитывается, — успокоила Хома девушка. — Может, поведешь меня куда-нибудь? Город покажешь.

— Ты выпалась в своей бутылке, а мне завтра вставать рано на работу.

— Если не хочешь ты меня вести, я сама поведу тебя на прогулку.

Девушка вырвала волосок из своей головы, разорвала его пополам, что-то прошептала тихо. Тут ее туфля стала быстро увеличиваться в размерах. Только одна, другая по-прежнему оставалась на ноге у девушки. Наконец одна туфля достигла размеров небольшой лодки.

— Садись! — велела девушка. — Путешествуем без виз и проездных билетов. Поскорее! Куда летим?

Но Хома уже был научен. Он не стал настаивать на чем-то, чтобы хитрая девушка-джинн не списала очередное желание.

— А это уже не мое желание! И не мое дело, куда ты меня повезешь.

Они вылетели из окна комнаты и взлетели вверх. Там остановились и повисели в воздухе. Хома с любопытством смотрел вниз. Люди идут домой, тянут за собой капризных детей. Некоторые выгуливают собак. Влюбленные парочки оккупировали скамейки в сквере и уже целуются. Все люди живут своей обычной и привычной жизнью, у них какие-то дела, их кто-то ждет дома. Только он, Хома, как неприкаянный, висит в воздухе.

— А давай к моим? Ненадолго! Только с мамой и папой моими поздороваемся! — предложила девушка.

— У тебя мама и папа есть? — удивился Хома. — У джинов тоже родители бывают?

— Нет, мы на деревьях растем! Как поспеем, сразу падаем на землю. А чтобы получился новый джинн, старого закапывают на грядке. Тогда из него вырастет дерево, а на нем много маленьких джинов! — с сарказмом произнесла девушка.

— Откуда мне знать? Ты, между прочим, первый джинн, с которым я общаюсь.

— Понимаю! Не всем в жизни везет. Тебе повезло. Ты нашел меня! Полетели к моим? — предложила снова девушка.

— Куда? — спросил Хома.

— В Страну Свободных Джинов! — и, не дожидаясь ответа юноши, туфля-лодка стала стремительно подниматься.

Все выше и выше, вверх и вверх, выше облаков. Удивительным был этот полет! Они летели выше облаков, но Хоме было совсем не холодно. Хотя парень точно знал, что когда летишь в самолете, за бортом очень холодно.

Наконец, прибыли к месту, напоминающему причал на морском вокзале. Девушка привязала туфлю и ступила на твердь.

— Вылезай! — подала руку своему спутнику. — Приехали! Это — Страна Свободных Джинов. Как я все здесь люблю! Скоро я прилечу сюда и останусь здесь навсегда!

К прибывшим в золотой туфле бежали двое: мужчина и женщина. И хотя мужчине на вид было не больше лет, чем Хоме, а женщина лицом, фигурой и даже одеждой была почти полной копией прилетевшей девушки, они кричали:

— Доченька! Любимая! Халимар!

А девушка тоже бежала им навстречу и кричала:

— Мама! Папа! Я так соскучилась!

«Значит, ее зовут Халимар. Почему я раньше не узнал ее имя?» — подумал Хома.

После поцелуев и крепких объятий трое джиннов, совершенно не обращая внимания на Хому, направились к большой бутылке. Это был домик джиннов, по форме он напоминал бутылку. Правда, в такой дом надо было входить не через горлышко, а в дверь, как в обычный дом.

Трое обнялись и пошли, а Хома стоял у туфли и думал:

«Что я тут забыл? Она к родителям прилетела, а я чего сюда приперся?»

Вдруг джинны остановились. Девушка закричала:

— Хома! А ты чего там стоишь? Догоняй! Мы же в гости приехали!

Хома послушно поплелся за ними.

«Господин и повелитель, блин», — подумал он о себе.

Домик родителей Халимар был обставлен намного интереснее, чем та квартира, в которой жил теперь Хома. Белые диваны с пушистой обивкой, зеркальный пол, стеклянные столики. Ходишь по полу и видишь внизу свое отражение.

«Теперь понятно, почему у них женщины шаровары носят», — подумал Хома.

Родители и Халимар сидели в полной тишине. Сквозь прозрачные стены домика-бутылки было видно, что находится снаружи. Угощали джинны свою дочь и ее спутника фруктами и сладостями. Молча, без единого слова. Все сидели чинно, ели и совсем ничегошеньки не говорили.

«Странно, — подумал Хома. — Так соскучились по дочери, а хотя бы спросили ее, как у нее дела, как живет».

В этот момент все трое джиннов громко рассмеялись.

— Халимар, ты не объяснила своему господину ничего? — спросила мама-джинн, которой на вид было не больше восемнадцати лет.

— Хома, — сказала Халимар. — Нам не нужны слова. Мы умеем читать мысли друг друга. Родители уже все знают обо мне. И о тебе.

— И обо мне? Вы прочитали и мои мысли? — встревожился Хома.

— Не волнуйся, ты как раз ничего такого не думал, — успокоила его Халимар.

— А что ты имеешь в виду? — спросил Хома.

— Ты сам знаешь, что, — объяснила Халимар.

И тут Хома о чем-то таком сразу же и подумал.

Мама-джинн покраснела и заулыбалась, а папа-джинн сделал строгое лицо, чтобы скрыть улыбку.

— Вот! Всегда ты так! Ты это специально, — злился Хома.

— Я не хотела, — оправдывалась Халимар. — Само вырвалось!

— Вам пора, — сказала мама-джинн. — Пока ты не вернулась насовсем, тебе нельзя здесь задерживаться. А тем более, Хоме завтра на работу.

— О! Я даже забыла об этом! Хома, попрощайся с мамой и папой, нам пора.

Это странное ощущение, когда не плывешь в лодке по реке, а падаешь в ней с неба на

сумасшедшей скорости! Халимар и Хоме было так здорово, что они громко смеялись и визжали от восторга. Всего несколько метров оставалось до земли, когда туфля остановилась. Хома взглянул вниз и увидел все тот же унылый пейзаж, что и в начале путешествия.

— Ты понравился моей маме, — шепнула Халимар на ушко Хоме.

Туфля хорошо ориентировалась. Она быстро нашла дорогу в квартиру Хома. Здесь золотая лодка уменьшилась и стала туфлей обычного размера.

— Тебе понравилось летать? — спросила Халимар.

— Еще бы! Я никогда в жизни не поднимался так высоко! Только... Я хотел спросить: у тебя больше никаких родственников нет? Ни сестер, ни братьев?

— Почему ты так решил? Ах, да! Объясняю. У джиннов так заведено: мы видим только тех, кого желаем видеть в данный момент. В Стране Свободных Джиннов можно ни разу не встретиться с тем, кого не хочешь видеть. Правда, это очень удобно?

— Конечно! А у людей все не так. Ты человека на дух не переносишь, а он может быть твоим коллегой, начальником или, что хуже всего, твоим родственником. И ему надо любезно улыбаться, терпеть его, сдерживать себя и не показывать своих настоящих чувств.

— Следующий раз, если захочешь, я познакомлю тебя со своими братьями и сестрами. Договорились? — спросила Халимар.

— Договорились, — согласился Хома.

— А сейчас тебе пора спать, — заботливо сказала девушка. — Завтра тебе идти на работу.

— Объясни мне, — сказал Хома, — почему мы так долго летели, а мои часы показывают, что нас не было здесь только десять минут? Как это возможно?

— Все просто! Я же сказала тебе, что для джиннов время не существует. Время не имеет для нас никакого значения. Пока мы были в моем мире, оно просто остановилось для нас.

— А как же десять минут?

— А те десять минут — это когда мы висели в лодке над твоим домом. Понятно?

— Не очень. Скажем, в общих чертах.

— Не рассуждай о том, чего не можешь понять. Прими на веру. А я ныряю к себе в бутылку. Я чувствую себя там, как дома, в Стране Свободных Джиннов. Этот флакон так похож на домик моих родителей! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — ответил Хома и зевнул.

Хома тоскливо посмотрел на сложенное постельное белье, оставленное на диване хозяйкой. Так не хотелось сейчас стелить постель! Запихивать одеяло в пододеяльник, в наволочки подушки.

«Может, приказать Халимар? — подумал он. — Ну, нет! Так глупо растрачивать желания по таким пустякам!»

Хома снова зевнул, сладко так зевнул, даже глаза закрыл. А когда открыл — постель уже была аккуратно застелена, а уголок одеяла услужливо отогнут.

Халимар снова стала маленькой и направлялась своим ходом к бутылке.

— Спасибо, — сказал Хома и нырнул под одеяло.

Утром, когда зазвенел будильник, Хома сразу же подумал:

«Приснилось? Или было на самом деле?»

Вскочил с дивана и сразу направился к флакону, лежащему на полу возле комода. Схватил маленькую бутылочку, потрусил энергично ею возле уха.

— Э! — раздалось оттуда недовольное. — Потише!

«Значит, не приснилось», — подумал Хома, еще не совсем понимая, обрадовало его это или огорчило.

— Вылезай! — предложил Хома. — Я сварю тебе кофе.

— Ты не знаешь, как меня пригласить? — пропищало из бутылки.

— Да знаю я, знаю, — сказал Хома и потер буквы на флаконе.

В ту же секунду Халимар оказалась на табуретке у кухонного стола.

— Ну, и где же твой обещанный кофе? — капризно поджав губки, спросила девушка.

— Подождешь! Я не могу так быстро, я не джинн.

Да! Иметь свою кухню — это большое преимущество. Можно представить, что бы сейчас было с соседями, если бы на общей коммунальной кухне появилась Халимар. Не в выцветшем халате, стоптанных тапках и с бигуди на голове, а в короткой полупрозрачной блузе цвета юного одуванчика, в шароварах на бедрах, в золотых туфельках с изогнутыми носками и с обнаженным пупком. Да к тому же, увешанная драгоценностями!

— И это весь твой завтрак? — удивилась Халимар, когда Хома поставил на стол две чайные чашки, наполненные горячим кофе.

— А ты не помнишь разве, чем я был занят вчера? Надо было залететь на твоей туфле в какой-нибудь магазин, купить чего-то к завтраку, — недовольно проворчал Хома.

— Да мне все равно! Я могу не есть как угодно долго. Я о тебе беспокоюсь, — сказала джинн.

— А если беспокоишься, так и сообразила бы чего-нибудь на завтрак!

— Но ведь у тебя есть тридцать два желания! — напомнила Халимар. — Только пожелай — и здесь будет все, что твоей душе угодно!

— Да! Сейчас! Стану я тратить свои желания на завтраки! Ведь так через месяц ты улетишь в свою Страну Свободных Джиннов.

— А ты не хочешь, чтобы я улетала? — спросила Халимар радостно.

— А мне что до этого? Это твое дело.

— Не хочешь! Не хочешь! — захлопала в ладоши девушка. — Ты хочешь, чтобы я была с тобой! Вот так! Скоро у тебя появятся и другие желания.

— Делай, что хочешь. А мне на работу пора.

— Слушаю и повинуюсь! — картинно сложив руки перед грудью ладонями друг к другу, торжественно произнесла Халимар.

— Эй! Так не честно! Я не загадывал никакого желания!

— Загадывал, — настаивала Халимар.

— Не загадывал!

— Загадывал!

— Не загадывал!

— Ты сказал: «Делай, что хочешь!» Любая просьба, приказ, пожелание — все считается!

— Я не согласен! Я буду на тебя жаловаться! Твоим родителям пожалуюсь! Они честные джинны, они меня поддержат.

— Родители хотят, чтобы я вернулась к ним. Разве им не все равно, каким способом я выдавлю из тебя остальные желания?

— Я ухожу. Мне некогда с тобой пререкаться, я и так уже опаздываю.

— Хочешь, подвезу в туфле? — хитро взглянула на Хому Халимар.

— Нет! — коротко ответил парень и вышел из комнаты.

Он закрыл дверь на ключ, спустился по крутой лестнице с третьего этажа и направился напрямик к троллейбусной остановке.

— Я хочу с тобой! — услышал он знакомый голос.

Халимар уже шла рядом.

«Я один вижу ее? Или другие тоже видят?» — подумал Хома.

— А ты не замечаешь, как вон тот мужчина посмотрел мне вслед? — спросила Халимар. — А с каким интересом смотрит на меня вон та женщина в синем пальто!

— Во-первых, это не пальто, а платье. А во-вторых, в таком наряде на тебя и коты будут оглядываться, а не то, что люди.

Ты видела хоть одного человека в такой одежде, как на тебе?

— А как мне одеться? — спросила кротко Халимар.

— Ага! Хочешь меня поймать на желании? Не выйдет! — предупредил Хома.

Он шел быстро и не оглядывался. Подошел к остановке.

«Может, хватит ума домой вернуться. Очень надо, чтобы меня видели в обществе девушки, которая разгуливает по городу в прозрачных шароварах».

Троллейбус подошел и остановился. Поднимаясь на ступеньку, Хома оглянулся. Халимар не было.

«Вот и хорошо! Пошла домой!» — подумал с облегчением.

В троллейбусе Хома купил билет и стал у окна. Свободных мест в такое время не было, все стремились в центр города на работу или учебу.

— Девушка, заплатите за проезд! — услышал он голос кондуктора.

— А я вот с ним! Он за меня заплатит.

Халимар! Она уже в троллейбусе! Когда только успела? Теперь на ней было ужасное темно-синее платье, точно такое, как было на встретившейся им по дороге женщине. Это было вышедшее из моды лет тридцать назад кримпленовое платье. И размера оно было точно такого, как на той женщине. То есть, при желании в него могло поместиться еще две Халимар.

И снова девушка притягивала к себе любопытные взгляды. Теперь даже больше, чем когда разгулиwała в прозрачных шароварах. На ногах у нее по-прежнему были золотые туфли с загибающимися к небу носками.

Хома купил еще один билет, приблизился к Халимар и шепнул ей прямо в ухо:

— Ты будешь целый день меня преследовать?

— Да, — ответила она.

Вышли из троллейбуса. Теперь Хоме надо было преодолеть путь в девять кварталов. Улица была почти безлюдной. Только пенсионеры выгуливали собак. Остальной народ пользовался в такое время городским транспортом, оставив прогулки по красивой улице на вечернее время, когда уже не надо будет спешить на службу.

Хома спешил. Времени до открытия магазина оставалось совсем немного. Халимар семенила рядом, путаясь в широченном платье.

— Да, теперь я вижу, что у тебя замечательный вкус, — решил поиздеваться над девушкой Хома. — Из всех платьев, которые ты увидела сегодня, ты выбрала самое шикарное! У всех джиннов такой изысканный вкус?

Сначала Халимар не замечала иронии, шла рядом и мило улыбалась.

— Теперь я понимаю, откуда пришла мода носить джинсы и шелковое платье

одновременно! Наверное, это придумали джинны.

Внезапно Халимар что-то поняла. Она сверкнула глазами в сторону Хома и исчезла.

— Обиделась! — решил Хома. — Ну и пусть! Не будет мешать мне на работе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Хома явился как раз к открытию магазина. За две минуты переоделся, нацепил на себя ремень с кобурой. Поймал недовольный взгляд начальника охраны. Стал у входа в магазин. Рабочий день начался. В черной форме, с надписью на нагрудном кармане «охрана», с кобурой Хома выглядел впечатляюще. Он тупо смотрел на входящих и выходящих людей, ни кого конкретно не замечая. Час простоял. Другой простоял. Третий простоял. Люди входили и выходили, входили и выходили. Молоденькие женщины с любопытством поглядывали на симпатичного охранника. А он вообще ни на кого не смотрел. И эту девушку, поднимающуюся по ступенькам в магазин, одетую в облегающее платье лилового цвета, в белом шелковом платке, завязанном под подбородком, в больших темных очках в белой оправе он бы тоже не заметил, если бы не золотые туфельки с чудовищными длинными носками, загибающимися вверх.

«Явилась — не запылилась», — с раздражением подумал Хома.

Халимар прошла мимо, даже не удостоив Хому взглядом.

«Ох-ох-ох! — подумал Хома. — Какие мы важные! Думает, я не узнал ее в темных очках!»

Халимар походила по магазину. Переполошила работников всех отделов. Ее интересовало абсолютно все: от соковыжималки для цитрусовых до огромного музыкального центра. Продавцы демонстрировали ей товары, а она мило улыбалась и пила кофе, сидя в удобном кресле. Кофе собственноручно приготовил для нее старший администратор магазина.

Кресло стояло так, что, сидя в нем, очень хорошо было наблюдать за входом в магазин и за торчащим там, как поплавок, охранником.

Пришло время обеденного перерыва. Хому подменил его коллега из отдела. Халимар тоже поднялась с кресла и вышла следом за Хомой.

— Ты думаешь меня покормить? — спросила она. — Я, между прочим, у тебя живу. Значит, я твоя гостья. Ты обязан заботиться обо мне!

— Ты не гостья! Ты мой джинн. Ты обязана подчиняться мне, заботиться обо мне, а не заниматься вымогательством еды.

— Ты это серьезно сейчас говоришь? Если я твой джинн — повелевай! Я с радостью выполню любое твоё желание!

— Не дожدهшься! Пусть я истрачу последние копейки, но я накормлю тебя обедом сам. Идем! — решительно подставил Хома бубликом правую руку девушке.

Халимар как будто того и ждала. Она ухватила Хому под руку и засеменила рядом.

В кафе, где обычно обедал Хома, было полно его знакомых. Это и коллеги из охранного агентства, и продавцы супермаркета, и бывшие сокурсники, которые тоже устроились после института, мягко выражаясь, не совсем по специальности.

Хома кивал всем знакомым. Но вдруг увидел, что и Халимар кивнула кому-то из посетителей.

— У тебя в городе есть знакомые? — спросил ее Хома.

— Да, есть, и не один.

Хома внимательно присмотрелся к мужчине, с которым поздоровалась Халимар. Он был не один, а с девушкой, пышнотелой блондинкой с румянцем через всю щеку. Такого цвета румянец трудно получить при помощи макияжа. Девушка напоминала ожившую матрешку. Мужчина, с которым поздоровалась Халимар, кареглазый брюнет с аккуратной бородкой, галантно ухаживал за матрешкой. Взгляд Хома случайно упал на ноги брюнета. Так и есть! На нем были золотые туфли с невероятно длинными и загнутыми кверху носками. Носки туфель смотрели в небо. Они стремились туда, в Страну Свободных Джиннов.

— И много вас среди людей? — спросил Хома.

— Любопытство — это привилегия женщин. Мужчину любопытство только портит, — заметила Халимар.

— Мужчину портит вовсе не любопытство, — с уверенностью сказал Хома.

— Ты опять о своей бывшей подруге? — полюбопытствовала Халимар.

— Ты на что намекаешь? — спросил сердито Хома.

— Я? Ни на что! А ты что подумал? — улыбнулась Халимар.

— Хватит притворяться! Я прекрасно знаю, что ты можешь прочитать мои мысли!

— Могу. Но мне бы хотелось, чтобы и ты изредка читал мои. А до конца перерыва осталось ровно тридцать шесть минут.

Хома выбрал еду по своему вкусу, принес ее и поставил на стол.

— А меня почему не спросил, что я буду? — обиделась девушка.

— Знаешь, меня не волнует, будешь ты это есть или не будешь, — заявил Хома. — Если не нравится — наколдуй себе рахат-лукум, щербет и халву!

— Как ты догадался? Слушаю и повинуюсь! Пусть передо мной появятся рахат-лукум, халва и щербет! Это мои любимые сладости. Угощайся, — она вытащила откуда-то из-под стола примитивные счеты, которые очень давно уже исчезли с прилавков магазинов и из частных коллекций. — Было тридцать три. Минус одно желание. « Попрошу не оскорблять! » Помнишь? Осталось тридцать два. Потом было желание « Делай, что хочешь ». Еще минус одно. Это получается тридцать один. И еще одно: « Наколдуй себе рахат-лукум, щербет и халву! »

Итого; тридцать один минус один равно тридцать. У тебя осталось ровно тридцать желаний! Не так уже и плохо за неполных два дня!

— Ты самый нечестный джинн, каких я знаю! — заявил Хома.

— А у тебя большой опыт общения с джиннами? — спросила Халимар.

— Не очень. Ты первая, — честно признался Хома.

— То-то же! Джинны все такие. Они пытаются подловить человека на мелочах. И половина желаний уходит впустую! Но зато другая половина приносит счастье, удачу и богатство.

— Значит, сначала желания как бы для разминки задаются, а потом для чего-то важного? — догадался Хома.

— Да! Но тех желаний, что потрачены с умом, хватает человеку на все. Знал бы ты, скольким людям я помогла добиться успеха!

— Догадываюсь. Тридцати двум.

— Ты такой умный, — сказала Халимар.

И тут же добавила:

— Мой господин и повелитель!

К их столику приближался с подносом шеф Хомы, начальник охраны.

— Можно к вам присоединиться? — вежливо спросил.

Хома кивнул.

«Наверное, подсел, чтобы сделать мне замечание. Я же сегодня почти опоздал», — подумал Хома.

Но нет. Он ошибся.

— Хома, ты меня своей девушке не представишь? — глупо улыбаясь, спросил начальник.

— Халимар. Семен Михайлович.

Улыбка Семена Михайловича стала еще глупее.

— Можно просто Сема, — он схватил ручку Халимар и приложился к ней губами, напоминая отдельный фрагмент еды, которую принес Хома.

— Варенички едите? С творожком? С маслицем? — любопытствовал Сема. — Я тоже люблю. Но... Директор агентства сказал, если в форму не влезу, он меня уволит. Вот я и перешел на салатики!

— Капустку любите? — спросила Халимар. — Я, как только лицо ваше увидела, сразу поняла: этот человек капустку любит.

— А как вы догадались? — удивился Сема.

— Да так, есть некоторый опыт, — ответила Халимар.

«Потому, что ты козел!» — подумал Хома.

— Хома, я не знал, что у тебя такая девушка красивая, — поддерживал беседу Семен Михайлович.

— Она мне вовсе не девушка, — быстро ответил Хома.

Настолько быстро, что это не понравилось Халимар.

— Да, — сказала она. — Сема, Хома — не мой парень! Я его дальняя родственница. Седьмая вода на киселе. Из глубинки. Вот, в большой город потянуло! Хома меня и приютил по-родственному! Ведь правда же, Хома? Ты позволишь мне остаться?

— Оставайся! — забыв о предосторожности, поспешно ответил Хома.

— Тридцать минус один! Равно двадцати девяти! — торжественно объявила Халимар.

Хоме захотелось запустить в нее тарелкой, но на тарелке еще были вареники. Они-то в чем виноваты?

— Ну, вы тут посидите, Семен Михайлович! Да и ты, Халимар, можешь не спешить, — встал из-за стола Хома, расправившись с оставшимися варениками. — А мне работать надо!

Хома ушел. А Михайлович обрадовался такому повороту событий, стал рассказывать разные истории из своей жизни, восхищаясь собственным остроумием. Он так старался произвести на девушку неизгладимое впечатление, что даже не заметил, что уже его произвел. Только очень отрицательное. Халимар он сразу не понравился, но, на зло Хоме, она решила закрутить с Семой легкий непродолжительный роман.

«Посмотрим, как ты справишься с ревностью, мой господин и повелитель», — подумала она.

— Халимар! Как я рад, что мы вдвоем! Я потрясен вашей красотой! А при вашем родственнике я бы не решился сделать вам признание, — сказал Сема. — Может, поужинаем сегодня вместе?

— Я с радостью приму ваше приглашение!

— Тогда я заеду за вами в восемь? — вежливо склонил голову в почтительнейшем из поклонов Сема.

— В восемь! Чудесно! Это мое любимое время ужина.

Халимар знала, что именно в это время Хома заканчивает работу. И тут она подумала, что встречаться у дома с Семой было бы глупо. Какой в этом смысл? Ведь Хома все равно их не увидит.

— А не надо за мной заезжать! Давайте встретимся здесь, в центре. А лучше всего — у входа в магазин. Ровно в восемь! — предложила девушка.

— Хорошо! Значит, ровно в восемь, у входа в магазин? — уточнил Сема.

«Да, его любовь к капусте не случайна», — подумала Халимар.

Семен Михайлович был высоким и почти симпатичным парнем. Только вот пуговицы на его форменной куртке были натянуты до предела, а брюки трескали по швам. Аппетитный такой мужчинка. Если бы Халимар была обычной девушкой, она бы спряталась где-нибудь и ждала, как будет вести себя Сема, когда его девушка опоздает на свидание на сорок или, скажем, шестьдесят минут. Но Халимар не была обычной девушкой, она была девушкой-джинном. Поэтому явилась на свидание пунктуально в восемь. Зато как явилась! Наверное, если бы Сема знал, что Халимар сначала хотела опоздать, он бы подумал: «Лучше бы она опоздала!»

Халимар поднималась по ступенькам все в том же наряде: платье, шелковый платок, зачем-то солнцезащитные очки в восемь вечера, золотые туфли, устремленные носками в небеса. Но что-то в ней определенно изменилось. Когда она поравнялась с Хомой, он понял, что именно. Рост! Она изменила себе рост! И хотя Хома был высоким парнем, сто восемьдесят три сантиметра, она теперь была выше него почти на две головы.

— Ну как? — спросила Халимар. — Понравлюсь я Семе?

— Я думаю, он будет в восторге, — предположил Хома.

— Я тоже так думаю. Вот видишь, а ты мне не верил, что для меня размеры не имеют значения! Какой надо, такой могу сделать, — сказала Халимар и подмигнула Хоме.

— Что за грязные намеки! До чего же ты несносная родственница! И зачем я позволил тебе жить у меня?

Когда Сема увидел Халимар, у него пересохло в горле. Он подошел к автомату с кока-колой, один стаканчик залпом выпил, а другим полил себе голову.

Халимар как будто не заметила его растерянности, плавно подала ему руку для поцелуя.

— Сема! Я готова отужинать вами! — Халимар специально пропустила предлог, чтобы Сема испугался еще больше.

Слова подействовали. Сема сел в кресло и попросил, чтобы для него вызвали скорую медицинскую помощь.

— Халимар, — еле шевеля губами, сказал он. — Я внезапно почувствовал острое недомогание. Я вынужден извиниться перед вами. Не согласитесь ли вы перенести наше свидание?

— Соглашусь, — охотно согласилась девушка и в то же самое мгновение стала обычного размера, как была. — Ну, что, родственник? Идем домой?

— Идем! — согласился Хома.

По дороге домой он спросил Халимар:

— За что ты так Сему напугала? Он теперь долго не сможет в себя прийти!

— Не знаю! Я вообще-то девушка добрая, — сказала Халимар.

— Ага. Знаю, ты белый джинн, — вспомнил Хома.

— А ты не веришь?! — возмутилась Халимар.

— После того, что ты сделала с Семой, верю этому все меньше и меньше. Ты его чуть до сердечного приступа не довела!

— А тебе что до него: Он тебе не друг, не родственник даже. Что ты за него так волнуешься? — удивилась Халимар.

— А ты мне тоже никто. Не подруга и не родственница даже.

— Зато ты мне — все! Мой господин, мой повелитель, — почти искренне сказала девушка.

Но Хома почему-то засомневался в искренности ее слов.

— И теперь забота о твоём ужине полностью лежит на мне. Подросла бы после ужина. Чего было Сеню так рано пугать? — в голосе Хома слышалось недовольство.

— У тебя финансовый кризис? — сочувственно спросила девушка.

— Что ты понимаешь! Кризис — это когда деньги есть, но их катастрофически не хватает. А у меня — финансовая катастрофа!

— Так попроси у своего верного и преданного джинна, — напомнила Халимар.

— Я скорее умру от голода, чем возьму деньги у женщины! — выпалил Хома.

— Ну, и умирай. Я принесу тебе на могилку цветы. Ты какие любишь?

— Ландыши.

— А я орхидеи.

— Жестокая ты, Халимар. Я так молод, а ты моей смерти желаешь.

— Я не желаю. Ты сам себе желаешь! А мог бы пожелать себе чего-нибудь другого!

— Ты опять за свое? Не буду я просить у тебя ничего!

— Ладно. Не кипятись. Давай домой в туфле доедем. Посмотри, сколько людей на остановке! Охота тебе трястись в переполненном троллейбусе?

— Я привык. Обойдемся и без чудес!

— А с чудесами лучше! Садись! Не упрямясь! Я все равно полечу, с тобой или без тебя.

Туфля стала расти. Достигнув необходимого размера, остановилась.

— Садись! — настойчиво приглашала Халимар.

— Не хочу!

Упрямый Хома сам дошел до остановки, пропустил три троллейбуса, в четвертый втиснулся боком. Вернее, не втиснулся, а его внесло волной стоявших за ним людей. Втолкнуло, внесло и поставило впритык к задней стенке, лицом к окну.

А Халимар, удобно усевшись в золотой лодке, плыла следом за троллейбусом и посылала Хоме воздушные поцелуи. Пассажиры, которых, как и Хому, приперло к задней стенке, с удивлением наблюдали за девушкой.

— Смотри! Смотри! Во дает!

На третьей остановке Хома растолкал пассажиров локтями и выскочил из троллейбуса, оставив в нем всего одну небольшую пуговичку от своей рубашки.

К вырвавшемуся из троллейбуса Хоме подлетела Халимар.

— Ну, что? Передумал? Садись, а то ужин остынет! — сказала девушка.

«Ух, ты! Она уже ужин наколдовала, а я желание не использовал!»

Через несколько мгновений лодка с Халимар и Хомой уже стояла посреди комнаты. Как им удавалось проскочить в маленькую форточку, Хома не понимал.

— Скажи, а как это мы в такую узкую форточку пролазим? — спросил он Халимар,

когда уже лодка снова стала туфлей.

— Очень просто! На одну секунду мы уменьшаемся вместе с лодкой до нужного размера. Но это длится так недолго, что ты этого не замечаешь!

— Ты меня уменьшаешь?! А ты спросила меня?! Может, мне это неприятно! — разозлился Хома. — А вдруг ты не сможешь потом меня увеличить? Тогда что?

— Тогда буду носить тебя вот здесь, — Халимар указала на место в блузке, вверху, между двумя холмиками. — И буду кормить тебя крошками со своего стола.

— Ты не посмеешь!

— Конечно, не посмею! Пошутила я.

— А на счет ужина тоже пошутила? — спросил Хома.

— Не-а, пойдем на кухню! — пригласила девушка.

На кухонном столе стояла большая эмалированная миска с вареной фасолью. От нее вверх поднимался пар.

— И это все? — разочарованно протянул Хома.

— Да. Очень полезная и вкусная еда. Ешь и не капризничай, повелитель мой.

— Сама ешь, — сердито сказал Хома. — Тоже мне, ужин.

— Да ладно, пошутила я.

Халимар хлопнула в ладоши, и таз с фасолью исчез. Хлопнула еще раз — на столе появился изящный сосуд. Когда девушка хлопнула в третий раз, на столе появились блюда, которые нельзя было назвать иначе, как только яствами. Такими изысканными и ароматными они были.

«Совсем другое дело», — подумал Хома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: ШОТЛАНДИЯ — СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

На следующий день у Хома был выходной. Он позволил себе немного расслабиться и поспать подольше. Проснулся оттого, что почувствовал запах женских волос. Они щекотали ему лицо.

«Халимар развлекается», — подумал он и открыл глаза.

Прямо над его головой висела Халимар. Точнее, она не висела, а крепко стояла ногами в золотых туфельках на потолке. Прямо над его головой. Длинные медовые волосы свисали вниз и щекотали лицо Хома.

— Уже проснулся? — радостно воскликнула Халимар. — Я уже собиралась тебя разбудить!

— Попробуй не проснуться! Твои волосы щекочут мне лицо! — недовольно сказал Хома.

— И тебе доброго утра, повелитель мой! — иронично заметила Халимар.

— Хоть бы в выходной дали поспать, — буркнул Хома и перевернулся на бок, лицом к стене.

— А разве мы сегодня никуда не пойдем? — спросила Халимар.

— А куда мы пойдем? У меня до зарплаты еще три дня. Куда я поведу тебя без денег?

— Тогда отправимся в путешествие! — предложила Халимар. — Без денег, паспортов и виз!

— А куда мы можем полететь?

— В Шотландию, конечно! Ты был в Шотландии? — спросила девушка.

— Нет. А ты?

— Конечно, была! Каждый уважающий себя джинн должен побывать в Шотландии хотя бы тысячу раз! Собирайся, нам уже пора вылетать.

Туфля тут же стала расти.

— Даже чаю не попьём? — спросил Хома.

— Позавтракаем в дороге! Садись скорее!

Хома шагнул в лодку-туфлю, и уже через мгновение они с Халимар были снаружи дома. Юноша и девушка сидели в лодке лицом друг к другу. В руке у Хома тотчас же оказалась чашка с дымящимся кофе. У Халимар — точно такая же чашка. Откуда-то из глубины широких фиолетовых шаровар девушка вытащила два запакованных круассана с шоколадным кремом.

— Это я вчера в магазине прихватила, — объяснила девушка.

— Ты украла их в магазине?! — возмутился Хома.

— Подбери выражения, повелитель мой! — обиделась или сделала вид, что обиделась, Халимар. — Не украла, а одолжила без денег. Ты же мне не дал ни копейки, как же я могла их купить! Вот зарплату получишь, дашь мне — я свой долг и верну! Подумаешь, трагедия века: две булочки взяла!

Они долго летели молча и даже не смотрели друг на друга. Первой не выдержала молчания Халимар.

— А тебе что-нибудь известно о Шотландии? — спросила она Хому.

— Шотландия — это северная часть Великобритании, — ответил Хома.

— И это все?! Это все, что тебе известно о Шотландии? Стране гор и озер, мифов и легенд, загадок и тайн, замков и привидений, футбольных команд «Рейнджерс» и «Кельтик»?

— Ну, почему? Знаю еще, что столица ее — город Э...

Хома не мог вспомнить название главного города Шотландии. Вот только слово это крутилось на языке, а теперь вылетело напрочь из головы.

— Похоже, мне придется заняться твоим образованием.

Халимар вытянула руку в сторону, и откуда-то прямо из воздуха достала книгу.

— Так, что это у нас? «Зачетная тетрадь для тематического оценивания». Бред какой-то! Попробую еще раз. А сейчас что? «Изучение биологии в средней школе». Снова не то! Попробую еще раз. «География». Вот это, кажется, то, что надо! Читай!

Она протянула Хоме учебник. Хома только взял его в руки, как страницы сами стали перелистываться и остановились именно там, где нужно.

— Шотландия — северная часть Великобритании, — прочитал Хома. — Это я и без учебника знаю.

— Дальше, дальше читай! Ты даже столицу не помнишь. Тебе очень полезен будет этот урок.

— В Шотландии пять миллионов жителей, — прочитал Хома. — Это всего пять таких городов, как наш! Столица Шотландии — город Эдинбург.

— Вот! Запомни: Эдинбург! Поблагодари своего джинна за то, что просветила тебя! Так бы и жил в темном незнании.

— Я бы и так вспомнил! Я еще помню, что есть город Глазго.

— Подсмотрел! Подсмотрел! Там в учебнике есть о Глазго!

— Подсмотрел, — признался Хома. — Я вообще никогда не интересовался географией,

а тем более, Шотландией.

— О, Великий Джинн! С кем я связала свою жизнь? Он не любит Шотландию! — подняла руки вверх и сложила их, как для молитвы, Халимар.

— Ты убедила меня. Я сам удивляюсь, почему это я раньше не мечтал о Шотландии?

— То-то! Изучай параграф, мой господин и повелитель!

— Флаг Шотландии — белый крест на синем фоне. Это крест святого Андрея, ученика Иисуса. Некоторые люди путешествуют в Шотландию самолетом, другие — на судне.

— А джинны путешествуют в Шотландию в золотой туфле! Только об этом никто не догадался написать в учебнике, — добавила Халимар.

— По-моему, о вас вообще не пишут в учебниках, — сказал Хома.

— Мне известно это! И я считаю, что это безобразие. Но я верю, что скоро люди поймут, как они были не правы. И тогда во все учебники будут включены главы о джиннах. Нет! Этого мало. В школьной программе появится новый предмет — джиннология. Это будет очень полезный предмет. Ведь люди почти ничего не знают о нас. Только очень немногим посчастливилось кое-что о нас узнать.

— Как мне. Я теперь много знаю о джиннах! Я даже могу написать первый учебник по джиннологии, — предложил Хома.

— То, что знаешь ты — это ничто в сравнении с тем, что знаю я.

Учебник о джиннах должны написать сами джинны.

— Так займись сама этим! — посоветовал Хома.

— Займусь! Но пока я очень занята: я служу тебе! У меня совсем нет свободного времени.

— Ха-ха-ха! Ты служишь мне? Я же ничего не заставляю тебя делать! Ты даже пыль ни разу не вытерла. Я все делаю сам.

— Конечно! Ты все делаешь сам. И сейчас в Шотландию ты тоже летишь сам, и круассаны из супермаркета позаимствовал ты сам, и учебник по географии раздобыл ты сам! Самостоятельный мой господин и повелитель! Постеснялся бы так говорить! Я все силы свои трачу на тебя. Вот везу тебя в Шотландию, чтобы ты не скучал в выходной день.

— Я не просил, ты сама захотела, — напомнил Хома.

— Я видеть не могу человека, который ни разу не побывал в Шотландии! Мне смотреть на него больно! Считаю, что все твои дни до сегодняшнего дня ничтожны и пусты. И всю свою жизнь можешь смело делить на два периода: до поездки в Шотландию и после поездки в Шотландию!

— Да, завтра приду на работу и скажу: «Раньше, до поездки в Шотландию, я был глуп и неопытен. А теперь я умен и требую более достойную работу! Раньше я смотрел боевики и детективы, а теперь читаю умные книги!»

— Да, можешь не иронизировать, это действительно так. И одна из умных книг сейчас у тебя в руках. Читай, — мягко велела Халимар.

— Ежедневно из Лондона отправляется много поездов и автобусов на Глазго и Эдинбург, — прочитал Хома.

— Тебе повезло: полет с джинном в туфле намного приятнее, чем поездка в автобусе или поезде. Тем более, нам совсем не обязательно лететь в Лондон, чтобы попасть в Шотландию! Читай дальше! — потребовала Халимар.

— Глазго — самый большой город в Шотландии и третий по величине в Объединенном Королевстве. Значит, мы летим в Глазго? — спросил Хома.

— Увидишь! А что, тебе уже самому стало интересно? — улыбнулась Халимар.

— Мне уже давно стало интересно! Познакомился с джинном — расстанься со скукой! — весело сказал Хома.

— О! Подожди, я запишу, — у Халимар в руках появилась огромная книга в темно-синем переплете, на которой золотыми буквами родным языком Хома было написано: «Мудрые мысли моего повелителя Хома».

— И давно ты ведешь записи в этом блокнотике? — спросил Хома.

— Нет. Вот только сейчас решила его завести. Раньше у тебя не было мудрых мыслей, — объяснила Халимар.

— Издеваешься? — нахмурился Хома.

— Что ты! Я совершенно серьезно. Познакомился с джинном — расстанься со скукой! Это же просто чудо, как хорошо ты сказал!

— А если эта мудрая мысль будет единственной? — спросил Хома?

— Не страшно! — сказала Халимар.

Она провела рукой по обложке. Теперь на ней красовалась надпись: «Мудрая мысль моего повелителя Хома».

Парень рассмеялся. Халимар вторила ему своим удивительным смехом.

«Так могут смеяться только джинны, — подумал Хома. — Абсолютно счастливый смех!»

— Так что там еще о Шотландии? — спросила Халимар, указывая рукой на учебник географии.

— До 1750 года Глазго был небольшим городком. Шотландские корабли могли плавать в английские колонии в Америке. Корабли возили в Глазго табак. В 1776 году американские колонии стали независимыми, и торговля табаком прекратилась. Начала развиваться тяжелая промышленность. Она использовала уголь и железо с долины Клойд. Глазго становится богатым, но очень загрязненным городом.

— Теперь ты понимаешь, почему мы туда не летим? — спросила Халимар.

— А куда летим?

— Туда, где водятся привидения. Показателем чистоты окружающей среды является наличие привидений, — объяснила Халимар.

— А привидениям не все ли равно, каким воздухом им дышать? Они же бестелесные, у них и легких нет. И вообще, никаких привидений не существует!

— Да? — улыбнулась Халимар. — Может, и джиннов тоже никаких нет?

— На счет джиннов я уже не так уверен, как раньше. По крайней мере, троих я уже видел собственными глазами.

— Тогда придется тебе показать и привидение. Тогда ты поймешь, как был не прав, когда отказывал им в существовании. Я познакомлю тебя с одним симпатичным привидением.

— Ты знакома с привидением?

— Да, это мой давний клиент. То есть, повелитель. Когда-то он был так сильно влюблен в меня, что готов был даже отказаться от земной жизни, чтобы поселиться со мной в Стране Свободных Джиннов.

— А разве человеку дано такое право?

— Да, такие случаи бывали.

— И почему он не сделал этого?

— Одна маленькая деталь: я не любила его.
— Что вы, джинны, можете знать о любви!
— Ой, ой, ой! А что ты можешь знать о любви? От одной сам ушел, а другая тебя бросила! И думаешь, что у тебя уже богатый опыт!
— Откуда тебе все известно обо мне? — удивился Хома.
— От верблюда! — ответила Халимар.
— Фу, как грубо! Где ты нахваталась таких словечек?
— А я всегда соответствую времени и месту. Говорю так, как принято говорить там, куда я попадаю, — объяснила джинн. — Если бы мой флакон достался английскому лорду, я бы говорила так, как подобает в его кругу. С тобой я общаюсь так, как принято в твоё время.
— Я так и подумал, — признался Хома.
— А чего тогда задавать глупые вопросы, повелитель мой? Я же объяснила, что обязана знать о тебе все! И к тому же, я читаю твои мысли.
— А ты можешь мне объяснить, почему в Страну Свободных Джиннов мы прилетели так быстро, а в Шотландию так долго летим? — спросил Хома. — Неужели Шотландия дальше заоблачной страны?
— Шотландия намного ближе, наблюдательный мой господин. Но наш полет сам по себе приятен, а не только конечная его цель. Ты так не считаешь?
— Так мы летим долго только потому, что ты сама этого хочешь? — спросил Хома.
— И ты, Хома, и ты! — уверенно сказала Халимар. — А если тебе надоело лететь, ты только скажи — и мы в тот же миг окажемся в Эдинбурге.
— Я уже достаточно узнал о Шотландии! Можем приземляться!
И в тот же миг лодка приземлилась недалеко от старинного замка.
— Я пойду поздороваюсь с Эриком. Если хочешь, идем со мной. Ведь не каждый день тебе приходится видеть настоящее привидение!
— Знаешь, иди к своему Эрику сама. У меня нет желания с ним знакомиться.
— Да пошутила я! Привидения днем не показываются. Эрик здесь газоны стрижет. Он господин моего двоюродного братца. Идем, я тебя с братом познакомлю!

ГЛАВА ПЯТАЯ: МАЛЫШ ИЗ ЛОХ-НЕССКОГО ОЗЕРА

— Хочешь увидеть Несси? Кажется, так вы его называете? — спросила Халимар. — Садись в лодку, поплаваем по озеру.
Золотая туфля снова увеличилась до размеров лодки.
— Нет, я, пожалуй, подожду тебя на берегу.
— Не бойся! Я этого зверька помню вот таким крохой! Он не сделает нам ничего плохого, — уверяла Халимар. — Он совсем безобидный.
— Если он такой безобидный, почему его называют чудовищем? — спросил Хома.
— Ты же знаешь, людям свойственно все преувеличивать. Все называют его чудовищем? Я — нет. И ты, когда познакомишься с ним поближе, не будешь так считать. Разве чудовище может есть только траву?
— А ты уверена, что ему не захочется съесть хорошо откормленного человечка?
— Это ты о себе? Ты льстишь себе, Хома! Никакой людоед не позарится на твои кости. А тем более, добрый растительоядный бронтозавр.
— А ты уверена, что он растительоядный? — все еще не верил Халимар Хома.

— Я же сказала тебе: я помню его еще малышом. Он тогда здесь жил с мамой. Правда, выглядит он сейчас немного иначе, чем тогда. Но нрав его с тех пор мало изменился. Бояться его нечего, он — сама доброта!

— Ладно! Поверю тебе еще раз, — согласился Хома.

Они сели вдвоем в золотую лодку и поплыли по озеру.

— А здесь глубоко? — спросил Хома, вглядываясь в толщу воды.

— О, да! Это озеро невероятно глубокое! У него просто фантастическая глубина — семьсот футов. Длина его двадцать четыре мили, а ширина лишь в некоторых местах превышает милю. По объему пресной воды это озеро третье в Европе, а по загадочности — первое!

— А почему в озере такая темная вода? — спросил Хома.

— Да, ты правильно заметил. Вода здесь действительно темная и непрозрачная. Это из-за торфа, которого в изобилии по берегам. К тому же, вода здесь еще и очень холодная.

Где-то на середине озера лодка вдруг стала раскачиваться. Хома ухватился в края туфли.

— Не бойся! Я же с тобой, — успокоила его Халимар. — В конце концов, мы всегда можем использовать твоё желание. Скажешь: «Отправь меня домой!» И в ту же секунду окажешься в своей постели с натянутым к глазам одеялом.

— А почему к глазам? — спросил Хома.

— Ну, можешь и на глаза одеялко натянуть, чтобы не так страшно было.

— По-твоему, я трус? — недовольно спросил Хома.

— Я не говорила этого, мой повелитель! Ты сам это только что сказал.

Внезапно лодку перестало раскачивать. Хома облегченно вздохнул.

— Рано радуешься! Это было только начало! — предупредила Халимар.

Теперь раскачивания лодки повторялись чаще и были сильнее, чем в первый раз. Потом лодку чуть не опрокинула высокая волна, поднятая огромным животным. Если бы Халимар не подняла свою туфлю, временно выполняющую функции лодки, в воздух, Хома и Халимар были бы уже залиты водой.

Лодка неподвижно висела в воздухе, и Хома увидел, как из воды показалось животное. Оно могло быть бегемотом, слоном, крокодилом, динозавром, драконом — кем угодно. Однако, Хома знал, что динозавры вымерли, драконы живут только в сказках, а слоны в воде не живут. Наконец животное поднялось на поверхность воды. Теперь его можно было хорошенько рассмотреть. Что Хома и сделал.

Это было очень странное животное, с большим туловищем, длинной шеей и маленькой головкой. Взглянув маленькими овальными глазками на Халимар, животное издало жуткий, просто-таки душераздирающий вопль! Хома от неожиданности чуть не свалился в озеро.

— Малыш! — радостно закричала Халимар. — Ты узнал меня, малыш!

«Малыш» был черным-черным и блестящим. Шея чудовищных размеров торчала из воды, держа на себе маленькую головку, напоминающую по форме лошадиную. Тело животного было широким и крупным, оно как бы состояло из трех невысоких горбов.

Халимар опустила лодку на воду прямо у морды животного. У Хома зашевелились волосы от страха. Он с ужасом смотрел в овальные глаза чудовища. Чудовище тоже с любопытством взидало на Хома.

— Познакомься, Эван, это Хома! Хома! Это Эван!

— Очень приятно, — саркастически заметил Хома. — Почему Эван? Это же Несси!

— Это он сам тебе так сказал? Он сам представился, пожал тебе руку и сказал: «Несси!»

Да?

— Нет, конечно. Но его все так называют! Лох-Несское чудовище по имени Несси.

— Я не против. Но только Эван не Несси. Эван — мужчина. Тебе приятно было бы если б тебя называли Машей или Ниной? Да, кстати, а почему ты никогда не называешься своим настоящим именем? — поинтересовалась любопытная девушка-джинн.

— Догадайся с трех раз! Ты же умная, — съязвил Хома.

— Умная, не спорю. И догадаюсь с одного раза. Ты просто не хочешь доказать, что у тебя есть имя. Ты прячешься за Хому, как улитка прячется в раковину.

— Ага, скажи еще, как страус прячет голову в песок.

— А разве я не права? Вот произнеси смело вслух: «Меня зовут С-с-с...» Не хочешь?

— Не хочу!

— И не надо! Мне нравится, что ты Хома. Хома и Халимар — звучит! Тристан и Изольда! Ромео и Джульетта! Руслан и Людмила! Хома и Халимар! Халимар и Хома! Наши имена так миленько смотрятся рядом.

— Смотрятся, смотрятся! — встревожено прекратил болтовню девушки Хома. — Тебе не кажется, что милый Эван очень странно смотрит на тебя? С аппетитом!

— О! Да! Чуть не забыла. Эван, я привезла тебе круассаны с шоколадным кремом.

В воздухе появилось внезапно огромное металлическое блюдо, на котором возвышалась гора аппетитных слоеных французских булочек.

— Эти ты тоже позаимствовала без денег? — ужаснулся Хома.

— Нет, эти я сама наколдовала. Так что ты должен вернуть в магазин деньги только за две.

Халимар доставала булочку из пакета, пакет растворялся в воздухе, как будто плавился и бесследно исчезал. Булочки тоже исчезали, но уже во рту Эвана.

— Хома! Помоги мне разворачивать круассаны! Видишь, я не успеваю.

Хома и Халимар вдвоем кормили Эвана, а гора на блюде не уменьшалась. Просто заколдованная какая-то гора!

Хома развернул одну булочку и решил сам ее съесть. Но тут же получил удар рукой по руке от Халимар.

— Не ешь булочку! Бронтозавриком станешь! — предупредила она.

Хома так и замер с открытым ртом и булочкой в руке.

— Пошутила я! — расхохоталась Халимар. — Такой большой, а в сказки веришь! Ешь, нам тоже не мешает подкрепиться.

Халимар развернула булочку и стала ее есть. Эван терпеливо ждал продолжения банкета.

Когда все трое насытились, блюдо с горкой круассанов на нем исчезло.

— Ну, как, Эван? Покажешь Хоме пару трюков? — спросила Халимар.

Эван не ответил ничего, но тут же взлетел в воздух и выполнил сальто. Хома и Халимар наградили его аплодисментами. И так, поддерживаемый аплодисментами и восторженными возгласами зрителей, Эван показал все, на что был способен. Он быстро плавал вокруг золотой лодки, резвился и прыгал, как счастливый дельфин. Халимар хохотала, как девчонка, высоко запрокинув голову и обнажая белые зубы. Хома уже не смотрел на Эвана, он любовался своей спутницей. Еще бы! Какой мужчина с традиционной ориентацией не засмотрится на такую девушку!

— Хочешь прокатиться на Эване? — предложила Халимар.

— Нет! Нет! — быстро отказался Хома. — Только не это!

— Как хочешь. А я прокачусь. Эван! Ко мне! — приказала девушка, и огромное чудовище подлетело, как послушный щенок.

Халимар села на широкую спину Эвана. Эван снова издал жуткий, душераздирающий вопль. Очевидно, таким образом он выражал восторг.

На большой скорости Эван носился по озеру, доставляя огромное удовольствие своей всаднице. Халимар хохотала так громко, что смех ее отзывался эхом где-то в горах.

Наконец девушка вернулась в лодку. Эван взмахнул прощально хвостом и скрылся в темных водах озера.

— Что-то прохладно стало, — тихо сказала Халимар, села рядом с Хомой и крепко прижалась к нему.

— Прохладно? — удивился Хома, глядя на покрасневшее лицо девушки. — По-моему, наоборот, жарко. Если тебе прохладно, наколдуй себе шотландский плед!

— Слушаю и повинуюсь, господин мой!

И тут же с неба в лодку свалился клетчатый плед. Халимар укуталась в него. Внезапно Хома почувствовал, что тоже замерзает.

— Можно к тебе под одеялко? — робко спросил девушку.

Она молча приподняла край пледа, чтобы Хоме удобнее было сесть рядом.

— Ну, что? Летим домой? — предложила Халимар. — Тебе не мешает выспаться перед работой.

— Домой так домой! — согласился Хома. — Хотя мне и в Шотландии неплохо! Я еще не все узнал об этой стране!

— Знания можно приобретать и в пути, — напомнила Халимар.

И когда лодка поднялась высоко-высоко, выше облаков, Халимар снова протянула руку куда-то в воздух и достала книгу. Книга была толстой, она называлась «Энциклопедия шотландской поэзии». Хома едва удерживал ее у себя на коленях.

— Да, это очень тяжело для тебя, — заметила девушка. — Давай, я сама тебе прочту! Роберт Бернс, шотландский народный поэт, родился 25 января 1759 года. Отец его был бедным фермером. В семье было семеро детей, а Роберт был старшим. Мать его знала много шотландских песен и часто пела их своим детям. Мамина подруга Бетти рассказывала ему множество фантастических историй о феях и ведьмах.

— А его мама дождалась того момента, когда сын стал знаменитостью? — нетерпеливо спросил Хома.

— Да! Конечно! Он же был старшим из ее детей. А стихи стал писать еще в пятнадцать лет. Его стихи, даже самые первые, имели потрясающий успех. Но мне больше всего нравятся его стихи «Я люблю мою Джин» и «Прекрасная Джин». Пожалуй, это все, что тебе надо знать о Шотландии, повелитель мой, — Халимар захлопнула книгу и опустила ее рядом с бортом лодки-туфли, сладко зевнула и еще тесней прижалась к Хоме.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: БЫВШАЯ ПОДРУГА СТРАНА СВОБОДНЫХ ДЖИННОВ (РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ)

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный

язык!

За мной, мой читатель, и только за
мной, и я покажу тебе такую любовь!

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

ГЛАВА ПЕРВАЯ: ЗЕЛЕНый ФЛАКОН

Хому никто не называл по имени. Только в глубоком детстве. Но это было так давно! Многие вообще считали, что это и есть его настоящее имя. Да и сам он давно уже привык к этому, и когда знакомился с девушками, представлялся:

— Хома.

Некоторые удивлялись, говорили:

— Ах, какое редкое имя!

Другие воспринимали это равнодушно. Хома так Хома! Эка невидаль! И не с такими знакомились!

Хозяйке квартиры он тоже так представился:

— Хома.

— Хома неверующий? — спросила женщина.

— Почему неверующий? — удивился Хома.

— А я о других не слышала. Только о Хоме неверующем, — объяснила женщина.

— Нет, Хоменко я. Просто Хомой все зовут, — объяснил парень.

— А! Понятно! Ну, как? Нравится квартира? — спросила хозяйка.

То, что именовалось квартирой, на самом деле было комнаткой два с половиной метра в длину и немного меньше в ширину. Очевидно, когда-то это просто был шкаф для одежды или, как сейчас модно говорить, гардеробная. Вот для одежды это было бы еще ничего, но жить в этом лифте...

— Думайте, только недолго. Квартира хорошая. На нее клиент сразу найдется. Вход отдельный, кухня своя, санузел, мебель.

Мебель — это старый продавленный диван с неопределенного цвета обивкой и еще более старый комод. Эти предметы, пожалуй, можно было бы назвать антикварными, из уважения к их почтенному возрасту.

— Так что, берете? — спросила хозяйка.

В этот самый момент у нее в кармане халата заиграла музыка.

— Алло! — ответила хозяйка. — Комната? Да, освободилась комната... Отдельный вход, своя кухня, санузел... Адрес? — она прикрыла рукой трубку. — Так что, берете? — снова обратилась к Хоме.

Хома утвердительно кивнул.

— Нет, уже занята комната!... Пожалуйста!

— Только у меня правило такое: деньги наперед, за два месяца, — предупредила Хому. — И мне хорошо, и вам лучше! Раз заплатил — и живи себе два месяца! Где вы еще такое жилье за семьдесят пять долларов найдете?

— По телефону мы договаривались за шестьдесят, — вспомнил Хома.

— За шестьдесят? Значит, это случайно вырвалось. Я девчонке, что вчера съехала, сдавала за шестьдесят. Начинаящая модель! Она без работы сидела несколько месяцев, вот я

и брала с нее шестьдесят. Шестьдесят! — хмыкнула хозяйка. — За шестьдесят и комнату в коммуналке трудно найти, а у меня отдельная квартира!

По телефону размеры жилища указывались слегка иные. Может, перегородку поставили, пока Хома ехал в троллейбусе? И комната стала меньше.

— Ну, так что? — ждала денег хозяйка. — А район какой! Шесть остановок на троллейбусе — и уже в центре.

Шесть не шесть, а восемь остановок действительно надо было проехать на автобусе, чтобы добраться до центра. По масштабам крупного города это совсем ничего. А потом еще девять кварталов пешком по прямой и два квартала направо, чтобы попасть в магазин бытовой техники, в котором Хома работал охранником. Работа не пыльная: стой себе у входа с кобурой на поясе и тупо смотри на входящих и выходящих посетителей. Конечно, в дипломе экономического университета у Хома значилась совсем другая специальность. Только устроиться с дипломом на работу было гораздо сложнее, чем в этот самый вуз поступить. Выпущенные пачками специалисты оседали на рынках, лотках, в магазинах и других торговых точках. Страна развивала внутренний рынок, ей требовались работники. Хома еще повезло: он нашел себе место охранника. Думать не надо, считать не надо. Портупею надел — и стой. «Как надену портупею — все тупею и тупею!»

Квартиру Хома сначала снимал в центре, но вовремя понял, что так ему долго придется донашивать гардеробчик со студенческих времен и питаться в дешевых столовках, которых, кстати, в городе становилось все меньше и меньше. А еще у Хома были проблемы с женским полом. Долго еще ни с одной девушкой не встречался. Куда повести, что-то подарить — на это едва хватало денег после расчета за дорогую квартиру в лучшем районе города. Он и снимал-то хорошую квартиру, чтобы не стыдно было к себе девушку пригласить. В последнее время он встречался с одной девушкой почти полгода. Ничего так девушка, благополучной наружности. Но вдруг она другого себе нашла. Нашла так нашла. Ушла бы себе молча, он бы и слова ей не сказал: насильно мил не будешь. Но она такое сказала! Хома теперь не мог ее слова выбросить из головы. И девушку, следовательно, тоже не мог забыть.

«Все! Никаких девушек! Буду только работать и писать картины. А потом, когда удача повернется ко мне лицом, девушки сами поплывут ко мне, как рыба на нерест, против течения! Девушки только удачливых любят!»

Вот нашел себе жилье почти в три раза дешевле. Сюда уже точно никакую девушку не приведешь. Да ну их, девушек! Как они могут иногда обидеть человека, незаслуженно обидеть.

Хозяйка удалилась на некоторое время, затем снова вошла в комнату. Со двора, через отдельный вход снаружи дома, по крутой лестнице на третий этаж. Принесла комплект постельного белья.

— Так я сейчас приду убирать. Эти модели такие неряхи! Хотя бы веником когда махнула! Пыль развела, паутину. А собиралась в спешке, даже колготы свои дырявые не выбросила.

— Что, карьеру сделала? — спросил Хома.

— Может, и карьеру. А может, просто дядю богатого нашла. Так девчонки часто себе карьеру делают. То хлеб одалживала, мыло не за что купить было, у меня просила. А то вдруг сразу духи дорогие, шмотки модные появились. И съехала. Комната теперь для нее маленькой стала. Так что счастливая эта комната! И ты съедешь когда-то. Как разбогатеешь! Только не забывай платить за два месяца сразу, — напомнила хозяйка.

— Вот, возьмите, — Хома протянул ей несколько банкнот.

— Вот и хорошо! — сразу повеселела хозяйка. — А я сейчас приберусь здесь. Фу, до чего комнату довела!

— Не надо убирать сегодня, — попросил Хома. — Я устал очень. А завтра целый день буду на работе, тогда и убирайте.

— Хорошо! Значит, завтра уберу, — согласилась хозяйка и ушла.

«Интересно, как в этой комнате летом будет? Может, жарко или душно?»

Сейчас, в начале мая, в комнате было свежо и прохладно. А как будет дальше? Хома прилег на ободранный диван. Это старье теперь будет служить ему кроватью. Не совсем удобный диван, но жить можно. Лег на спину, руки под голову положил. Снова подумал о девушке, которая его бросила. Как она могла такое сказать! Хома полежал немного. Потом пошел на кухню, заварил чай, налил в большую чашку. Вернулся в комнату. Решил немного порядок навести. Чего только не оставила здесь начинающая модель! Коробки, пакеты, старую обувь со стоптанными каблуками. И пыль. Фу! Везде пыль! Хома нашел пустой пакет и решил освободить комод для своих вещей. Сгреб все из ящиков, бросил в пакет. Что-то мелькнуло зеленое, с бутылочным блеском. Какой-то флакон. Наверное, в нем духи были. Флакон красивый! Хома знал толк в красивых вещах. Бутылочка, как будто сделанная из цельного куска изумруда, конечно же, была стеклянной. Очень радует глаз. Хома присмотрелся к надписи на флаконе. Буквы какие-то непонятные. Не похожи ни на латинские, ни на греческие, ни на буквы родного языка. Почему-то захотелось стереть пыль с красивого флакона, прежде чем отправить его в пакет с мусором.

Внезапно Хома ощутил, что кто-то есть за его спиной. Он резко обернулся. На подоконнике сидела девушка.

— А ты чего здесь? — сердито спросил Хома, почему-то не удивившись ее внезапному появлению.

— Я? — удивленно спросила девушка.

— Ну не я же, — ответил с раздражением Хома.

А сам подумал: «Из-за той козы, что меня бросила, теперь мне везде девчонки мерещатся».

— А почему она тебя бросила? — спросила девушка.

— Она сказала... Нет, я не могу это повторить, — Хома замолчал. — А тебе что до этого?

— А ты не повторяй! Просто вспомни, — предложила девушка.

— Такое забудешь, — хмыкнул Хома.

Девушка внимательно посмотрела на парня, подняла руки ладонями к лицу, как будто собиралась умыться.

— Это правда? — сочувственно спросила она.

— Что правда? — не понял Хома.

— То, что она сказала, — напомнила девушка.

Парень разозлился.

— Вас, баб, только это интересует. А больше ничего, — Хома сердито выругался.

— Меня не интересует, — быстро сказала девушка.

— Врешь, — не поверил парень.

— Как хочешь. Можешь не верить, — ответила девушка.

Некоторое время они сидели в тишине, не глядя друг на друга.

— Чай будешь? — спросил Хома.

Девушка кивнула. Вдруг шкафчик на кухне, который хорошо был виден из комнаты, открылся, оттуда вылетела чайная чашка, опустилась на стол у маленького чайничка. Чайничек взлетел, плеснул немного заварки в чашку и вернулся на место. Электрический чайник сам включился: на нем зажглась лампочка.

— Я горячее люблю, — сказала девушка.

Парня совсем не удивил фокус.

— Ты из цирковой школы? — спокойно спросил.

— Да, из школы, — с иронией ответила девушка.

Чайник закипел, сам отключился, как это делал обычно. Но затем поднялся в воздух и налил в чашку кипятка. Ящик стола выдвинулся, оттуда выпорхнула чайная ложка, дважды нырнула в стеклянную банку с сахаром. Размешала чай.

— Я сладкое люблю, — объяснила девушка.

Ложка подлетела к мойке, кран открылся, и оттуда полилась тоненькая струйка воды. Ложка помылась и свалилась на стол.

— Где кухонное полотенце? — спросила девушка.

— А на фига оно мне? — уныло спросил Хома.

— Ложку вытереть, — объяснила девушка.

— Сама обсохнет.

Еще миг — и чашка с горячим чаем оказалась в руке у девушки, сидящей по-прежнему на подоконнике.

Хома внимательно посмотрел на девушку.

«Ничего девчонка, симпатичная. Только одета как-то странно».

На девушке была бирюзового цвета блуза и такие же шаровары. Блуза была очень короткой, а шаровары — широкими. Блуза закрывала только грудь, а шаровары открывали талию. Рукава широкие, прозрачные, а шаровары расшиты бисером. На голове — ярко-оранжевая чалма. Или тюрбан. Хома не знал, как это правильно называется. Из-за этого головного убора голова девушки была похожа на большущий апельсин. Самой странной в ее наряде была обувь: золотые туфельки совсем без каблуков, но зато с длинными и заостренными, поднятыми вверх носками.

«Красивая девушка, — снова подумал Хома. — Но одежда дурацкая».

Один миг — и девушка уже сидит на подоконнике в джинсах и точно таком же темно-синем свитере, какой был на Хоме.

— Ух ты! — сказал Хома. — Как это у тебя получается? А в купальник переодеться можешь?

— В купальник? А в каком тебе хотелось бы меня видеть? — спросила девушка.

— Не знаю, — сказал Хома, а сам подумал, как подошел бы к ее медовым волосам красный купальник.

Еще один миг — и девушка уже сидит на подоконнике в красном купальнике.

— Нравится? — спросила.

— Нравится! Только переоденься: холодно в купальнике.

Девушка снова оказалась в своем наряде. Туфли, чалма, только блуза и шаровары с бисером были теперь ярко-красного цвета. По-видимому, чтобы угодить Хоме.

— А ты что вообще здесь забыла? — уже миролюбиво спросил Хома.

— Флакон. Зеленую такую бутылочку. Я живу в ней, — объяснила девушка.

— Шутница. В бутылках только джинны живут!

— Так я и есть джинн.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты джинн? Огромное красное чудище с телом из облака? — спросил Хома.

— У тебя неправильное представление о джиннах, — сказала девушка.

— Ну, во-первых, джинн — это мужчина.

— Это твое заблуждение. Кстати, не ты один думаешь, что джинн — это всегда мужчина.

— А что, бывают и женщины? — с ухмылкой спросил Хома.

— Но ты же видишь меня! Кто скажет, что я мужчина? — спросила девушка.

— Да, фокусы ты показывать умеешь! Но это еще не доказывает, что ты — джинн.

— Может, тебе чудо сотворить? — предложила девушка.

— Сиди! Не нужны мне твои чудеса. Напрасно будешь силы тратить. Я все равно тебе никогда не поверю. Я что, пацан, по-твоему, чтобы меня сказками развлекать?

Вдруг посреди комнаты появилась птица с ярким опереньем. Она сразу же снесла яйцо, яйцо треснуло, и оттуда стал просачиваться розовый дым. Дым быстро заполнил всю комнату. Стало холодно и сыро.

— Мы в облаке, — объявила девушка.

— Убери это немедленно! Только розовых облаков мне здесь не хватало!

Розовый дым мгновенно исчез.

— Ты все равно мне не веришь? — спросила девушка.

— Отвяжись! Мне нет до тебя никакого дела.

Тогда девушка стала крошечной, примерно, как спичечный коробок. Она переместилась по воздуху с подоконника на кровать, села, положив ногу на ногу, и спросила:

— А теперь веришь?

— Нет, — сказал Хома. — Это какой-то обман зрения. Или гипноз. Ты гипнотизируешь меня, и я вижу вместо тебя эту крошечную твою копию.

— Ладно! Не веришь — не надо. Тогда я пойду в свою бутылку.

Хоме показалось, что девушка разозлилась.

— Нет! — закричал он. — Только не лезь в бутылку!

— А скажи, что ты мне веришь, тогда не полезу! — потребовала девушка.

— Верю.

— Скажи, что ты веришь, что я — джинн! — продолжила девушка.

— Ты — джинн, — согласился Хома.

— Вот и хорошо! Теперь ты мой повелитель, а я буду выполнять все твои желания, — сказала девушка и снова увеличилась до нормального человеческого размера.

— Все-все-все? — недоверчиво спросил Хома.

— Все-все-все! Могу тебе даже увеличить что-нибудь, если это тебя так волнует.

Парень побагровел от злости.

— Мне ничего не надо увеличивать! И вообще, я в твоих услугах не нуждаюсь.

— Как хочешь. Только я теперь все равно твой джинн, хочешь ты этого или не хочешь. И пока не исполню тридцать три твоих желания, ты не сможешь избавиться от меня, — предупредила девушка-джинн.

— Тридцать три? А я думал, что желаний всегда три.

— Я джинн, а не золотая рыбка! Глупый ты, Хома!

— Попрошу не оскорблять! — потребовал Хома.

— Вот и первое желание. Слушаю и повинуюсь! Повелитель мой, господин мой, хозяин мой! Никогда, ни при каких обстоятельствах не буду тебя оскорблять. Даже если ты будешь вести себя, как идиот, и нести полную чушь собачью. А какое будет следующее желание? Предупреждаю: осталось ровно тридцать два. Так что думай, прежде чем ляпнуть какую-то глупость.

— А ты, правда, можешь все? — недоверчиво спросил Хома.

— Аб-со-лют-но! Могу даже осуществить твою самую сокровенную мечту. Любую. Даже если тебе самому она кажется несбыточной. Хочешь, твои картины назовут гениальными, и их будут раскупать за большие деньги по всему миру? — предложила джинн.

— Нет у меня никаких картин, — возразил Хома.

— Но ты же хочешь, чтобы они были?

— Откуда ты все знаешь?

— На то я и джинн. Я не могу знать обо всех всего, но о своем хозяине, господине и повелителе я обязана знать все. Это означает, что я соответствую занимаемой должности. А если я чего-то не знаю, значит, я плохой джинн. А так не бывает. Джинн не может быть плохим или хорошим.

— Правда? А каким может быть джинн?

— Есть джинны черные, а есть белые. Черному джинну нравится служить злым людям.

— А ты белый джинн? — спросил Хома.

— Ты на редкость проницателен, повелитель мой, — Хоме показалось, что он услышал иронию в словах девушки.

— А черный джинн может служить доброму человеку? — спросил Хома.

— А куда ему деваться? К кому попадет — тому и служит. Я же сказала: служит злому человеку с удовольствием. А доброму — без удовольствия. Но служит. А куда деваться?

— Так значит, джинны так же несвободны, как и люди? — заметил Хома.

— Почему несвободны? Выполнил тридцать три желания тридцати трех клиентов — и все! Лети себе в Страну Свободных Джиннов! И живи себе там свободно!

— Сколько?

— Сколько времени, ты хочешь спросить?

— Ну да. Сколько лет живут джинны?

— Всегда.

— То есть, ты хочешь сказать, что вы — бессмертны?

— Время, смерть, бессмертие — все это для вас, для людей. А у нас совсем другие категории.

— А скоро ты полетишь в Страну Свободных Джиннов? — поинтересовался Хома.

— Я вернусь туда, когда выполню тридцать два желания моего тридцать третьего клиента.

— То есть, тридцать три? — напомнил Хома.

— Уже тридцать два.

— Так я...

— Да, сообразительный мой господин! Ты и есть мой тридцать третий клиент, — призналась девушка-джинн.

— Тогда не быть тебе скоро в Стране Свободных Джиннов.

— Это почему же? — спросила девушка.

— А потому, что у меня нет никаких желаний.

— Это пока нет, а потом появятся. У тебя девушки нет, работа не требует вдохновения. Любви у тебя нет. А когда появятся любовь и вдохновение — тогда и желания появятся. Успевай их только мне заказывать! Как бы мне еще справиться!

— Врешь ты все. И не джинн ты вовсе. Фокусница! Или гипнотизерша. А может, ты только в моем воображении и существуешь.

Девушка пожалала плечами, обиженно вздернула нос и снова стала маленькой. Она гордо направилась к своему флакону.

— Не уходи! — крикнул Хома. — Только не лезь в бутылку!

Но было уже поздно. Обиженная девушка сидела во флаконе, сердито поджав губки.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ЗНАКОМСТВО С РОДИТЕЛЯМИ

«Ну и пусть сидит, если такая обидчивая. У меня своих проблем хватает!»

Майский день длинный! Если бы подруга не бросила Хому, он бы мог повести ее в ночной клуб или в бар. Не повел бы: денег осталось до зарплаты впритык. Сиди теперь один в этой маленькой комнатухе. Скучища! Может, попробовать еще раз бутылочку потерять?

Хома взял зеленый флакон и стал его с усилием тереть. Девушка-джинн не выходила. Обиделась, наверное.

«Да как она посмела обижаться? — возмутился Хома. — Я — ее хозяин, повелитель! Она должна являться ко мне по первому моему требованию!»

Теперь из бутылки появилась в ароматном зеленом облаке девушка в короткой ярко-зеленой блузе, в ярко-зеленых шароварах, обшитых бисером. Но уже без чалмы. На ногах у нее были все те же золотые туфли с носками, смотрящими вверх. Девушка уже не сидела на подоконнике, а, увеличившись до размеров обычного человека, висела в воздухе под потолком, поджав под себя ноги.

— Еще одно человеческое заблуждение. Думаешь, бутылочку потер — и джинн сразу явился? Это когда джинн мужчина. Те сразу являются, стоит только как следует потерять сосуд. С женщинами-джиннами этот номер не проходит! Они могут капризничать. Это их, то есть наша, привилегия. И еще у женщин-джиннов бывают критические дни. Тогда они тоже никого не хотят видеть, включая своих повелителей.

— А ты чего сразу не вышла? — спросил Хома. — У тебя капризы или критические дни?

— Ни то, ни другое. Просто я ждала, что ты извинишься.

— За что?!

— За то, что ты мне не веришь. Я что, по-твоему, обманщица?

— Ну, извини, — нехотя сказал Хома.

— Без «ну», — сказала девушка.

— Извини, — тихо повторил Хома.

— Громче! — потребовала девушка.

— Кто тут чей джинн? Может, ты что-то перепутала? Ты забыла, что это я твой господин и повелитель? Так завяжи себе узелок на память!

— Слушаю и повинуюсь! — торжественно сказала девушка.

Сразу же в ее руках появился шелковый платочек, на котором она картинно завязала узелок.

— У тебя осталось тридцать одно желание, — объявила джинн.

— Ничего себе! Так нечестно! Я использовал уже два желания, а еще ничего для себя не получил.

— Да ладно, пошутила я. Второе желание не засчитывается, — успокоила Хому девушка. — Может, поведешь меня куда-нибудь? Город покажешь.

— Ты выпалась в своей бутылке, а мне завтра вставать рано на работу.

— Если не хочешь ты меня вести, я сама поведу тебя на прогулку.

Девушка вырвала волосок из своей головы, разорвала его пополам, что-то прошептала тихо. Тут ее туфля стала быстро увеличиваться в размерах. Только одна, другая по-прежнему оставалась на ноге у девушки. Наконец одна туфля достигла размеров небольшой лодки.

— Садись! — велела девушка. — Путешествуем без виз и проездных билетов. Поскорее! Куда летим?

Но Хома уже был научен. Он не стал настаивать на чем-то, чтобы хитрая девушка-джинн не списала очередное желание.

— А это уже не мое желание! И не мое дело, куда ты меня повезешь.

Они вылетели из окна комнаты и взлетели вверх. Там остановились и повисели в воздухе. Хома с любопытством смотрел вниз. Люди идут домой, тянут за собой капризных детей. Некоторые выгуливают собак. Влюбленные парочки оккупировали скамейки в сквере и уже целуются. Все люди живут своей обычной и привычной жизнью, у них какие-то дела, их кто-то ждет дома. Только он, Хома, как неприкаянный, висит в воздухе.

— А давай к моим? Ненадолго! Только с мамой и папой моими поздороваемся! — предложила девушка.

— У тебя мама и папа есть? — удивился Хома. — У джинов тоже родители бывают?

— Нет, мы на деревьях растем! Как поспеем, сразу падаем на землю. А чтобы получился новый джинн, старого закапывают на грядке. Тогда из него вырастет дерево, а на нем много маленьких джинов! — с сарказмом произнесла девушка.

— Откуда мне знать? Ты, между прочим, первый джинн, с которым я общаюсь.

— Понимаю! Не всем в жизни везет. Тебе повезло. Ты нашел меня! Полетели к моим? — предложила снова девушка.

— Куда? — спросил Хома.

— В Страну Свободных Джинов! — и, не дожидаясь ответа юноши, туфля-лодка стала стремительно подниматься.

Все выше и выше, вверх и вверх, выше облаков. Удивительным был этот полет! Они летели выше облаков, но Хоме было совсем не холодно. Хотя парень точно знал, что когда летишь в самолете, за бортом очень холодно.

Наконец, прибыли к месту, напоминающему причал на морском вокзале. Девушка привязала туфлю и ступила на твердь.

— Вылезай! — подала руку своему спутнику. — Приехали! Это — Страна Свободных Джинов. Как я все здесь люблю! Скоро я прилечу сюда и останусь здесь навсегда!

К прибывшим в золотой туфле бежали двое: мужчина и женщина. И хотя мужчине на вид было не больше лет, чем Хоме, а женщина лицом, фигурой и даже одеждой была почти полной копией прилетевшей девушки, они кричали:

— Доченька! Любимая! Халимар!

А девушка тоже бежала им навстречу и кричала:

— Мама! Папа! Я так соскучилась!

«Значит, ее зовут Халимар. Почему я раньше не узнал ее имя?» — подумал Хома.

После поцелуев и крепких объятий трое джиннов, совершенно не обращая внимания на Хому, направились к большой бутылке. Это был домик джиннов, по форме он напоминал бутылку. Правда, в такой дом надо было входить не через горлышко, а в дверь, как в обычный дом.

Трое обнялись и пошли, а Хома стоял у туфли и думал:

«Что я тут забыл? Она к родителям прилетела, а я чего сюда приперся?»

Вдруг джинны остановились. Девушка закричала:

— Хома! А ты чего там стоишь? Догоняй! Мы же в гости приехали!

Хома послушно поплелся за ними.

«Господин и повелитель, блин», — подумал он о себе.

Домик родителей Халимар был обставлен намного интереснее, чем та квартира, в которой жил теперь Хома. Белые диваны с пушистой обивкой, зеркальный пол, стеклянные столики. Ходишь по полу и видишь внизу свое отражение.

«Теперь понятно, почему у них женщины шаровары носят», — подумал Хома.

Родители и Халимар сидели в полной тишине. Сквозь прозрачные стены домика-бутылки было видно, что находится снаружи. Угощали джинны свою дочь и ее спутника фруктами и сладостями. Молча, без единого слова. Все сидели чинно, ели и совсем ничегошеньки не говорили.

«Странно, — подумал Хома. — Так соскучились по дочери, а хотя бы спросили ее, как у нее дела, как живет».

В этот момент все трое джиннов громко рассмеялись.

— Халимар, ты не объяснила своему господину ничего? — спросила мама-джинн, которой на вид было не больше восемнадцати лет.

— Хома, — сказала Халимар. — Нам не нужны слова. Мы умеем читать мысли друг друга. Родители уже все знают обо мне. И о тебе.

— И обо мне? Вы прочитали и мои мысли? — встревожился Хома.

— Не волнуйся, ты как раз ничего такого не думал, — успокоила его Халимар.

— А что ты имеешь в виду? — спросил Хома.

— Ты сам знаешь, что, — объяснила Халимар.

И тут Хома о чем-то таком сразу же и подумал.

Мама-джинн покраснела и заулыбалась, а папа-джинн сделал строгое лицо, чтобы скрыть улыбку.

— Вот! Всегда ты так! Ты это специально, — злился Хома.

— Я не хотела, — оправдывалась Халимар. — Само вырвалось!

— Вам пора, — сказала мама-джинн. — Пока ты не вернулась насовсем, тебе нельзя здесь задерживаться. А тем более, Хоме завтра на работу.

— О! Я даже забыла об этом! Хома, попрощайся с мамой и папой, нам пора.

Это странное ощущение, когда не плывешь в лодке по реке, а падаешь в ней с неба на сумасшедшей скорости! Халимар и Хоме было так здорово, что они громко смеялись и визжали от восторга. Всего несколько метров оставалось до земли, когда туфля остановилась. Хома взглянул вниз и увидел все тот же унылый пейзаж, что и в начале путешествия.

— Ты понравился моей маме, — шепнула Халимар на ушко Хома.

Туфля хорошо ориентировалась. Она быстро нашла дорогу в квартиру Хома. Здесь золотая лодка уменьшилась и стала туфлей обычного размера.

— Тебе понравилось летать? — спросила Халимар.

— Еще бы! Я никогда в жизни не поднимался так высоко! Только... Я хотел спросить: у тебя больше никаких родственников нет? Ни сестер, ни братьев?

— Почему ты так решил? Ах, да! Объясняю. У джиннов так заведено: мы видим только тех, кого желаем видеть в данный момент. В Стране Свободных Джиннов можно ни разу не встретиться с тем, кого не хочешь видеть. Правда, это очень удобно?

— Конечно! А у людей все не так. Ты человека на дух не переносишь, а он может быть твоим коллегой, начальником или, что хуже всего, твоим родственником. И ему надо любезно улыбаться, терпеть его, сдерживать себя и не показывать своих настоящих чувств.

— Следующий раз, если захочешь, я познакомлю тебя со своими братьями и сестрами. Договорились? — спросила Халимар.

— Договорились, — согласился Хома.

— А сейчас тебе пора спать, — заботливо сказала девушка. — Завтра тебе идти на работу.

— Объясни мне, — сказал Хома, — почему мы так долго летели, а мои часы показывают, что нас не было здесь только десять минут? Как это возможно?

— Все просто! Я же сказала тебе, что для джиннов время не существует. Время не имеет для нас никакого значения. Пока мы были в моем мире, оно просто остановилось для нас.

— А как же десять минут?

— А те десять минут — это когда мы висели в лодке над твоим домом. Понятно?

— Не очень. Скажем, в общих чертах.

— Не рассуждай о том, чего не можешь понять. Прими на веру. А я ныряю к себе в бутылку. Я чувствую себя там, как дома, в Стране Свободных Джиннов. Этот флакон так похож на домик моих родителей! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — ответил Хома и зевнул.

Хома тоскливо посмотрел на сложенное постельное белье, оставленное на диване хозяйкой. Так не хотелось сейчас стелить постель! Запихивать одеяло в пододеяльник, в наволочки подушки.

«Может, приказать Халимар? — подумал он. — Ну, нет! Так глупо растрачивать желания по таким пустякам!»

Хома снова зевнул, сладко так зевнул, даже глаза закрыл. А когда открыл — постель уже была аккуратно застелена, а уголок одеяла услужливо отогнут.

Халимар снова стала маленькой и направлялась своим ходом к бутылке.

— Спасибо, — сказал Хома и нырнул под одеяло.

Утром, когда зазвенел будильник, Хома сразу же подумал:

«Приснилось? Или было на самом деле?»

Вскочил с дивана и сразу направился к флакону, лежащему на полу возле комода. Схватил маленькую бутылочку, потрусил энергично ею возле уха.

— Э! — раздалось оттуда недовольное. — Потише!

«Значит, не приснилось», — подумал Хома, еще не совсем понимая, обрадовало его это или огорчило.

— Вылезай! — предложил Хома. — Я сварю тебе кофе.

— Ты не знаешь, как меня пригласить? — пропищало из бутылки.

— Да знаю я, знаю, — сказал Хома и потер буквы на флаконе.

В ту же секунду Халимар оказалась на табуретке у кухонного стола.

— Ну, и где же твой обещанный кофе? — капризно поджав губки, спросила девушка.

— Подождешь! Я не могу так быстро, я не джинн.

Да! Иметь свою кухню — это большое преимущество. Можно представить, что бы сейчас было с соседями, если бы на общей коммунальной кухне появилась Халимар. Не в выцветшем халате, стоптанных тапках и с бигуди на голове, а в короткой полупрозрачной блузе цвета юного одуванчика, в шароварах на бедрах, в золотых туфельках с изогнутыми носками и с обнаженным пупком. Да к тому же, увешанная драгоценностями!

— И это весь твой завтрак? — удивилась Халимар, когда Хома поставил на стол две чайные чашки, наполненные горячим кофе.

— А ты не помнишь разве, чем я был занят вчера? Надо было залететь на твоей туфле в какой-нибудь магазин, купить чего-то к завтраку, — недовольно проворчал Хома.

— Да мне все равно! Я могу не есть как угодно долго. Я о тебе беспокоюсь, — сказала джинн.

— А если беспокоишься, так и сообразила бы чего-нибудь на завтрак!

— Но ведь у тебя есть тридцать два желания! — напомнила Халимар. — Только пожелай — и здесь будет все, что твоей душе угодно!

— Да! Сейчас! Стану я тратить свои желания на завтраки! Ведь так через месяц ты улетишь в свою Страну Свободных Джиннов.

— А ты не хочешь, чтобы я улетала? — спросила Халимар радостно.

— А мне что до этого? Это твое дело.

— Не хочешь! Не хочешь! — захлопала в ладоши девушка. — Ты хочешь, чтобы я была с тобой! Вот так! Скоро у тебя появятся и другие желания.

— Делай, что хочешь. А мне на работу пора.

— Слушаю и повинуюсь! — картинно сложив руки перед грудью ладонями друг к другу, торжественно произнесла Халимар.

— Эй! Так не честно! Я не загадывал никакого желания!

— Загадывал, — настаивала Халимар.

— Не загадывал!

— Загадывал!

— Не загадывал!

— Ты сказал: «Делай, что хочешь!» Любая просьба, приказ, пожелание — все считается!

— Я не согласен! Я буду на тебя жаловаться! Твоим родителям пожалуюсь! Они честные джинны, они меня поддержат.

— Родители хотят, чтобы я вернулась к ним. Разве им не все равно, каким способом я выдавлю из тебя остальные желания?

— Я уйду. Мне некогда с тобой пререкаться, я и так уже опаздываю.

— Хочешь, подвезу в туфле? — хитро взглянула на Хому Халимар.

— Нет! — коротко ответил парень и вышел из комнаты.

Он закрыл дверь на ключ, спустился по крутой лестнице с третьего этажа и направился напрямик к троллейбусной остановке.

— Я хочу с тобой! — услышал он знакомый голос.

Халимар уже шла рядом.

«Я один вижу ее? Или другие тоже видят?» — подумал Хома.

— А ты не замечаешь, как вон тот мужчина посмотрел мне вслед? — спросила Халимар. — А с каким интересом смотрит на меня вон та женщина в синем пальто!

— Во-первых, это не пальто, а платье. А во-вторых, в таком наряде на тебя и коты будут оглядываться, а не то, что люди.

Ты видела хоть одного человека в такой одежде, как на тебе?

— А как мне одеться? — спросила кротко Халимар.

— Ага! Хочешь меня поймать на желании? Не выйдет! — предупредил Хома.

Он шел быстро и не оглядывался. Подошел к остановке.

«Может, хватит ума домой вернуться. Очень надо, чтобы меня видели в обществе девушки, которая разгуливает по городу в прозрачных шароварах».

Троллейбус подошел и остановился. Поднимаясь на ступеньку, Хома оглянулся. Халимар не было.

«Вот и хорошо! Пошла домой!» — подумал с облегчением.

В троллейбусе Хома купил билет и стал у окна. Свободных мест в такое время не было, все стремились в центр города на работу или учебу.

— Девушка, заплатите за проезд! — услышал он голос кондуктора.

— А я вот с ним! Он за меня заплатит.

Халимар! Она уже в троллейбусе! Когда только успела? Теперь на ней было ужасное темно-синее платье, точно такое, как было на встретившейся им по дороге женщине. Это было вышедшее из моды лет тридцать назад кримпленовое платье. И размера оно было точно такого, как на той женщине. То есть, при желании в него могло поместиться еще две Халимар.

И снова девушка притягивала к себе любопытные взгляды. Теперь даже больше, чем когда разгуливала в прозрачных шароварах. На ногах у нее по-прежнему были золотые туфли с загибающимися к небу носками.

Хома купил еще один билет, приблизился к Халимар и шепнул ей прямо в ухо:

— Ты будешь целый день меня преследовать?

— Да, — ответила она.

Вышли из троллейбуса. Теперь Хоме надо было преодолеть путь в девять кварталов. Улица была почти безлюдной. Только пенсионеры выгуливали собак. Остальной народ пользовался в такое время городским транспортом, оставив прогулки по красивой улице на вечернее время, когда уже не надо будет спешить на службу.

Хома спешил. Времени до открытия магазина оставалось совсем немного. Халимар семенила рядом, путаясь в широченном платье.

— Да, теперь я вижу, что у тебя замечательный вкус, — решил поиздеваться над девушкой Хома. — Из всех платьев, которые ты увидела сегодня, ты выбрала самое шикарное! У всех джиннов такой изысканный вкус?

Сначала Халимар не замечала иронии, шла рядом и мило улыбалась.

— Теперь я понимаю, откуда пришла мода носить джинсы и шелковое платье одновременно! Наверное, это придумали джинны.

Внезапно Халимар что-то поняла. Она сверкнула глазами в сторону Хомы и исчезла.

— Обиделась! — решил Хома. — Ну и пусть! Не будет мешать мне на работе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: РАЗМЕР ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Хома явился как раз к открытию магазина. За две минуты переоделся, нацепил на себя ремень с кобурой. Поймал недовольный взгляд начальника охраны. Стал у входа в магазин. Рабочий день начался. В черной форме, с надписью на нагрудном кармане «охрана», с кобурой Хома выглядел впечатляюще. Он тупо смотрел на входящих и выходящих людей, ни кого конкретно не замечая. Час простоял. Другой простоял. Третий простоял. Люди входили и выходили, входили и выходили. Молоденькие женщины с любопытством поглядывали на симпатичного охранника. А он вообще ни на кого не смотрел. И эту девушку, поднимающуюся по ступенькам в магазин, одетую в облегающее платье лилового цвета, в белом шелковом платке, завязанном под подбородком, в больших темных очках в белой оправе он бы тоже не заметил, если бы не золотые туфельки с чудовищными длинными носками, загибающимися вверх.

«Явилась — не запылилась», — с раздражением подумал Хома.

Халимар прошла мимо, даже не удостоив Хому взглядом.

«Ох-ох-ох! — подумал Хома. — Какие мы важные! Думает, я не узнал ее в темных очках!»

Халимар походила по магазину. Переполошила работников всех отделов. Ее интересовало абсолютно все: от соковыжималки для цитрусовых до огромного музыкального центра. Продавцы демонстрировали ей товары, а она мило улыбалась и пила кофе, сидя в удобном кресле. Кофе собственноручно приготовил для нее старший администратор магазина.

Кресло стояло так, что, сидя в нем, очень хорошо было наблюдать за входом в магазин и за торчащим там, как поплавком, охранником.

Пришло время обеденного перерыва. Хому подменил его коллега из отдела. Халимар тоже поднялась с кресла и вышла следом за Хомой.

— Ты думаешь меня покормить? — спросила она. — Я, между прочим, у тебя живу. Значит, я твоя гостья. Ты обязан заботиться обо мне!

— Ты не гостья! Ты мой джинн. Ты обязана подчиняться мне, заботиться обо мне, а не заниматься вымогательством еды.

— Ты это серьезно сейчас говоришь? Если я твой джинн — повелевай! Я с радостью выполню любое твое желание!

— Не дожدهшься! Пусть я истрочу последние копейки, но я накормлю тебя обедом сам. Идем! — решительно подставил Хома бубликом правую руку девушке.

Халимар как будто того и ждала. Она ухватила Хому под руку и засеменила рядом.

В кафе, где обычно обедал Хома, было полно его знакомых. Это и коллеги из охранного агентства, и продавцы супермаркета, и бывшие сокурсники, которые тоже устроились после института, мягко выражаясь, не совсем по специальности.

Хома кивал всем знакомым. Но вдруг увидел, что и Халимар кивнула кому-то из посетителей.

— У тебя в городе есть знакомые? — спросил ее Хома.

— Да, есть, и не один.

Хома внимательно присмотрелся к мужчине, с которым поздоровалась Халимар. Он был не один, а с девушкой, пышнотелой блондинкой с румянцем через всю щеку. Такого цвета румянец трудно получить при помощи макияжа. Девушка напоминала ожившую

матрешку. Мужчина, с которым поздоровалась Халимар, кареглазый брюнет с аккуратной бородкой, галантно ухаживал за матрешкой. Взгляд Хома случайно упал на ноги брюнета. Так и есть! На нем были золотые туфли с неимоверно длинными и загнутыми кверху носками. Носки туфель смотрели в небо. Они стремились туда, в Страну Свободных Джиннов.

— И много вас среди людей? — спросил Хома.

— Любопытство — это привилегия женщин. Мужчину любопытство только портит, — заметила Халимар.

— Мужчину портит вовсе не любопытство, — с уверенностью сказал Хома.

— Ты опять о своей бывшей подруге? — полюбопытствовала Халимар.

— Ты на что намекаешь? — спросил сердито Хома.

— Я? Ни на что! А ты что подумал? — улыбнулась Халимар.

— Хватит притворяться! Я прекрасно знаю, что ты можешь прочитать мои мысли!

— Могу. Но мне бы хотелось, чтобы и ты изредка читал мои. А до конца перерыва осталось ровно тридцать шесть минут.

Хома выбрал еду по своему вкусу, принес ее и поставил на стол.

— А меня почему не спросил, что я буду? — обиделась девушка.

— Знаешь, меня не волнует, будешь ты это есть или не будешь, — заявил Хома. — Если не нравится — наколдуй себе рахат-лукум, щербет и халву!

— Как ты догадался? Слушаю и повинуюсь! Пусть передо мной появятся рахат-лукум, халва и щербет! Это мои любимые сладости. Угощайся, — она вытащила откуда-то из-под стола примитивные счеты, которые очень давно уже исчезли с прилавков магазинов и из частных коллекций. — Было тридцать три. Минус одно желание. « Попрошу не оскорблять! » Помнишь? Осталось тридцать два. Потом было желание « Делай, что хочешь ». Еще минус одно. Это получается тридцать один. И еще одно: « Наколдуй себе рахат-лукум, щербет и халву! »

Итого; тридцать один минус один равно тридцать. У тебя осталось ровно тридцать желаний! Не так уже и плохо за неполных два дня!

— Ты самый нечестный джинн, каких я знаю! — заявил Хома.

— А у тебя большой опыт общения с джиннами? — спросила Халимар.

— Не очень. Ты первая, — честно признался Хома.

— То-то же! Джинны все такие. Они пытаются подловить человека на мелочах. И половина желаний уходит впустую! Но зато другая половина приносит счастье, удачу и богатство.

— Значит, сначала желания как бы для разминки задаются, а потом для чего-то важного? — догадался Хома.

— Да! Но тех желаний, что потрачены с умом, хватает человеку на все. Знал бы ты, скольким людям я помогла добиться успеха!

— Догадываюсь. Тридцати двум.

— Ты такой умный, — сказала Халимар.

И тут же добавила:

— Мой господин и повелитель!

К их столику приближался с подносом шеф Хома, начальник охраны.

— Можно к вам присоединиться? — вежливо спросил.

Хома кивнул.

«Наверное, подсел, чтобы сделать мне замечание. Я же сегодня почти опоздал», — подумал Хома.

Но нет. Он ошибся.

— Хома, ты меня своей девушке не представишь? — глупо улыбаясь, спросил начальник.

— Халимар. Семен Михайлович.

Улыбка Семена Михайловича стала еще глупее.

— Можно просто Сема, — он схватил ручку Халимар и приложился к ней губами, напоминаясь отдельный фрагмент еды, которую принес Хома.

— Варенички едите? С творожком? С маслицем? — любопытствовал Сема. — Я тоже люблю. Но... Директор агентства сказал, если в форму не влезу, он меня уволит. Вот я и перешел на салатики!

— Капустку любите? — спросила Халимар. — Я, как только лицо ваше увидела, сразу поняла: этот человек капустку любит.

— А как вы догадались? — удивился Сема.

— Да так, есть некоторый опыт, — ответила Халимар.

«Потому, что ты козел!» — подумал Хома.

— Хома, я не знал, что у тебя такая девушка красивая, — поддерживал беседу Семен Михайлович.

— Она мне вовсе не девушка, — быстро ответил Хома.

Настолько быстро, что это не понравилось Халимар.

— Да, — сказала она. — Сема, Хома — не мой парень! Я его дальняя родственница. Седьмая вода на киселе. Из глубинки. Вот, в большой город потянуло! Хома меня и приютил по-родственному! Ведь правда же, Хома? Ты позволишь мне остаться?

— Оставайся! — забыв о предосторожности, поспешно ответил Хома.

— Тридцать минус один! Равно двадцати девяти! — торжественно объявила Халимар.

Хоме захотелось запустить в нее тарелкой, но на тарелке еще были вареники. Они-то в чем виноваты?

— Ну, вы тут посидите, Семен Михайлович! Да и ты, Халимар, можешь не спешить, — встал из-за стола Хома, расправившись с оставшимися варениками. — А мне работать надо!

Хома ушел. А Михайлович обрадовался такому повороту событий, стал рассказывать разные истории из своей жизни, восхищаясь собственным остроумием. Он так старался произвести на девушку неизгладимое впечатление, что даже не заметил, что уже его произвел. Только очень отрицательное. Халимар он сразу не понравился, но, на зло Хоме, она решила закрутить с Семой легкий непродолжительный роман.

«Посмотрим, как ты справишься с ревностью, мой господин и повелитель», — подумала она.

— Халимар! Как я рад, что мы вдвоем! Я потрясен вашей красотой! А при вашем родственнике я бы не решился сделать вам признание, — сказал Сема. — Может, поужинаем сегодня вместе?

— Я с радостью приму ваше приглашение!

— Тогда я заеду за вами в восемь? — вежливо склонил голову в почтительнейшем из поклонов Сема.

— В восемь! Чудесно! Это мое любимое время ужина.

Халимар знала, что именно в это время Хома заканчивает работу. И тут она подумала,

что встречаться у дома с Семой было бы глупо. Какой в этом смысл? Ведь Хома все равно их не увидит.

— А не надо за мной заезжать! Давайте встретимся здесь, в центре. А лучше всего — у входа в магазин. Ровно в восемь! — предложила девушка.

— Хорошо! Значит, ровно в восемь, у входа в магазин? — уточнил Сема.

«Да, его любовь к капусте не случайна», — подумала Халимар.

Семен Михайлович был высоким и почти симпатичным парнем. Только вот пуговицы на его форменной куртке были натянуты до предела, а брюки трещали по швам. Аппетитный такой мужчинка. Если бы Халимар была обычной девушкой, она бы спряталась где-нибудь и ждала, как будет вести себя Сема, когда его девушка опоздает на свидание на сорок или, скажем, шестьдесят минут. Но Халимар не была обычной девушкой, она была девушкой-джинном. Поэтому явилась на свидание пунктуально в восемь. Зато как явилась! Наверное, если бы Сема знал, что Халимар сначала хотела опоздать, он бы подумал: «Лучше бы она опоздала!»

Халимар поднималась по ступенькам все в том же наряде: платье, шелковый платок, зачем-то солнцезащитные очки в восемь вечера, золотые туфли, устремленные носками в небеса. Но что-то в ней определенно изменилось. Когда она поравнялась с Хомой, он понял, что именно. Рост! Она изменила себе рост! И хотя Хома был высоким парнем, сто восемьдесят три сантиметра, она теперь была выше него почти на две головы.

— Ну как? — спросила Халимар. — Понравлюсь я Семе?

— Я думаю, он будет в восторге, — предположил Хома.

— Я тоже так думаю. Вот видишь, а ты мне не верил, что для меня размеры не имеют значения! Какой надо, такой могу сделать, — сказала Халимар и подмигнула Хоме.

— Что за грязные намеки! До чего же ты несносная родственница! И зачем я позволил тебе жить у меня?

Когда Сема увидел Халимар, у него пересохло в горле. Он подошел к автомату с кока-колой, один стаканчик залпом выпил, а другим полил себе голову.

Халимар как будто не заметила его растерянности, плавно подала ему руку для поцелуя.

— Сема! Я готова отужинать вами! — Халимар специально пропустила предлог, чтобы Сема испугался еще больше.

Слова подействовали. Сема сел в кресло и попросил, чтобы для него вызвали скорую медицинскую помощь.

— Халимар, — еле шевеля губами, сказал он. — Я внезапно почувствовал острое недомогание. Я вынужден извиниться перед вами. Не согласитесь ли вы перенести наше свидание?

— Соглашусь, — охотно согласилась девушка и в то же самое мгновение стала обычного размера, как была. — Ну, что, родственник? Идем домой?

— Идем! — согласился Хома.

По дороге домой он спросил Халимар:

— За что ты так Сему напугала? Он теперь долго не сможет в себя прийти!

— Не знаю! Я вообще-то девушка добрая, — сказала Халимар.

— Ага. Знаю, ты белый джинн, — вспомнил Хома.

— А ты не веришь?! — возмутилась Халимар.

— После того, что ты сделала с Семой, верю этому все меньше и меньше. Ты его чуть до сердечного приступа не довела!

— А тебе что до него: Он тебе не друг, не родственник даже. Что ты за него так волнуешься? — удивилась Халимар.

— А ты мне тоже никто. Не подруга и не родственница даже.

— Зато ты мне — все! Мой господин, мой повелитель, — почти искренне сказала девушка.

Но Хома почему-то засомневался в искренности ее слов.

— И теперь забота о твоём ужине полностью лежит на мне. Подросла бы после ужина. Чего было Сеню так рано пугать? — в голосе Хома слышалось недовольство.

— У тебя финансовый кризис? — сочувственно спросила девушка.

— Что ты понимаешь! Кризис — это когда деньги есть, но их катастрофически не хватает. А у меня — финансовая катастрофа!

— Так попроси у своего верного и преданного джинна, — напомнила Халимар.

— Я скорее умру от голода, чем возьму деньги у женщины! — выпалил Хома.

— Ну, и умирай. Я принесу тебе на могилку цветы. Ты какие любишь?

— Ландыши.

— А я орхидеи.

— Жестокая ты, Халимар. Я так молод, а ты моей смерти желаешь.

— Я не желаю. Ты сам себе желаешь! А мог бы пожелать себе чего-нибудь другого!

— Ты опять за свое? Не буду я просить у тебя ничего!

— Ладно. Не кипятись. Давай домой в туфле доедем. Посмотри, сколько людей на остановке! Охота тебе трястись в переполненном троллейбусе?

— Я привык. обойдемся и без чудес!

— А с чудесами лучше! Садись! Не упрямясь! Я все равно полечу, с тобой или без тебя.

Туфля стала расти. Достигнув необходимого размера, остановилась.

— Садись! — настойчиво приглашала Халимар.

— Не хочу!

Упрямый Хома сам дошел до остановки, пропустил три троллейбуса, в четвертый втиснулся боком. Вернее, не втиснулся, а его внесло волной стоявших за ним людей. Втолкнуло, внесло и поставило впритык к задней стенке, лицом к окну.

А Халимар, удобно усевшись в золотой лодке, плыла следом за троллейбусом и посылала Хоме воздушные поцелуи. Пассажиры, которых, как и Хому, приперло к задней стенке, с удивлением наблюдали за девушкой.

— Смотри! Смотри! Во дает!

На третьей остановке Хома растолкал пассажиров локтями и выскочил из троллейбуса, оставив в нем всего одну небольшую пуговичку от своей рубашки.

К вырвавшемуся из троллейбуса Хоме подлетела Халимар.

— Ну, что? Передумал? Садись, а то ужин остынет! — сказала девушка.

«Ух, ты! Она уже ужин наколдовала, а я желание не использовал!»

Через несколько мгновений лодка с Халимар и Хомой уже стояла посреди комнаты. Как им удавалось проскочить в маленькую форточку, Хома не понимал.

— Скажи, а как это мы в такую узкую форточку пролазим? — спросил он Халимар, когда уже лодка снова стала туфлей.

— Очень просто! На одну секунду мы уменьшаемся вместе с лодкой до нужного размера. Но это длится так недолго, что ты этого не замечаешь!

— Ты меня уменьшаешь?! А ты спросила меня?! Может, мне это неприятно! —

разозлился Хома. — А вдруг ты не сможешь потом меня увеличить? Тогда что?

— Тогда буду носить тебя вот здесь, — Халимар указала на место в блузке, вверху, между двумя холмиками. — И буду кормить тебя крошками со своего стола.

— Ты не посмеешь!

— Конечно, не посмею! Пошутила я.

— А на счет ужина тоже пошутила? — спросил Хома.

— Не-а, пойдем на кухню! — пригласила девушка.

На кухонном столе стояла большая эмалированная миска с вареной фасолью. От нее вверх поднимался пар.

— И это все? — разочарованно протянул Хома.

— Да. Очень полезная и вкусная еда. Ешь и не капризничай, повелитель мой.

— Сама ешь, — сердито сказал Хома. — Тоже мне, ужин.

— Да ладно, пошутила я.

Халимар хлопнула в ладоши, и таз с фасолью исчез. Хлопнула еще раз — на столе появился изящный сосуд. Когда девушка хлопнула в третий раз, на столе появились блюда, которые нельзя было назвать иначе, как только яствами. Такими изысканными и ароматными они были.

«Совсем другое дело», — подумал Хома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: ШОТЛАНДИЯ — СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

На следующий день у Хома был выходной. Он позволил себе немного расслабиться и поспать подольше. Проснулся оттого, что почувствовал запах женских волос. Они щекотали ему лицо.

«Халимар развлекается», — подумал он и открыл глаза.

Прямо над его головой висела Халимар. Точнее, она не висела, а крепко стояла ногами в золотых туфельках на потолке. Прямо над его головой. Длинные медовые волосы свисали вниз и щекотали лицо Хома.

— Уже проснулся? — радостно воскликнула Халимар. — Я уже собиралась тебя разбудить!

— Попробуй не проснуться! Твои волосы щекочут мне лицо! — недовольно сказал Хома.

— И тебе доброго утра, повелитель мой! — иронично заметила Халимар.

— Хоть бы в выходной дали поспать, — буркнул Хома и перевернулся на бок, лицом к стене.

— А разве мы сегодня никуда не пойдем? — спросила Халимар.

— А куда мы пойдем? У меня до зарплаты еще три дня. Куда я поведу тебя без денег?

— Тогда отправимся в путешествие! — предложила Халимар. — Без денег, паспортов и виз!

— А куда мы можем полететь?

— В Шотландию, конечно! Ты был в Шотландии? — спросила девушка.

— Нет. А ты?

— Конечно, была! Каждый уважающий себя джинн должен побывать в Шотландии хотя бы тысячу раз! Собирайся, нам уже пора вылетать.

Туфля тут же стала расти.

— Даже чаю не попьём? — спросил Хома.

— Позавтракаем в дороге! Садись скорее!

Хома шагнул в лодку-туфлю, и уже через мгновение они с Халимар были снаружи дома. Юноша и девушка сидели в лодке лицом друг к другу. В руке у Хома тотчас же оказалась чашка с дымящимся кофе. У Халимар — точно такая же чашка. Откуда-то из глубины широких фиолетовых шаровар девушка вытащила два запакованных круассана с шоколадным кремом.

— Это я вчера в магазине прихватила, — объяснила девушка.

— Ты украла их в магазине?! — возмутился Хома.

— Подбирай выражения, повелитель мой! — обиделась или сделала вид, что обиделась, Халимар. — Не украла, а одолжила без денег. Ты же мне не дал ни копейки, как же я могла их купить! Вот зарплату получишь, дашь мне — я свой долг и верну! Подумаешь, трагедия века: две булочки взяла!

Они долго летели молча и даже не смотрели друг на друга. Первой не выдержала молчания Халимар.

— А тебе что-нибудь известно о Шотландии? — спросила она Хому.

— Шотландия — это северная часть Великобритании, — ответил Хома.

— И это все?! Это все, что тебе известно о Шотландии? Стране гор и озер, мифов и легенд, загадок и тайн, замков и привидений, футбольных команд «Рейнджерс» и «Кельтик»?

— Ну, почему? Знаю еще, что столица ее — город Э...

Хома не мог вспомнить название главного города Шотландии. Вот только слово это крутилось на языке, а теперь вылетело напрочь из головы.

— Похоже, мне придется заняться твоим образованием.

Халимар вытянула руку в сторону, и откуда-то прямо из воздуха достала книгу.

— Так, что это у нас? «Зачетная тетрадь для тематического оценивания». Бред какой-то! Попробую еще раз. А сейчас что? «Изучение биологии в средней школе». Снова не то! Попробую еще раз. «География». Вот это, кажется, то, что надо! Читай!

Она протянула Хоме учебник. Хома только взял его в руки, как страницы сами стали перелистываться и остановились именно там, где нужно.

— Шотландия — северная часть Великобритании, — прочитал Хома. — Это я и без учебника знаю.

— Дальше, дальше читай! Ты даже столицу не помнишь. Тебе очень полезен будет этот урок.

— В Шотландии пять миллионов жителей, — прочитал Хома. — Это всего пять таких городов, как наш! Столица Шотландии — город Эдинбург.

— Вот! Запомни: Эдинбург! Поблаговари своего джинна за то, что просветила тебя! Так бы и жил в темном незнании.

— Я бы и так вспомнил! Я еще помню, что есть город Глазго.

— Подсмотрел! Подсмотрел! Там в учебнике есть о Глазго!

— Подсмотрел, — признался Хома. — Я вообще никогда не интересовался географией, а тем более, Шотландией.

— О, Великий Джинн! С кем я связала свою жизнь? Он не любит Шотландию! — подняла руки вверх и сложила их, как для молитвы, Халимар.

— Ты убедила меня. Я сам удивляюсь, почему это я раньше не мечтал о Шотландии?

— То-то! Изучай параграф, мой господин и повелитель!

— Флаг Шотландии — белый крест на синем фоне. Это крест святого Андрея, ученика Иисуса. Некоторые люди путешествуют в Шотландию самолетом, другие — на судне.

— А джинны путешествуют в Шотландию в золотой туфле! Только об этом никто не догадался написать в учебнике, — добавила Халимар.

— По-моему, о вас вообще не пишут в учебниках, — сказал Хома.

— Мне известно это! И я считаю, что это безобразие. Но я верю, что скоро люди поймут, как они были не правы. И тогда во все учебники будут включены главы о джиннах. Нет! Этого мало. В школьной программе появится новый предмет — джиннология. Это будет очень полезный предмет. Ведь люди почти ничего не знают о нас. Только очень немногим посчастливилось кое-что о нас узнать.

— Как мне. Я теперь много знаю о джиннах! Я даже могу написать первый учебник по джиннологии, — предложил Хома.

— То, что знаешь ты — это ничто в сравнении с тем, что знаю я.

Учебник о джиннах должны написать сами джинны.

— Так займись сама этим! — посоветовал Хома.

— Займусь! Но пока я очень занята: я служу тебе! У меня совсем нет свободного времени.

— Ха-ха-ха! Ты служишь мне? Я же ничего не заставляю тебя делать! Ты даже пыль ни разу не вытерла. Я все делаю сам.

— Конечно! Ты все делаешь сам. И сейчас в Шотландию ты тоже летишь сам, и круассаны из супермаркета позаимствовал ты сам, и учебник по географии раздобыл ты сам! Самостоятельный мой господин и повелитель! Постеснялся бы так говорить! Я все силы свои трачу на тебя. Вот везу тебя в Шотландию, чтобы ты не скучал в выходной день.

— Я не просил, ты сама захотела, — напомнил Хома.

— Я видеть не могу человека, который ни разу не побывал в Шотландии! Мне смотреть на него больно! Считаю, что все твои дни до сегодняшнего дня ничтожны и пусты. И всю свою жизнь можешь смело делить на два периода: до поездки в Шотландию и после поездки в Шотландию!

— Да, завтра приду на работу и скажу: «Раньше, до поездки в Шотландию, я был глуп и неопытен. А теперь я умен и требую более достойную работу! Раньше я смотрел боевики и детективы, а теперь читаю умные книги!»

— Да, можешь не иронизировать, это действительно так. И одна из умных книг сейчас у тебя в руках. Читай, — мягко велела Халимар.

— Ежедневно из Лондона отправляется много поездов и автобусов на Глазго и Эдинбург, — прочитал Хома.

— Тебе повезло: полет с джинном в туфле намного приятнее, чем поездка в автобусе или поезде. Тем более, нам совсем не обязательно лететь в Лондон, чтобы попасть в Шотландию! Читай дальше! — потребовала Халимар.

— Глазго — самый большой город в Шотландии и третий по величине в Объединенном Королевстве. Значит, мы летим в Глазго? — спросил Хома.

— Увидишь! А что, тебе уже самому стало интересно? — улыбнулась Халимар.

— Мне уже давно стало интересно! Познакомился с джинном — расстанься со скукой! — весело сказал Хома.

— О! Подожди, я запишу, — у Халимар в руках появилась огромная книга в темно-

синем переплете, на которой золотыми буквами родным языком Хома было написано: «Мудрые мысли моего повелителя Хома».

— И давно ты ведешь записи в этом блокнотике? — спросил Хома.

— Нет. Вот только сейчас решила его завести. Раньше у тебя не было мудрых мыслей, — объяснила Халимар.

— Издеваешься? — нахмурился Хома.

— Что ты! Я совершенно серьезно. Познакомился с джинном — расстанься со скукой! Это же просто чудо, как хорошо ты сказал!

— А если эта мудрая мысль будет единственной? — спросил Хома?

— Не страшно! — сказала Халимар.

Она провела рукой по обложке. Теперь на ней красовалась надпись: «Мудрая мысль моего повелителя Хома».

Парень рассмеялся. Халимар вторила ему своим удивительным смехом.

«Так могут смеяться только джинны, — подумал Хома. — Абсолютно счастливый смех!»

— Так что там еще о Шотландии? — спросила Халимар, указывая рукой на учебник географии.

— До 1750 года Глазго был небольшим городком. Шотландские корабли могли плавать в английские колонии в Америке. Корабли возили в Глазго табак. В 1776 году американские колонии стали независимыми, и торговля табаком прекратилась. Начала развиваться тяжелая промышленность. Она использовала уголь и железо с долины Клойд. Глазго становится богатым, но очень загрязненным городом.

— Теперь ты понимаешь, почему мы туда не летим? — спросила Халимар.

— А куда летим?

— Туда, где водятся привидения. Показателем чистоты окружающей среды является наличие привидений, — объяснила Халимар.

— А привидениям не все ли равно, каким воздухом им дышать? Они же бестелесные, у них и легких нет. И вообще, никаких привидений не существует!

— Да? — улыбнулась Халимар. — Может, и джиннов тоже никаких нет?

— На счет джиннов я уже не так уверен, как раньше. По крайней мере, троих я уже видел собственными глазами.

— Тогда придется тебе показать и привидение. Тогда ты поймешь, как был не прав, когда отказывал им в существовании. Я познакомлю тебя с одним симпатичным привидением.

— Ты знакома с привидением?

— Да, это мой давний клиент. То есть, повелитель. Когда-то он был так сильно влюблен в меня, что готов был даже отказаться от земной жизни, чтобы поселиться со мной в Стране Свободных Джиннов.

— А разве человеку дано такое право?

— Да, такие случаи бывали.

— И почему он не сделал этого?

— Одна маленькая деталь: я не любила его.

— Что вы, джинны, можете знать о любви!

— Ой, ой, ой! А что ты можешь знать о любви? От одной сам ушел, а другая тебя бросила! И думаешь, что у тебя уже богатый опыт!

— Откуда тебе все известно обо мне? — удивился Хома.

— От верблюда! — ответила Халимар.

— Фу, как грубо! Где ты нахваталась таких словечек?

— А я всегда соответствую времени и месту. Говорю так, как принято говорить там, куда я попадаю, — объяснила джинн. — Если бы мой флакон достался английскому лорду, я бы говорила так, как подобает в его кругу. С тобой я общаюсь так, как принято в твоё время.

— Я так и подумал, — признался Хома.

— А чего тогда задавать глупые вопросы, повелитель мой? Я же объяснила, что обязана знать о тебе все! И к тому же, я читаю твои мысли.

— А ты можешь мне объяснить, почему в Страну Свободных Джиннов мы прилетели так быстро, а в Шотландию так долго летим? — спросил Хома. — Неужели Шотландия дальше заоблачной страны?

— Шотландия намного ближе, наблюдательный мой господин. Но наш полет сам по себе приятен, а не только конечная его цель. Ты так не считаешь?

— Так мы летим долго только потому, что ты сама этого хочешь? — спросил Хома.

— И ты, Хома, и ты! — уверенно сказала Халимар. — А если тебе надоело лететь, ты только скажи — и мы в тот же миг окажемся в Эдинбурге.

— Я уже достаточно узнал о Шотландии! Можем приземляться!

И в тот же миг лодка приземлилась недалеко от старинного замка.

— Я пойду поздороваюсь с Эриком. Если хочешь, идем со мной. Ведь не каждый день тебе приходится видеть настоящее привидение!

— Знаешь, иди к своему Эрику сама. У меня нет желания с ним знакомиться.

— Да пошутила я! Привидения днем не показываются. Эрик здесь газоны стрижет. Он господин моего двоюродного брата. Идем, я тебя с братом познакомлю!

ГЛАВА ПЯТАЯ: МАЛЫШ ИЗ ЛОХ-НЕССКОГО ОЗЕРА

— Хочешь увидеть Несси? Кажется, так вы его называете? — спросила Халимар. — Садись в лодку, поплаваем по озеру.

Золотая туфля снова увеличилась до размеров лодки.

— Нет, я, пожалуй, подожду тебя на берегу.

— Не бойся! Я этого зверька помню вот таким крохой! Он не сделает нам ничего плохого, — уверяла Халимар. — Он совсем безобидный.

— Если он такой безобидный, почему его называют чудовищем? — спросил Хома.

— Ты же знаешь, людям свойственно все преувеличивать. Все называют его чудовищем? Я — нет. И ты, когда познакомишься с ним поближе, не будешь так считать. Разве чудовище может есть только траву?

— А ты уверена, что ему не захочется съесть хорошо откормленного человечка?

— Это ты о себе? Ты льстишь себе, Хома! Никакой людоед не позарится на твои кости. А тем более, добрый растительоядный бронтозавр.

— А ты уверена, что он растительоядный? — все еще не верил Халимар Хома.

— Я же сказала тебе: я помню его еще малышом. Он тогда здесь жил с мамой. Правда, выглядит он сейчас немного иначе, чем тогда. Но нрав его с тех пор мало изменился. Бояться его нечего, он — сама доброта!

— Ладно! Поверю тебе еще раз, — согласился Хома.

Они сели вдвоем в золотую лодку и поплыли по озеру.

— А здесь глубоко? — спросил Хома, глядя в толщу воды.

— О, да! Это озеро невероятно глубокое! У него просто фантастическая глубина — семьсот футов. Длина его двадцать четыре мили, а ширина лишь в некоторых местах превышает милю. По объему пресной воды это озеро третье в Европе, а по загадочности — первое!

— А почему в озере такая темная вода? — спросил Хома.

— Да, ты правильно заметил. Вода здесь действительно темная и непрозрачная. Это из-за торфа, которого в изобилии по берегам. К тому же, вода здесь еще и очень холодная.

Где-то на середине озера лодка вдруг стала раскачиваться. Хома ухватился в края туфли.

— Не бойся! Я же с тобой, — успокоила его Халимар. — В конце концов, мы всегда можем использовать твоё желание. Скажешь: «Отправь меня домой!» И в ту же секунду окажешься в своей постели с натянутым к глазам одеялом.

— А почему к глазам? — спросил Хома.

— Ну, можешь и на глаза одеялко натянуть, чтобы не так страшно было.

— По-твоему, я трус? — недовольно спросил Хома.

— Я не говорила этого, мой повелитель! Ты сам это только что сказал.

Внезапно лодку перестало раскачивать. Хома облегченно вздохнул.

— Рано радуешься! Это было только начало! — предупредила Халимар.

Теперь раскачивания лодки повторялись чаще и были сильнее, чем в первый раз. Потом лодку чуть не опрокинула высокая волна, поднятая огромным животным. Если бы Халимар не подняла свою туфлю, временно выполняющую функции лодки, в воздух, Хома и Халимар были бы уже залиты водой.

Лодка неподвижно висела в воздухе, и Хома увидел, как из воды показалось животное. Оно могло быть бегемотом, слоном, крокодилом, динозавром, драконом — кем угодно. Однако, Хома знал, что динозавры вымерли, драконы живут только в сказках, а слоны в воде не живут. Наконец животное поднялось на поверхность воды. Теперь его можно было хорошенько рассмотреть. Что Хома и сделал.

Это было очень странное животное, с большим туловищем, длинной шеей и маленькой головкой. Взглянув маленькими овальными глазками на Халимар, животное издало жуткий, просто-таки душераздирающий вопль! Хома от неожиданности чуть не свалился в озеро.

— Малыш! — радостно закричала Халимар. — Ты узнал меня, малыш!

«Малыш» был черным-черным и блестящим. Шея чудовищных размеров торчала из воды, держа на себе маленькую головку, напоминающую по форме лошадиную. Тело животного было широким и крупным, оно как бы состояло из трех невысоких горбов.

Халимар опустила лодку на воду прямо у морды животного. У Хома зашевелились волосы от страха. Он с ужасом смотрел в овальные глаза чудовища. Чудовище тоже с любопытством взидало на Хома.

— Познакомься, Эван, это Хома! Хома! Это Эван!

— Очень приятно, — саркастически заметил Хома. — Почему Эван? Это же Несси!

— Это он сам тебе так сказал? Он сам представился, пожал тебе руку и сказал: «Несси!» Да?

— Нет, конечно. Но его все так называют! Лох-Несское чудовище по имени Несси.

— Я не против. Но только Эван не Несси. Эван — мужчина. Тебе приятно было бы если б тебя называли Машей или Ниной? Да, кстати, а почему ты никогда не называешься

своим настоящим именем? — поинтересовалась любопытная девушка-джинн.

— Догадайся с трех раз! Ты же умная, — съязвил Хома.

— Умная, не спорю. И догадаюсь с одного раза. Ты просто не хочешь доказать, что у тебя есть имя. Ты прячешься за Хому, как улитка прячется в раковину.

— Ага, скажи еще, как страус прячет голову в песок.

— А разве я не права? Вот произнеси смело вслух: «Меня зовут С-с-с...» Не хочешь?

— Не хочу!

— И не надо! Мне нравится, что ты Хома. Хома и Халимар — звучит! Тристан и Изольда! Ромео и Джульетта! Руслан и Людмила! Хома и Халимар! Халимар и Хома! Наши имена так миленько смотрятся рядом.

— Смотрятся, смотрятся! — встревожено прекратил болтовню девушки Хома. — Тебе не кажется, что милый Эван очень странно смотрит на тебя? С аппетитом!

— О! Да! Чуть не забыла. Эван, я привезла тебе круассаны с шоколадным кремом.

В воздухе появилось внезапно огромное металлическое блюдо, на котором возвышалась гора аппетитных слоеных французских булочек.

— Эти ты тоже позаимствовала без денег? — ужаснулся Хома.

— Нет, эти я сама наколдовала. Так что ты должен вернуть в магазин деньги только за две.

Халимар доставала булочку из пакета, пакет растворялся в воздухе, как будто плавился и бесследно исчезал. Булочки тоже исчезали, но уже во рту Эвана.

— Хома! Помоги мне разворачивать круассаны! Видишь, я не успеваю.

Хома и Халимар вдвоем кормили Эвана, а гора на блюде не уменьшалась. Просто заколдованная какая-то гора!

Хома развернул одну булочку и решил сам ее съесть. Но тут же получил удар рукой по руке от Халимар.

— Не ешь булочку! Бронтозавриком станешь! — предупредила она.

Хома так и замер с открытым ртом и булочкой в руке.

— Пошутила я! — расхохоталась Халимар. — Такой большой, а в сказки веришь! Ешь, нам тоже не мешает подкрепиться.

Халимар развернула булочку и стала ее есть. Эван терпеливо ждал продолжения банкета.

Когда все трое насытились, блюдо с горкой круассанов на нем исчезло.

— Ну, как, Эван? Покажешь Хоме пару трюков? — спросила Халимар.

Эван не ответил ничего, но тут же взлетел в воздух и выполнил сальто. Хома и Халимар наградили его аплодисментами. И так, поддерживаемый аплодисментами и восторженными возгласами зрителей, Эван показал все, на что был способен. Он быстро плавал вокруг золотой лодки, резвился и прыгал, как счастливый дельфин. Халимар хохотала, как девчонка, высоко запрокинув голову и обнажая белые зубы. Хома уже не смотрел на Эвана, он любовался своей спутницей. Еще бы! Какой мужчина с традиционной ориентацией не засмотрится на такую девушку!

— Хочешь прокатиться на Эване? — предложила Халимар.

— Нет! Нет! — быстро отказался Хома. — Только не это!

— Как хочешь. А я прокачусь. Эван! Ко мне! — приказала девушка, и огромное чудовище подлетело, как послушный щенок.

Халимар села на широкую спину Эвана. Эван снова издал жуткий, душераздирающий

воплъ. Очевидно, таким образом он выражал восторг.

На большой скорости Эван носился по озеру, доставляя огромное удовольствие своей всаднице. Халимар хохотала так громко, что смех ее отзывался эхом где-то в горах.

Наконец девушка вернулась в лодку. Эван взмахнул прощально хвостом и скрылся в темных водах озера.

— Что-то прохладно стало, — тихо сказала Халимар, села рядом с Хомой и крепко прижалась к нему.

— Прохладно? — удивился Хома, глядя на покрасневшее лицо девушки. — По-моему, наоборот, жарко. Если тебе прохладно, наколдуй себе шотландский плед!

— Слушаю и повинуюсь, господин мой!

И тут же с неба в лодку свалился клетчатый плед. Халимар укуталась в него. Внезапно Хома почувствовал, что тоже замерзает.

— Можно к тебе под одеялко? — робко спросил девушку.

Она молча приподняла край пледа, чтобы Хоме удобнее было сесть рядом.

— Ну, что? Летим домой? — предложила Халимар. — Тебе не мешает выспаться перед работой.

— Домой так домой! — согласился Хома. — Хотя мне и в Шотландии неплохо! Я еще не все узнал об этой стране!

— Знания можно приобретать и в пути, — напомнила Халимар.

И когда лодка поднялась высоко-высоко, выше облаков, Халимар снова протянула руку куда-то в воздух и достала книгу. Книга была толстой, она называлась «Энциклопедия шотландской поэзии». Хома едва удерживал ее у себя на коленях.

— Да, это очень тяжело для тебя, — заметила девушка. — Давай, я сама тебе прочту! Роберт Бернс, шотландский народный поэт, родился 25 января 1759 года. Отец его был бедным фермером. В семье было семеро детей, а Роберт был старшим. Мать его знала много шотландских песен и часто пела их своим детям. Мамина подруга Бетти рассказывала ему множество фантастических историй о феях и ведьмах.

— А его мама дождалась того момента, когда сын стал знаменитостью? — нетерпеливо спросил Хома.

— Да! Конечно! Он же был старшим из ее детей. А стихи стал писать еще в пятнадцать лет. Его стихи, даже самые первые, имели потрясающий успех. Но мне больше всего нравятся его стихи «Я люблю мою Джин» и «Прекрасная Джин». Пожалуй, это все, что тебе надо знать о Шотландии, повелитель мой, — Халимар захлопнула книгу и опустила ее рядом с бортом лодки-туфли, сладко зевнула и еще тесней прижалась к Хоме.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: БЫВШАЯ ПОДРУГА

ГЛАВА ШЕСТАЯ: БЫВШАЯ ПОДРУГА

— Халимар! Я сегодня получил зарплату. Хочу пригласить тебя поужинать в городе. Я знаю один неплохой ресторан.

— О! Я с удовольствием! Только я не знаю, что мне лучше надеть. Ты поможешь мне выбрать наряд?

— В смысле, купить? — испугался Хома, у которого денег было не настолько много, чтобы покупать одежду привыкшей к роскоши девушке.

— В смысле, выбрать.

Халимар щелкнула пальцами и откуда-то сверху на пол свалилась кipa глянцевых журналов.

— Посмотрим? — спросила девушка.

— Посмотрим, — согласился Хома.

Они сидели вдвоем на продавленном и обшарпанном диване, как две подружки, и рассматривали яркие картинки, как будто взятые из другого мира.

— Что тебе здесь нравится? — спросила Халимар.

— Мне многое здесь нравится, но я не могу представить, как эти красивые вещи будут выглядеть с твоими золотыми туфлями, — признался Хома.

— Тебе не нравятся мои туфли? — удивилась Халимар.

— Если честно, то не очень. Мне нравится, когда девушки носят высокие сапоги на шпильке. Еще я люблю туфли-лодочки, — объяснил Хома.

— Туфли-лодочки? Но это же и есть самые настоящие туфли-лодочки! В них можно летать по воздуху, плавать по воде. Без них я бы не смогла взять тебя с собой ни в одно путешествие!

— А сама? Можешь ты передвигаться без них? — спросил Хома.

— Конечно! Стоит мне только представить то место, в котором я хочу оказаться, и я уже там!

— Классно тебе! Так ты из-за меня их носишь? Можешь снять ненадолго, мы все равно вызовем такси.

— Нет, нельзя. Это не только транспорт. Долго объяснять. Просто поверь на слово, что мне без этих туфелек нельзя.

— Халимар, скажи, почему ты то рвешь волосинку, то хлопаешь в ладоши, когда колдуешь? В чем тут секрет? Почему каждый раз у тебя что-то другое?

— А никакого секрета! Мне не надо рвать волосы, хлопать в ладоши, хлопать ресницами. Я это делаю только для того, чтобы произвести на тебя впечатление! На самом деле, мне этого ничего не нужно делать. Я только подумаю о том, что мне надо — и все получается само собой!

— Так это просто кокетство? — догадался Хома.

— Да! — подтвердила Халимар.

— Впечатляет! У тебя получилось! Тебе удалось произвести на меня впечатление!

— Правда?

— Правда!

Потом они еще долго рассматривали журналы. Им так хорошо было вдвоем, что они совсем забыли, для чего им вообще понадобилась эта кipa.

— Халимар! Мы собирались пойти поужинать в городе! — вспомнил Хома.

— А мы уже выбрали мне наряд? — опомнилась Халимар.

— Может, вот это? — нерешительно ткнул пальцем Хома в картинку.

На фото была известная актриса в коричневой юбке и бежевой рубашке.

— Какие грустные цвета! Но раз тебе нравится это — пожалуйста!

И Халимар уже сидела на том же диване и в той же позе, только на ней были надеты юбка и рубашка, а не прозрачные шаровары и блуза.

— Так нормально? — спросила девушка.

— Нормально! Пойдем! Только поедем на машине, никаких таких фокусов с лодками! Договорились?

— Договорились.

На улице их ждала машина, они быстро добрались в центр города. Пока шли к ресторану, им встретились две парочки, в каждой из которых на ком-то одном были золотые туфли. Обладатели джинновских туфелек приветствовали Халимар молчаливым поклоном.

— Я не знал, что в нашем городе живет так много джиннов! — удивился Хома.

— Разве это много? Людей значительно больше! Хотя чему удивляться: мы ведь в городе людей, а не джиннов.

Вот и Хома встретил знакомого, вернее, знакомую. Только не поприветствовал ее никак. Она сделала вид, что не узнала Хому. Может, действительно не узнала? Это была та самая девушка, которая, уходя от него, наговорила ему гадостей. Сейчас она поправляла прическу в фойе того же ресторана, в который Хома привел Халимар.

— Посмотри, на какого милого толстячка променяла тебя твоя бывшая подружка, — шепнула Халимар Хоме.

— А ты откуда знаешь? Ах, да! Ты же все обо мне знаешь, — вспомнил Хома.

Спутник его бывшей девушки Инны был маленьким, толстеньким и кривоноженьким добрячком неопределенного возраста. Он улыбался, с обожанием смотрел на юную подругу, его масляные глазки блестели, и весь он сиял, включая симпатичную лысинку, предвкушая приятный вечер.

— Давай испортим им настроение, — предложила Халимар. — Смотри, как сияют! Тебе не обидно?

— Сначала было обидно. Очень! — признался Хома. — А сейчас я даже не вспоминаю о ней.

— А я считаю, что ее надо наказать! Она незаслуженно тебя обидела! У тебя мог бы появиться после ее слов комплекс неполноценности! — настаивала Халимар.

— Пусть живет! Мне нет никакого дела до нее, — сказал Хома и сам поверил в искренность своих слов.

Хома и Халимар заняли уютную маленькую кабинку. Их отделяла от общего зала красивая деревянная перегородка с фигурными отверстиями. Людям, сидящим в зале, не видно было, кто сидит в кабинке. Зато Хома и Халимар прекрасно могли наблюдать за происходящим в зале.

Официант поприветствовал посетителей, предложил карту вин и меню. Пока Халимар делала заказ, Хома исподволь наблюдал за своей бывшей девушкой. Как назло, она и ее

спутник выбрали столик почти рядом с кабиной.

Когда официант принес заказ и ушел, Халимар шепнула:

— Хома! Давай немного порезвимся! Я не сделаю ей ничего плохого. Просто, немного пошучу!

— Не надо, ну ее! Я не злопамятный, — сказал Хома.

— Ну, Хома! Совсем немного. Вспомни, что она сказала тебе в тот день, когда вы расстались! — напомнила Халимар. — Ее надо слегка проучить!

— Слегка?! — побагровел Хома. — Она заслуживает наказания! Давай ее проучим!

— Ну, вот и хорошо, — обрадовалась Халимар. — А сейчас только смотри и восхищайся мной! И помни: я делаю это не для собственного удовольствия! Я делаю это только ради тебя!

Сначала Хома ничего странного не заметил в поведении своей бывшей подруги. Но потом она резко повернула голову сначала влево, потом вправо, как будто хотела удостовериться в том, что никто не пытается отнять у нее еду. Хоме это показалось очень забавным. Потом Инна схватила двумя руками лежащую перед ней на тарелке куриную ногу и стала быстро и некрасиво ее обгладывать, громко чавкая при этом. Придвинула к себе тарелку с салатом и опрокинула себе в рот все содержимое салатницы, помогая себе при этом только руками. Похоже, она совсем забыла, что человечество уже давно изобрело ложки и вилки. Затем она схватила тарелку своего кавалера и тоже опустошила ее. У кавалера зрочки вывалились из орбит, а челюсть упала на мощную грудь. Инна что-то сказала своему мужчине. Наверное, попросила принести еще еды. Тот встал и куда-то ушел. Халимар, раскрыв меню, стала что-то шептать себе в левое плечо. От взгляда Хомы не утаилось, что перед Инной стали появляться, словно с неба, все новые и новые блюда. Аппетит у девушки не пропадал, а наоборот, становился все лучше и лучше. Сначала Хому это развлекало, но потом ему стало страшно, что девушка может лопнуть от обжорства.

— Халимар! По-моему, она уже достаточно наказана! Давай оставим ее в покое, — попросил Хома.

— Еще немного! Теперь она уже не скажет, что ей чего-то там было мало! Еще осталось самое интересное. Смотри и наслаждайся!

Перед Инной внезапно появилось блюдо с тортом. Торт был украшен кремом с ягодами. Спутник Инны как раз вернулся и сел на свое место. Что-то сказал девушке. Она глупо засмеялась и с разгону шмякнулась лицом прямо в торт. Затем подняла перепачканное кремом и ягодами лицо и громко отрыгнула. Так громко, что у бармена зазвенели бокалы. На девушку обернулись все посетители ресторана. Внезапно ей стало плохо, и ее лысый кавалер позвонил в «скорую».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Халимар! — сказал Хома. — Мне кажется, торт — это было уже лишнее. Вполне хватило бы и отрыжки.

— Не волнуйся! С ней все будет в порядке. Сейчас ей промоют желудок. Эта процедура не совсем приятная, но абсолютно безвредная.

— Ты знаешь, мне даже есть расхотелось после такого зрелища! — сказал Хома.

— А ты съешь вот этот маленький кусочек, — Халимар положила своими дивными пальчиками кусочек мяса со своей тарелки в рот Хоме. — Может, у тебя снова появится аппетит.

Она оказалась права. Он забыл о бывшей подруге и ее верном спутнике, наслаждался

хорошим вином, вкусной едой. А главное, ему было приятно общество Халимар, умной и веселой девушки, к тому же еще и красивой. Она угадывала все его желания.

— Ты читаешь мои мысли, Халимар, — шепнул ей Хома, когда они танцевали, прижавшись друг к другу.

— Конечно! — ответила девушка. — Я ведь джинн.

— Прекрасная Джин! Я люблю мою Джин! — повторял зачем-то Хома названия стихотворений шотландского поэта Роберта Бернса.

— Пойдем домой? — предложила Халимар.

— Пойдем, — согласился Хома.

Он подал знак официанту, что хочет рассчитаться.

Официант очень быстро подошел.

— Мы польщены, что такая важная особа почтила нас своим присутствием, — галантно поклонился он Халимар. — Сегодня ваш ужин — за счет нашего заведения. Желаем приятного отдыха в нашем городе! Заходите к нам еще! Вы не могли бы дать мне автограф? Моя племянница вас просто обожает!

— С удовольствием! — и Халимар поставила свою подпись на льняной салфетке, протянутой ей официантом.

На улице Хома спросил:

— А за кого он тебя принял?

— Не знаю! Наверное, за какую-то знаменитость, — предположила Халимар.

— Как тонко подмечено! А что же ты написала на салфетке?

— Правду! «От Халимар, творящей чудеса». А что? Что-то не так? Разве в моих словах есть хоть капелька вранья?

— Нет, ни капли! Мне очень понравился сегодняшний вечер, — сказал Хома.

— Если бы ты не жадничал, вечер мог бы понравиться тебе еще больше.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты понимаешь! Если бы ты не боялся использовать одно из своих оставшихся двадцати восьми желаний!

— Кажется, они появились у меня! Я готов отдать все желания за...

— Стоп! — прервала Хому Халимар. — А вот этого делать не надо! Ты выпил много вина. И тебя куда-то занесло. Я хочу, чтобы эти слова ты сказал мне на абсолютно трезвую голову. Садись в туфлю, мой повелитель! Я отвезу тебя домой!

Дома Халимар снова стала крошечной, но не спешила возвращаться к себе в бутылку. Сославшись на недомогание, она улеглась возле лица Хома. Щекотала ему губы своими крошечными ручками. А когда Хома захотел прижаться к ней ближе, она взвизгнула.

— Ой! Ты, колючее чудовище! Не смей больше прикасаться ко мне своей ужасной небритостью!

Спустилась с дивана и зашагала к своему зеленому флакону, который по-прежнему лежал на полу у комода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: НОЧНОЙ ПОЗОР

Было у Хома одно увлечение, о котором не знал никто. Друзей у парня было мало, один приятель институтский да еще коллега по охранному агентству. И все. Но даже они не знали

о странном хобби Хома. Он любил рисовать! Не умел, но очень любил. Рисовал, как ребенок, деревья, домики и синих котов по соседству с обглоданными рыбьими скелетами. И как это Халимар узнала о его увлечении? «Хочешь, твои картины назовут гениальными?» Хотел, еще как хотел! Только без колдовства! И вот Хома в свои двадцать пять лет идет в детскую школу искусств.

Учительница живописи как-то странно посмотрела на него, когда он объяснил суть проблемы.

— Вы хотите научиться рисовать? А не поздно ли в вашем возрасте? — спросила она.

— Учиться никогда не поздно, — выпалил Хома известную чуть ли не с пеленок фразу.

— Да, когда дело касается любого другого предмета. Но живопись! К нам дети приходят еще в дошкольном возрасте. И думаете, многие из них становятся художниками? Боюсь, я не смогу вас ничему научить.

Хома вернулся домой в очень плохом настроении. Он так долго решался кому-то открыться, а ему отказали. Можно сказать, подрезали крылья. Загубили мечту на корню. Убили в зародыше.

Халимар сама выпорхнула из бутылки. Села прямо на стол, когда Хома поставил на него тарелку с вермишелью быстрого приготовления.

— Давай ее проучим! — предложила она без предисловия.

— Кого? — удивился Хома.

Он уже привык к постоянному присутствию в его квартире Халимар, но иногда она появлялась так неожиданно!

— Учительницу, — объяснила Халимар.

— А ты уже все знаешь, — сказал Хома, совсем не удивившись.

— Конечно. И даже знаю, что она не права. Научиться живописи можно в любом возрасте. Хочешь, я сама буду тебя учить?

— Ты не понимаешь! Мне важно, чтобы я сам создавал свои картины, безо всякого колдовства.

— Ну, и создавай себе сам, безо всякого колдовства! А я буду тебя учить. Ты не знал, что я учитель живописи? Хочешь, я тебе диплом покажу, если ты мне не веришь?

И она достала из-под блузки свернутый в трубочку лист бумаги. Развернула и протянула Хоме. На листе черным по белому было написано; «Диплом выдан Халимар о том, что она является самым лучшим учителем живописи». На дипломе не было ни номера, ни даты, ни подписи, ни печати.

— Липовый твой дипломчик! За глупца меня держишь?

— Ну, липовый. Не прошло, и не надо. Но я научу тебя рисовать! Спорим на желание. Если ты научишься рисовать, ты должен будешь исполнить мое желание. А если не научишься, тогда твое желание исполню я. Идет?

— Хорошо. Я согласен. Как будто у меня есть выбор, — уныло согласился Хома.

— Выбор есть всегда! Выбери себе любимый цвет. Синий. Спорим, ты выберешь синий!

— Да, не трудно догадаться. У меня почти вся одежда синего цвета.

— Синий — это вечер, сумерки, загадочность. Синие коты — это сумеречно-вечерние загадочные коты. А что ты еще умеешь рисовать?

— Я люблю рисовать дома. Вернее, домики. Но я рисую их не лучше, чем это делают дети в детском саду.

— А лучше и не надо! Нарисуй такой примитивный, как будто увиденный детскими глазами, домик. Освети окна ярким электрическим светом. Поставь сверху дымоход или спутниковую антенну. А на крышу посади кота. Или еще лучше: парочку влюбленных котов. Пусть себе сидят, обнявшись, и любуются звездами. Все так просто и примитивно, а какой глубокий смысл!

— Да, — хмыкнул Хома, — очень глубокий смысл: влюбленные коты!

— А что еще имеет смысл, кроме любви?

— Я не стал бы так категорично утверждать! Есть вещи важнее, чем любовь, — уверенно сказал Хома.

— Назови хоть одну! — потребовала Халимар.

— Искусство, — уже не так уверенно сказал Хома после десятиминутного молчания.

— Искусство? Так бегом хватай кисть! Создавай! Твори!

Хома послушно взял кисть, обмакнул ее в фиолетовую краску и нарисовал... кота. Вернее, не совсем кота, а только схему. Как рисуют дети: картофелина, кружок, ушки, усики, ротик, лапки и хвост трубой.

— Ого! Ты делаешь успехи! А теперь сделай так, чтобы он у тебя сидел на крыше. Добавь ему подружку — и картина обретет смысл!

После трехчасовой возни и испорченных четырех листов, у Хома получилась первая в его жизни картина. На крыше фиолетового дома с ярко освещенными электричеством окнами сидели, обнявшись, кот и кошка и любовались апельсиновой луной.

— Какая чудесная ночная картина! — воскликнула Халимар.

— Это не картина. Это мой позор. Ночной позор, — сказал Хома.

— Прекрасное название для картины! Теперь осталось создать еще дневной позор, сумеречный позор — и я пойду продавать твои картины. Они будут иметь грандиозный успех!

— Ты шутишь?

— Какие шутки? Есть вещи, о которых шутить нельзя. К таким вещам я отношу твои картины в первую очередь.

Хома усердно трудился, а Халимар служила ему музой. Она восхищалась его талантом, хвалила его работу, как могла. И уже почти ночью все три картины Хома были готовы. Ярко-оранжевый дневной позор, синий — сумеречный и фиолетовый ночной. На всех трех картинах была все та же счастливая парочка котов и все та же гостеприимно приютившая их крыша многоэтажного дома со спутниковой антенной.

— А название корректное? Все-таки позор!

— Ну и что? Позор — это не ругательство. В одном родственном твоему родному языке слово позор означает «внимание, смотри». Или что-то в этом роде! Так что буквально это название может означать: «Обратите внимание на влюбленных котов днем, ночью и в сумерки!» Это же прекрасно! Это призыв к любви, милосердию и так далее, и тому подобное!

— По-моему, здорово ты придумала, Халимар.

— А я вообще гениальная девушка, — скромно согласилась Халимар. — Завтра же иду в горсад продавать твои картины!

— А мне даже как-то жаль с ними расставаться!

— Не бойся! Ты себе еще такие нарисуешь! — убедительно сказала муза.

На следующий день Халимар продавала картины в горсаду. Она сразу же заметила

знакомого джинна. Он был с толстячком, а толстячок отошел от него, чтобы купить мороженое малышке.

— Что, добрячку служишь? — спросила Халимар знакомого джинна.

— Добрячку? — рассмеялся джин по имени Ибрагим. — Этот добрячок бросил жену, пятилетнюю дочь и ушел к другой женщине. Это он по воскресеньям из себя хорошего отца изображает. Вот мороженое купил!

Добрячок с дочерью подошли к Халимар и стоявшему рядом с ней джинну.

— Папа! Папа! Я хочу такого котика! — восторженно воскликнула девочка, увидев картины Хома.

— Я покупаю все! — сказал добрячок.

— А зачем вам все? — удивилась Халимар. — Купите дочери одну, другие она сама нарисует не хуже.

— Нет! Сказал, все, значит, все! Одну дочка заберет домой, а две у меня будут висеть. Когда она ко мне в гости придет, смотреть будет.

— Все так все. Я скорее домой пойду, — согласилась Халимар.

— Это ваши картины? — спросил добрячок.

— Нет, я их только продаю. Фамилия художника есть в нижнем углу, если вам интересно.

Халимар распрощалась с картинами и направилась домой. Она очень выгодно продала творения Хома. Теперь можно готовить следующие для продажи. Казалось, надо было радоваться. Но Халимар что-то тревожно стало на душе. Ибрагим! Черный джинн, который вот уже пару веков преследует ее повсюду. Ибрагим давно уже намекал ей, что хотел бы вернуться вместе с ней в Страну Свободных Джиннов. А это может означать только одно — брак. Что может быть ужаснее брака черного джинна с белым джинном? Это же вечные скандалы, ссоры, выяснения отношений, ревность. Причем, вечные — в самом прямом смысле этого слова. Ведь джинны живут всегда. Конечно, бывало, что черный и белый джинн влюблялись друг в друга, но не всегда это приводило к чему-нибудь хорошему.

Халимар знала, что Ибрагим уже давно положил на нее глаз. Этот удивительно красивый, высокий, стройный брюнет был злым, жестоким и мстительным. Ему нельзя было просто так отказать.

«Ах! Если бы у меня уже был жених, какой-то сильный белый джинн, все было бы намного проще. Тогда бы Ибрагим сам оставил меня в покое».

Когда до возвращения в Страну Свободных Джиннов оставалась еще несколько десятилетий, Халимар не очень волновалась. Но сейчас, когда возвращение так близко! К тому же, папа Халимар не считал цвет джинна препятствием к вступлению в брак. Он, как и все белые джинны, был за свободу выбора в любви. Папе нравился Ибрагим, он вырос по соседству. А Халимар... А Халимар нравился Хома. Еще никто и никогда не нравился ей так сильно, как этот вечно недовольный, ворчливый и не очень уверенный в себе юноша.

— Халимар! Неужели кто-то купил мою мазню? — удивился Хома, увидев, что девушка вернулась без картин.

— Хома! Люди в восторге от твоих картин! Теперь ты не должен сидеть, сложа руки. Твои картины разлетелись за две секунды! У меня чуть руки не оторвали!

— Значит, теперь у нас будут деньги? — обрадовался Хома. — И мы с тобой сможем переехать из этой дыры в нормальную квартиру в самом центре города?

— Да, сможем!

— И я смогу каждый вечер кормить тебя вкусным ужином вне дома?

— Да, Хома.

— И я смогу выбрать и купить для тебя самые красивые и модные платья?

— Конечно.

— И мы сможем купить себе автомобиль и больше никогда не ездить на троллейбусе?

— Безусловно!

— И еще мы сможем путешествовать! Мы купим билеты на самолет и полетим в Шотландию! Мне так понравилось наше путешествие, я хочу его повторить. А ты?

— И я.

— Халимар! А зачем нам билеты на самолет, если мы можем полететь в твоей туфле?

— Вот именно! Зачем?

— И ужинать в ресторане каждый вечер скучно! Правда?

— Ты прав, Хома.

— А к твоим нарядам я уже привык. Мне даже нравится, когда ты ходишь в прозрачных шароварах.

— А другая квартира нам и вовсе не нужна! — добавила Халимар. — Нам и здесь неплохо! Здесь только ванны не достает. Но это я могу немедленно исправить!

И в ту же секунду прямо посреди комнаты появилась ванна, наполненная ароматной водой с пеной. Посреди пены плавала маленькая резиновая уточка, с какими обычно купаются дети.

— Поплаваем? — предложила Халимар, и первая залезла в пену. Как была, в серебристой блузе и такого же цвета шароварах. Только ноги ей пришлось положить на край ванны, чтобы не намочить золотые туфельки. Хома тоже нырнул в пену. Но он все-таки снял с себя брюки и рубашку. Так все же удобнее.

Они сидели вдвоем в одной ванне и смотрели друг на друга. Долго сидели, но вода оставалась все такой же температуры, как была вначале.

— Халимар! Я не хочу переезжать отсюда. В этой комнатке я нашел тебя, здесь мы познакомились. Это самое лучшее место на земле, — сказал Хома.

— После Шотландии.

— Что, после Шотландии? — спросил Хома.

— Я согласна, что это самое лучшее место на земле, но только после Шотландии.

— Шутишь, как всегда.

— Нет, не шучу. Когда мы были в Шотландии, я вдруг поняла...

— Что?

— Да так, ничего. Много будешь знать, скоро состаришься, — сострила Халимар.

— Конечно! Тебе легко говорить об этом, ты сама никогда не состаришься.

Снова молчаливое долгое вглядывание друг в друга.

— Халимар! — сказал Хома. — А ты очень хочешь вернуться к себе?

— Куда?

— Ну, в твою страну. В Страну Свободных Джиннов, — объяснил Хома.

— Конечно, хочу. Все джинны этого хотят.

— А что тебя там ждет?

— Вечное счастье, что же еще может меня там ждать.

— Ты выйдешь замуж? — грустно спросил Хома.

— Естественно. Я выйду замуж и нарожаю с десятков маленьких джиннов. Буду

воспитывать их, пока они не станут совершеннолетними. Затем отправлю их к людям и буду с нетерпением ждать их возвращения домой.

— Как это грустно, — заметил Хома.

— Что грустно? О чем ты говоришь, Хома? Ведь так приятно встречаться после разлуки! А если не разлучаться, тогда не будет встреч!

— Да я о другом, — уныло сказал Хома.

— Не грусти, Хома. Хочешь, я своего первенца назову твоим именем? Будет единственный в Стране Свободных Джиннов джинн Хома, — предложила Халимар.

— Ты все шутишь, а я серьезно.

— И я серьезно. Как захочу — так и назову. У нас свободная страна.

— А хочешь, я освобожу тебя прямо сейчас? — предложил Хома.

— Интересно! И как ты это сделаешь?

— Двадцать восемь поцелуев — и ты свободна!

— Ты с ума сошел! Как можно по таким пустякам использовать силу всемогущего джинна! Подумай! Ведь я могу абсолютно все! А ты ведешь речь о каких-то там поцелуях!

— А может быть, для меня нет ничего важнее твоих поцелуев, — тихо сказал Хома.

— Так «может быть» или «нет ничего важнее»? Давай уточним! — настаивала Халимар.

— Почему ты всегда смеешься надо мной? Тебе нравится мучить слабого человека?

— Ты можешь получить с моей помощью все в этом мире. Все, что здесь ценно: деньги, славу, признание, обожание, поклонение, любовь. Хочешь, я сделаю так, что девчонки побегут к тебе гурьбой, как в магазин модной одежды в дни предновогодних скидок?

Хома демонстративно игнорировал Халимар, насколько это возможно, когда сидишь в одной ванне.

— Хома! Ты что, обиделся? — ласково спросила Халимар. — Я согласна!

Она оттолкнулась от края ванны и оказалась в объятиях Хома. Поцелуй был долгим и жарким. Он прерывался на мгновение только лишь для того, чтобы джинн и человек могли прошептать имена друг друга. Как будто хотели удостовериться, что происходящее сейчас с ними реально.

— Халимар, — шептал нежно Хома, упиваясь ароматом волос девушки.

— Хома, — шептала Халимар, обвивая руками в намокших рукавах плечи Хома.

— Халимар...

— Хома...

Это продолжалось долго. Двое не замечали времени. Казалось, оно сейчас просто перестало существовать для них. Как в Стране Свободных Джиннов.

Наконец Халимар опомнилась.

— Я списываю с тебя одно желание! И не вздумай остальные двадцать семь истратить так же глупо! Это просто какое-то безумие!

Она вылезла из ванны, мгновенно сменила одежду на сухую и стала маленькой. Сердито зашагала к зеленому флакону.

— Даже не думай! — крикнула она, не уточнив, что именно он не должен думать.

Хома взял флакон с Халимар, долго пытался выманить девушку оттуда. Но она затаилась, как мышь. Хома тер буквы на флаконе, обцеловывал его со всех сторон, просил, умолял, звал.

— Халимар! Выходи, Халимар!

Но она оглохла, ослепла и онемела одновременно. Так Хома и уснул, держа флакон в руке и прижимаясь к нему губами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: ПОХИЩЕНИЕ ХАЛИМАР

Добрячок простился с дочерью. Отвел ее к бывшей жене, вручил подарки. Мягкого слоника в розовой юбочке, лошадь для куклы Барби, несколько коробок конфет и дневных котов, изображенных Хомой.

— Аркадий, зачем девочке так много конфет? Ей нельзя много сладкого, — сказала бывшая жена.

— Ну, сама съешь, это же твои любимые, — вспомнил бывший муж.

— Ты даже помнишь, какие я конфеты люблю? — передернула плечами бывшая жена.

— Конечно, помню. Ты мне не чужой человек, ты моя жена, — напомнил бывший муж.

— Бывшая! Бывшая жена. Ребенку покупай, что хочешь. А мне твои конфеты не нужны. Я теперь сладкого вообще не ем. И это тоже тебя не касается.

— Хочешь ты этого или нет, но мы все равно будем видеться и общаться. То, что между нами было, уже нельзя вернуть, но у нас дочь, она любит нас. Что сделано, то сделано.

— Ну, все! Когда снова захочешь поиграть в папочку, позвони хотя бы за день, — сказала бывшая жена и захлопнула дверь перед бывшим мужем.

Аркадий поплелся к новой жене, волоча за собой оставшиеся два позора, ночной и сумеречный. Ибрагим, злорадно ухмыляясь, шел немного поодаль. Он не ходил, как другие джины, рядом со своим повелителем или, как сейчас иногда говорят в кругу джинов, клиентом. Ибрагим всегда ходил на значительном расстоянии от Аркадия, как, впрочем, делал это и раньше, когда служил другим людям.

Ибрагим был черным джином. Ему нравилось творить злые дела. Как он рад был бы сейчас заточить кого-то в подземелье, лишить состояния, поссорить близких людей, оклеветать кого-то, что-то украсть для кого-то. Но теперешний его владелец, хоть и был по натуре своей человеком не слишком хорошим и не слишком порядочным, такого от него не требовал. Так только, по мелочам, мелкие пакости. То у сослуживца машину вдруг угнали, а у начальника дача сгорела. А от молодого коллеги, который имел неосторожность поругаться с Аркадием, внезапно ушла любимая жена. Вдруг полюбила другого. Но разве это работа для черного джинна?

Аркадий — тридцать третий повелитель Ибрагима. Еще девять желаний — и можно будет возвращаться в Страну Свободных Джиннов. Аркадий не был предупрежден об этом. Черные джинны не любят откровенных разговоров с людьми. Аркадий был уверен, что коричневый флакон с джином будет служить ему всегда. Просто, у него уже всего так много было, что даже не мог придумать, чего бы ему еще потребовать у джинна. Деньги, карьерный рост, удача на интимном фронте. Вот даже жену новую себе нашел! Правда, Аркадий не знал еще, что Ибрагим сыграл с ним злую шутку: подсунул ему в жены алчную карьеристку, которую заинтересовала не личность Аркадия, а его наличность.

«Скоро он пожалеет, что бросил жену с ребенком. Он приползет к бывшей жене и будет ее умолять о прощении. Но это уже без меня. К тому времени я буду уже свободен», — думал черный джинн.

Ибрагиму нравилось жить у Аркадия. Хорошая квартира с дорогим ремонтом, современная мебель, хорошая еда, дорогие напитки. Правда, Ибрагим мог бы и сам

наколдовать себе все, что угодно, но так приятно иногда почувствовать себя человеком! Без колдовства, не напрягаясь, открутить рукой колпачок, налить дорогой коньячок, не силой мысли, а силой мышечной ткани. Потом опять-таки вручную налить напиток в сосуд поменьше, опрокинуть себе в рот. Закусить оливками или даже какой-нибудь ветчиной, нарезанной ломтиками. Посидеть в кресле перед экраном, послушать и посмотреть, что творится в мире людей. Иногда в новостях угадывались проделки черных джиннов или какие-то хорошие поступки белых. Например, где-то случилась авария. Понятно, что без черного джинна тут не обошлось. Или, наоборот, какое-то чудесное спасение человека. Значит, помог белый джинн. Это люди думают, что желания загадывают они всегда сами. Могущественный джинн может при желании внушить человеку, что угодно. Он и глазом не успеет моргнуть, а у него уже появилось какое-то желание, необходимое джинну! Конечно, этой способностью джинны пользуются не часто, так только, для разнообразия, когда уже совсем скучно станет.

У Аркадия было пять комнат. Одну из них занимал Ибрагим. То есть, это не была официально комната джинна, это был всего лишь кабинет Аркадия, в который не заходил никто, кроме него. Даже домработница убирала здесь только в присутствии хозяина. А коричневый флакон Ибрагима хранился в сейфе, находившимся именно здесь, в кабинете. Аркадий закрыл флакон в сейфе. Ключ от сейфа он держал в ящике стола, ключ от ящика стола хранил в маленькой малахитовой шкатулке, а ключ от шкатулки носил у себя на груди. Так Аркадий хотел уберечь флакон от посторонних взглядов. Обращался к джинну только здесь, в кабинете, за закрытой на ключ дверью.

«Как удивится Аркадий, — думал Ибрагим, — когда однажды откроет свой сейф и обнаружит, что коричневый флакон с джинном исчез! Начнется самое интересное. Он будет обвинять в воровстве новую жену, порвет с ней отношения, бросится мириться с прежней. Как жаль, что я этого уже не увижу!»

Сегодня Ибрагим встретил в горсаду Халимар. До чего опустилась! Джинн, а работает реализатором у какого-то неудачливого художника! Красивая, как свет солнца! Прекрасная, как лунный свет! Загадочная, как свет далекой звезды! Ибрагим всегда любил Халимар. Сколько помнил себя. Они родились в один день, их матери дружили, они гуляли вместе, когда были маленькими. Их родители шутили, что когда Ибрагим и Халимар подрастут, побывают в мире людей, вернутся домой — можно будет их поженить. Родители шутили, а Ибрагиму их слова врезались в память. Он с нетерпением ждал возвращения в Страну Свободных Джиннов, чтобы жениться на Халимар. Вот только чувствовал Ибрагим, что Халимар он совсем не нравится. Но это ничего! Сегодня не любит, а завтра полюбит. Главное, что ее сердце свободно!

«Как она прекрасна!» — снова вспомнил Ибрагим медовые волосы Халимар, ее длинные пальцы, крепкую талию, плоский живот, выступающий лишь немного вперед своей округлостью. Глаза, повторяющие цвет неба в Стране Свободных Джиннов. У людей совсем другое небо. Оно голубое, иногда серое, в час восхода и заката облака могут окрашиваться в любой цвет, от бледно-розового до багрово-фиолетового. Но такого цвета небо, как в Стране Свободных Джиннов, не удавалось видеть никому из смертных. Там оно бирюзовое! Потому бирюза — любимый камень всех без исключения джиннов. Бирюза напоминает им о родной стране.

«О! Халимар! Твои глаза, как небо родины моей!» Эту строчку Ибрагим придумал уже давно. Но дальше первой строчки дело не шло. Всемогущий джинн становился бессильным,

когда дело касалось поэзии. Это у белых джиннов рифмы рождаются, как морские волны — легко.

Ибрагим наполнил свой бокал. Удобно устроился в кресле, ноги в золотых туфлях положил на стол. Смаковал напиток. Так намного приятнее, чем опустошать сосуд мгновенно.

Картины с котами, приобретенные Аркадием у Халимар, стояли здесь же, в кабинете. Для них еще не нашлось места в квартире. Аркадий еще не решил, где лучше их разместить, чтобы они вписались в интерьер.

«Какому странному художнику служит Халимар. Это же надо додуматься: искать романтику в кошачьем мире! Какая романтика, когда этими мерзкими тварями руководят только природные инстинкты! Как противно орут коты по ночам! Как бессовестно преследует шайка матерых котов одну кошку! А на картине этого художника — кошачья пара. Отношения животных облагорожены, как в мире джиннов или людей. Он и она. Перед ними весь мир. Космос. Вселенная. Вечность. Любовь — это целый мир, это вселенная чувств. И у каждой пары — свой мир, своя вселенная, свой космос».

Ибрагим подошел ближе к картине. Коты сидели, обнявшись, спиной к нему. Глаз их не было видно. Они смотрели на апельсиновую луну и болтали задними лапками, свесив их с крыши. А передними обнимали друг друга за спины. Как джинны. Или люди. Внезапно одна маленькая деталь бросилась Ибрагиму в глаза: краешек обуви у кошки. Глаза джинна округлились: на кошке были золотые туфельки с длинными носками, загнутыми вверх!

У Ибрагима похолодело все внутри. Он сделал глоток из своего бокала, еще раз пристально всмотрелся в изображение котов. Резко выплеснул содержимое бокала на луну. Жидкость стала медленно стекать. Унося за собой краску. Скоро вместо котов на листе осталась только надпись: «Я люблю мою джинн. Моя прекрасная джинн».

«Ах, вот оно что! Этот бездарный художник влюблен в мою Халимар! Да как он посмел, ничтожный смертный! Как ему даже в голову пришла эта мысль — сравниться с бессмертным джинном! Жалкая букашка! А Халимар? Как она позволяет ему это? Она не может этого не знать! Джинны читают все самые тайные мысли людей! Ну, подожди! Моя прекрасная джинн! Я увезу тебя в Страну Свободных Джиннов, как только освобожусь сам. И тебе не отвертеться: ты станешь моей!»

Теперь Ибрагим знал, что ему делать. Просто войти в комнату художника и забрать оттуда зеленый флакон Халимар. Определить, где квартира художника, для Ибрагима не составляло проблемы. Уже вечером следующего дня Ибрагим стоял у дома Хома. Его взгляд был устремлен на окна комнаты, где находились сейчас Хома и Халимар. Он видел их тени в окне.

«Хорошо, пусть еще побудут вместе. Но завтра, как только они уйдут из дома, я буду готов!»

Утром Хома отправился на работу, Халимар, как обычно, его сопровождала. Ибрагим проник в комнату сквозь закрытую дверь и стал осматривать все ящики комода. Но, к своему глубочайшему огорчению, нигде не смог обнаружить зеленый флакон. Ибрагим искал везде, где только можно было. Его подхлестывали и придавали ему еще больше решимости слова, которые он прочел на картине художника. «Я люблю мою джинн. Моя прекрасная джинн». Именно об этом думал художник, когда писал картину. Поэтому черный джинн и увидел надпись, когда стекла краска. Ибрагим теперь был убежден, что художник влюблен в Халимар. Здесь ошибки быть не могло: картины не лгут.

Но Ибрагим не знал, что Хома теперь всегда носил зеленый флакон с собой. Нет, он ни о чем не догадывался, не знал, что Халимар хотят похитить. Просто после того поцелуя в ванне он стал бережно относиться ко всему, что связано с Халимар. Он взял зеленый флакон и положил его себе в нагрудный карман. А когда ложился спать, клал его себе под подушку да еще крепко сжимал его рукой при этом.

Когда черный джин проник в квартиру Хома ночью, он напустил на парня сонного дыма, а сам обыскал всю одежду Хома. В конце концов, он обнаружил бутылочку в крепко сжатых пальцах парня.

Ибрагим зло ухмыльнулся: «Какая наглость! Он обращается с ней, как со своей собственностью!»

Ибрагим имел в виду, конечно же, не бутылочку, а Халимар.

Халимар почувствовала, что ее куда-то несут.

«Хома куда-то собрался среди ночи. Что это ему в голову взбрело?» Но, открыв глаза, сразу поняла, что это не Хома. К тому же, она успела прочесть мысль Ибрагима: «Теперь ты навсегда останешься со мной!»

Поступок Ибрагима считается недопустимым в среде белых джиннов, но для черных джиннов это нормально, они часто похищают невест.

Халимар еще не знала, как ей поступить и что предпринять для своего спасения. Выйти из бутылки она уже не могла, так как черный джинн уже надел на нее свое кольцо. Халимар сняла одну свою золотую туфельку и выбросила ее из флакона. Туфелька сейчас была крошечной, поэтому черный джинн не услышал звук падающей крошечной золотой вещицы, когда она ударилась о ступеньку.

«Хома найдет мою туфельку! Обязательно найдет!» — решила Халимар.

Догадается ли Хома, что нужно сделать с золотой туфелькой, Халимар еще не знала.

Утром Хома проснулся сам. Ему не жужжал никто в ухо, не щекотал волосами, не поливал водой, не закручивал жгутами его волосы. Он просто проснулся сам, как делал это прежде, еще до появления в его жизни этой несносной девушки-джинна.

— Халимар! Ты где? — крикнул Хома и поплелся на кухню.

Халимар там не было. Хома вернулся к дивану, заглянул под подушку. Бутылочки тоже не было!

Хоме стало грустно и неудобно. «Обиделась, наверное! Взяла свою бутылочку и пошла бродить по городу. Вот глупенькая, сказала бы, чего обиделась. Я бы исправился. Или извинился».

К капризам девушки и к ее неожиданным обидам Хома уже привык, это его даже слегка забавляло. Позавтракав в одиночестве, Хома пошел на троллейбусную остановку. Халимар не выходила из головы. Хома сел в автобус троллей (так говорила на троллейбус Халимар), купил билет и стал у окна, как всегда. Все ждал, что его сейчас стукнут по голове или даже по уху и скажут: «Привет!»

Где же Халимар? Весь рабочий день Хома знал, что она появится. И напрасно ждал, ее не было.

«Наверное, она уже давно дома и ждет меня», — подумал Хома. После работы ему так хотелось скорее попасть домой, что он вызвал такси. Вбежал по лестнице на третий этаж, открыл дверь, ворвался в комнату — никого!

Озадаченный Хома спустился вниз и хотел пойти к хозяйке, чтобы узнать, не видела ли она Халимар. Но во дворе его внимание привлек разговор мальчишек.

— Золотая! — говорил один.

— Да никакая она не золотая, — утверждал другой. — У моей мамы есть золотые кольца, так они совсем другого цвета.

— Да, это не золотая туфелька: на ней пробы нет, — уверенно сказал третий.

— Туфелька?! — воскликнул Хома. — Кто тут нашел туфельку?

Мальчишки замолчали. Хома подошел к ним ближе.

— Выкладывайте, где вы нашли туфельку? Я отдам вам за нее все свои деньги!

— А много у тебя денег? — поинтересовался один мальчик.

— Больше, чем у тебя! — уверенно сказал Хома.

— Конечно! У меня их вообще нет.

— Покажи туфлю! — потребовал Хома.

— Покажи деньги! — потребовал мальчишка.

Хома слетал к себе в комнату, схватил все деньги, которые у него были, и вернулся к мальчишкам.

Теперь ему отдали туфлю. Да, это была крошечная золотая туфелька Халимар.

— Где вы взяли ее? — спросил мальчишек Хома.

— Я нашел ее вон под той лестницей, — сказал один, указывая на лестницу, ведущую к комнате Хома.

Выкупив туфельку, Хома вернулся к себе. Мысли о Халимар не давали покоя.

«Что с Халимар? Почему ее туфелька оказалась под лестницей? Куда она так спешила, что даже туфелька с нее слетела?»

И тут Хома догадался: туфелька не слетела. Халимар сама сбросила ее для него.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: В ПЛЕНУ У ИБРАГИМА

Ибрагим вернулся в свой кабинет. Теперь у него был желанный флакон. Аркадий и его новая жена крепко спали, они даже не догадывались о том, что творится у них в квартире. Джиннам совсем не обязательно громко кричать и размахивать руками при разговоре. Ведь они умеют читать мысли друг друга. Поэтому даже самый крупный семейный скандал может происходить в полной тишине.

Первая мысль Ибрагима, которую тут же легко прочла Халимар, была:

— Выходи!

— Не выйду! Ах, ты, гнусный похититель невинных девушек! Я папе расскажу! — мысленно ответила ему Халимар.

— Когда ты расскажешь папе, будет уже поздно! Ты будешь носить в себе нашего маленького джинна! Я стану твоему папе ближайшим родственником.

— Ты не посмеешь!

— Еще как посмею! Нас от рождения назначили друг другу! А ты? Посмотри, до чего ты докатилась!

Ибрагим поднес руку к тому, что еще совсем недавно было картиной Хома. Луч света от указательного пальца джинна осветил надпись: «Моя прекрасная джинн. Я люблю мою джинн».

— Вот о чем думал твой художник! — сердито подумал Ибрагим.

— Он любит меня! Он любит меня! — не пыталась скрыть свою радость Халимар. — Хома любит меня!

Все же есть некоторые преимущества у людей: способность скрывать свои мысли. Если бы Халимар могла скрыть свои мысли, она бы не разозлила так Ибрагима.

— Ты этому рада?! Позор! Позор для всей вашей семьи! Ты готова к тому, чтобы вступить в связь с человеком, да еще и со своим клиентом!

— Позор для семьи джиннов — это то, что делаешь ты! У белых джиннов девушек не выдают силой замуж!

— А у черных выдают! Почти всех моих сестер сначала похитили их женихи! И что? Сестры несчастны? Отнюдь! Родили маленьких джиннов и обожают своих мужей!

— Твои сестры — такие же черные джинны, как и ты. У них извращенное понятие о любви. Для меня любовь — это свободный выбор души. А моя душа не переносит тебя, Ибрагим, — честно призналась мысль Халимар.

— Значит, твоя душа выбрала этого бездарного художника? — возмутилась мысль Ибрагима.

— Какой он художник, меня не волнует! Для меня важно, какой он человек!

— И какой же он человек? — мысленно спросил черный джинн, криво улыбаясь.

— Хороший он человек! Белый. Люди тоже бывают белыми и черными, — уверенно подумала Халимар.

— Ха-ха-ха! — саркастически подумал Ибрагим. — Только у людей это означает исключительно цвет кожи!

— Ты же знаешь, что я имею в виду другое!

— Знаю, знаю! Он такой же чувствительный и мягкотелый, как все белые джинны. Может, он и стихи слагает в твою честь? — мысленно спросил Ибрагим.

— Не твое дело! — подумала Халимар.

— Я уничтожу этого мальчишку! Пока ты будешь сидеть в бутылке, ты не сможешь ему помочь!

— Ты не посмеешь! — ужас охватил Халимар.

Она знала, что от черного джинна можно ждать чего угодно.

Но пока на флаконе кольцо черного джинна, она не сможет отсюда выйти. Только Ибрагим может позволить ей выйти. Только Ибрагим решает, что ей делать, а чего не делать.

Халимар старалась не думать сейчас о Хоме. Она знала, что, подумав о Хоме, она сразу же вспомнит и о туфельке. Нашел ли он ее?

«О! Зачем я об этом вспомнила?!»

— Ты оставила ему свою туфельку? Уверен, он даже не догадается, для чего она ему. А может, он ее и не нашел! Тогда это сделаю я!

Ибрагим постепенно растворился. Сначала исчезли его ноги, затем туловище, голова. В самую последнюю очередь исчезли его руки, сначала левая, а затем правая. И уже в самом конце исчезновения указательный палец правой руки погрозил Халимар.

Халимар сидела в бутылке и думала о Хоме. Теперь, без черного джинна, она могла думать, что угодно. На расстоянии читать мысли друг друга не могут даже джинны. Хотя, говорят, что иногда это получается у людей, когда они очень любят друг друга. Может, это действительно так? Но то, что черный джинн Ибрагим в эту минуту не мог читать ее мысли, Халимар была твердо убеждена.

«Ах, мой милый Хома! Я не знаю, как помочь тебе, чтобы ты смог помочь мне! Я не знаю даже, смог ли ты найти мою туфельку! Ах, почему я не сказала тебе раньше, что любая вещь, подаренная джинном, может выполнить для человека одно его желание! Даже если ты

найдешь туфельку, то не будешь знать, для чего она».

В комнате внезапно появился Ибрагим.

— Туфельки твоей нет там, где ты ее выбросила! Но это еще не означает, что нашел ее твой Хома.

— А может, все-таки Хома? — с надеждой подумала Халимар, и ее услышал Ибрагим.

— Надейся! А если твой художник и отыщет туфельку, он не будет знать, что с ней делать! Или будет?

— К сожалению, я не успела рассказать ему об этом, — грустно подумала Халимар.

А черный джин снова прочел ее мысли.

— И прекрати читать мои мысли! Ты ведь знаешь, что я это думаю не для тебя! Оставь меня в покое! — потребовала девушка.

— Ничего не выйдет, — подумал Ибрагим, и его услышала Халимар. — Тебе придется жить в этой комнате вместе со мной. А потом мы вместе полетим в Страну Свободных Джиннов!

— А дальше? Как ты собираешься поступить со мной? Неужели попытаешься взять меня силой? — спросила девушка.

— Силой? Я еще не решил. Есть много разных способов, как заставить полюбить.

— Глупее я ничего не слышала. Заставить полюбить! Такое могло прийти в голову только самовлюбленному черному джину!

— А ты выйди из бутылки, — вдруг подумал джинн, — и я докажу тебе, что умею быть ласковым и нежным.

— Не дожدهшься, — подумала Халимар. — Лучше я проведу вечность в своей бутылке, чем в твоих объятиях.

— Размечталась! Я и не планирую вечно тебя обнимать. У меня есть другие интересы. Ты будешь воспитывать моих детей, а я — заниматься своими делами!

— Охота на акул — вот достойное занятие для тебя! — выплеснула все негодование в эту фразу Халимар.

— А хоть бы и на акул! Я не вижу ничего постыдного в этом развлечении. И твой отец, между прочим, тоже обожает охоту на акул.

— Ни слова о моем отце! Тебе до него далеко. Он мою маму не похищал, а женился на ней по обоюдному согласию! А ты и сейчас не очень пылаешь ко мне страстью.

— Кто сильно пылает, тот остывает очень быстро. А я не остыну быстро, потому что не пылаю. У нас будут ровные теплые супружеские отношения, — пообещал Ибрагим.

— А я хочу гореть, сгорать и умирать! И снова воскресать, чтобы опять сгорать! Но это вряд ли сможешь ты понять!

— Зачем гореть? Мне достаточно тепла, чтобы греться, — объяснил Ибрагим.

— Тогда тебе лучше снять золотые туфли и жить в мире людей. Ты рассуждаешь, как старик. В тебе нет огня. Какой же ты джинн?

— Думаешь, твой Хома долго будет пылать страстью к тебе? — подумал Ибрагим. — Человеческая жизнь коротка, а еще короче человеческая жизнь

— Да, — подумала с иронией Халимар, — и поэтому смертные умирают, а истории их любви становятся бессмертными. Именно потому, что их любовь, как утверждаешь ты, короче их жизни. Глупый джинн! Поверь, что любовь длиннее жизни! Все. Оставь меня в покое. Сегодня аудиенция закончена.

Халимар уткнулась лицом в согнутые колени и обняла свои голени руками. Она не

могла даже смотреть на этого отвратительного черного джинна, красивого внешне, но такого пустого и бездушного внутри. А папе он так нравился! Папа, наверное, не знал, что Ибрагим такой жестокий! Похитил, держит в бутылке, взаперти! Ах, если бы кто-то снял кольцо черного джинна с ее бутылочки! Тогда бы она смогла обрести свою силу и способность перемещаться в пространстве! И уже мчалась бы к Хоме!

Хома действительно не знал, что ему делать. Что ему делать вообще? Что ему делать с туфелькой Халимар? Он поехал на работу.

«Наверное, Халимар вернулась в свою Страну Свободных Джиннов, — подумал он. — Я ведь сам предложил ей свободу за один поцелуй. А туфельку она потеряла. Нет, туфельку она мне подарила. Оставила на память. Но почему не оставила в комнате, а бросила на лестнице? Очевидно, это ее очередная шутка, решила изобразить Золушку. Она же девушка с юмором!»

Хома думал о Халимар весь рабочий день. Очень серьезно и сосредоточенно смотрел на входящих и выходящих людей, но думал только о Халимар.

«Она покинула меня. Рано или поздно нам все равно пришлось бы расстаться. Вот она и улетела, пока я еще не очень к ней привязался. Но я уже так привязался!»

К концу дня Хома уже был уверен, что Халимар покинула его навсегда и улетела в Страну Свободных Джиннов. Уверенность в этом еще больше укрепилась, когда незадолго до закрытия к нему обратилась очень милая девушка.

— Мне нужно срочно позвонить. Вы не одолжите мне свой телефон? — попросила она. Хома молча протянул ей свой телефон.

— Спасибо! Вы очень меня выручили! Если вам понадобится моя помощь, позвоните вот по этому номеру. Я в железнодорожной кассе работаю, — и девушка записала свой номер телефона на клочке бумаги и протянула Хоме.

«Кажется, Халимар выполнила свое обещание: мной начинают интересоваться красивые девушки».

Теперь Хома был уверен, что Халимар умчалась в свой мир. К нему по ступенькам поднималась Инна. Та самая девушка, которая бросила его. Очевидно, после того случая в ресторане, когда ее обжорство довело ее до «скорой», ее богатенький мужичок прекратил с ней отношения. Инна приблизилась к Хоме и сказала:

— Привет, Хома! Может, сходим куда-нибудь?

Именно этой фразой начинались когда-то их свидания. Воспоминания нахлынули на Хому, ком подступил к горлу. Все-таки с этой девушкой он провел замечательные шесть месяцев! Скажи он сейчас одно только слово, и все можно вернуть.

Он подумал и так и сделал.

— Давай, — сказал Инне.

А что? Ведь Халимар сама этого захотела, если Инна подошла к нему сразу же после ее исчезновения. Раньше не подходила! Воспоминания о Халимар мгновенно изменили его решение.

— Только знаешь, — сказал он бывшей подруге, — у меня все такое мелкое, комната маленькая. А у тебя непомерный аппетит. Наверное, никуда мы с тобой сегодня не пойдем.

Девушка стала такого цвета, как запрещающий сигнал светофора.

— Смотри! Если передумаешь — звони, — сказала Инна и ушла, покачивая бедрами, в короткой юбочке, в синих туфельках на шпильке.

И об этом вспомнила! Ему очень нравилось, когда она одевалась так.

«Все так и есть, это проделки Халимар! Я отказал так грубо Инне, а она даже не обиделась! Даже попросила ей позвонить. Эх, Халимар! Зачем ты сбежала от меня? Нам было так хорошо вдвоем!»

С Инной он решил однозначно: к прошлому возврата не будет. А если девчонки и правда поплывут к нему косяком, как обещала Халимар, выберет девушку с медовыми волосами и бирюзовыми глазами. Только глаз таких у людей не бывает. А джинны встречаются не часто, может быть, только раз в жизни.

«Тогда я стану встречаться с тридцать третьей девушкой, которая сама первая обратит на меня внимание, — решил Хома.

В троллейбусе случайно оказалось одно свободное место. Хома сел. Впервые за все то время, что живет на новой квартире, он ехал в троллейбусе сидя. Может, это тоже сделала Халимар? Через две остановки в троллейбус вошла девушка с кипой книг в руках.

«Почему она носит книги без сумки?» — подумал Хома. В этот момент троллейбус резко остановился, книги выпали из рук девушки и больно ударили Хому по голове.

— Ах, простите! Простите! Чем я могу загладить свою вину? Вам не нужна бесплатная консультация психиатра?

«Халимар! Это уже слишком! Мне не нужна консультация психиатра», — подумал Хома. Он знал, что Халимар умеет читать мысли. Он не знал, что на расстоянии даже джинны не умеют это.

— Нет, спасибо! Мне не нужна помощь психиатра, разберусь со своими проблемами сам, — ответил девушке. — А вы себе сумку купите, так вы никого не пришибете своей психиатрией.

Это был еще один шанс познакомиться с девушкой, но Хома не воспользовался им. Когда приехал домой, понял, почему. Просто, он не мог не думать о Халимар.

Хома лег на диван. Достал туфельку и стал вертеть ее в руках и рассматривать. Почему, почему Халимар улетела так внезапно? Умчалась бы в свою Страну Свободных Джиннов позже! Ведь у нее целая вечность впереди!

«Зачем она оставила мне туфельку?»

На туфельке не было никаких узоров, никаких надписей. Просто маленькая золотая туфелька с длинным носком, загибающимся вверх.

«Ах, если бы туфелька вновь стала лодкой! Тогда бы я смог отправиться в Страну Свободных Джиннов к родителям Халимар! Вероятно, она живет с ними в их смешном домике, похожем на зеленую бутылку!»

Как только Хома подумал об этом, туфелька в его руках стала расти.

«Вот и разгадка! — подумал Хома. — Халимар оставила мне туфельку, чтобы я смог навестить ее в Стране Свободных Джиннов!»

Хома сел в золотую лодку.

— Туфелька! Вверх! — скомандовал он. — В Страну Свободных Джиннов! К родителям Халимар!

Сработало! Лодка выпорхнула в открытую форточку, повисела немного над городом и устремилась к облакам.

Хома ликовал! Он разгадал секрет Халимар!

«Я скажу тебе все, что о тебе думаю! Как ты могла улететь, не попрощавшись? Гадкая, гадкая, — думал Хома, а сам улыбался от счастья.

Он просто светился радостью, когда причалил, привязал лодку и ступил на твердь. К

нему бежали папа и мама джинны. Халимар с ними не было.

«Готовит мне сюрприз! Сейчас выпрыгнет откуда-то из-за угла с громким воплем. Или выльет мне за шиворот стаканчик охлажденной воды! Ничем ты меня уже не удивишь, Халимар. Я тебя хорошо знаю!»

— Почему ты прилетел один? — встревожено спросил отец, даже не поздоровавшись.

— А с кем я должен был прилететь? — удивился Хома.

— А где Халимар? — спросил папа-джинн.

— Разве она не у вас? Вы шутите, наверное! Шутники! И девчонка ваша вечное разыгрывает меня! Ха-ха-ха! Мне уже смешно! А теперь ведите меня скорее к ней, — потребовал Хома. — Где она?

Родители Халимар молча смотрели на Хому. Они читали его мысли. Но там, кроме «Как я люблю мою джинн! Моя прекрасная джинн!», было только «Маленькая ведьмочка! Сейчас ты получишь за то, что улетела, не попрощавшись!»

«Он действительно не знает, где наша девочка», — молча сказала мама папе.

«Да. Он думает, что она вернулась к нам», — подумал в ответ папа-джинн.

— Вот что, Хома. Халимар действительно нет у нас. Ты должен поверить, — сказала мама.

— Тогда где же она?! — воскликнул Хома.

— Мы не знаем. Она оставила тебе свою туфлю. Это от отчаяния! Джинны редко снимают обувь. Это был знак для тебя. Если бы ты обнаружил маленькое колечко, то, скорее всего, даже не понял, что оно принадлежит Халимар. Вот она и сбросила туфельку для тебя!

— Любая вещь, оставленная или подаренная джинном, может исполнить одно желание человека, — объяснил папа-джинн. — Ты знал об этом?

— Нет, но я так хотел увидеть Халимар...

— ...что туфля превратилась в лодку и принесла тебя сюда, в Страну Свободных Джиннов. Ты хотел попасть к нам, а туфля выполнила твоё желание. Если бы ты хотел увидеть Халимар, ты бы её увидел! — сказал папа-джинн.

— Но я был уверен, что она у вас! — оправдывался Хома.

— Все правильно. Но это даже хорошо, что ты прилетел к нам. Мы объясним тебе, что надо делать, — сказала мама-джинн.

— Скорее! Скажите, как её найти? Может, ей угрожает опасность? — торопил родителей Хома.

— Сам ты ничего не сможешь сделать. Но не волнуйся: единственная опасность, которая ей угрожает, это замужество! Это все, что может угрожать бессмертному джинну, — объяснила мама.

— Её похитил чёрный джинн. Белые джинны не похищают невест, они верят в любовь и голосовали за свободный выбор, — сказал папа.

— Победить чёрного джинна ты не сможешь, ведь ты только человек. Но белые джинны помогут тебе. Главное, их найти, — сказала мама.

— А как? Как мне их найти? Я видел, что по Одессе гуляют джинны. Я, допустим, узнаю их по золотым туфлям. Но как отличить белого от чёрного? Чем они отличаются? Есть какая-то разница между ними?

— Есть. Внешне ты никак не отличишь белого джинна от чёрного. И белые и чёрные джинны — красивые и молодые. Между ними нет никакой разницы. Но попробуй заговорить с джинном о Шотландии — и ты узнаешь, кто перед тобой! Для белых джиннов

Шотландия — это кусочек Страны Свободных Джиннов на Земле. Они восхищаются ею, стремятся туда, возят туда своих повелителей. Черные джинны ненавидят все, что связано с Шотландией. Это ключ. С ним ты найдешь белых джиннов.

— Но почему? Почему черные джинны ненавидят Шотландию? Я был там только однажды, но уже влюблен в нее!

— Влюблен? — мама-джинн улыбнулась.

— Сейчас не время посвящать тебя в дела джиннов. Тебе пора возвращаться. Халимар нуждается в твоей помощи, — напомнил папа-джинн.

— Помни: любая вещь, подаренная джинном, может исполнить только одно твое желание! Я дарю тебе вот это, — мама-джинн набросила на шею Хоме шелковый платок.

— А я тебе дарю кольцо. Используй его силу с умом, — предупредил папа-джинн и надел на палец Хомы кольцо с сапфиром.

— Желаем удачи! — сказали родители-джинны и велели лодке отвезти Хому домой на Землю.

Ведь тувелька уже выполнила одно желание Хомы — привезла его в Страну Свободных Джиннов.

— Спасибо! — успел помахать рукой джиннам Хома.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: ЛУЧШИЙ ДЖИН В ОДЕССЕ

Хома вернулся в свою комнату. Часы показали, что он отсутствовал всего пять минут. А как много всего он узнал за это время! Халимар похищена черным джинном. Ей нужна помощь Хомы. Хома не мог усидеть в комнате, нужно было срочно искать белых джиннов. Он оделся и вышел на улицу.

Троллейбус был пустым. Хома сидел у окна и смотрел на свое отражение в темном окне.

«Где искать джиннов? Сейчас ночь, джинны, наверное, спят в своих бутылках. Буду ходить по городу и смотреть на обувь прохожих. Хоть и до самого утра! Я все равно не смогу усидеть дома».

Бессмысленным было это его хождение по городу. Ни на одном из прохожих не увидел он золотой обуви. Целую ночь бродил Хома по центральным улицам Одессы, так и не встретив ни одного джинна.

Под утро почувствовал дрожь от холода. Хоть и май месяц, но холодно ночью. А он в спешке выскочил из дома в одной рубашке, без пиджака.

Увидел лестницу в подвальчик и вывеску: «Напитки на разлив: пиво, вино, шотландское виски, лучший джин в Одессе».

«Джин, — устало улыбнулся Хома. — Федот да не тот. Ну, что ж, джин так джин. Будем пить джин».

Снаружи заведение выглядело паршивенько, но внутри было совсем иначе. Большой зал, чистота, бирюзовые стены и потолок.

«Странная пивнушка», — подумал Хома.

Ему показалось, что он попал на кастинг в какое-то модельное агентство. За столиками сидели красивые девушки, а мужчины все были не старше двадцати пяти лет.

«Куда я попал?»

Вдруг взгляд его упал на ноги посетителей. Пол сиял от золотой обуви! Ни одного

посетителя в другой обуви! Только золотые туфли с длинными и высоко поднятыми носками! Хома обнаружил паб джиннов!

«Надо же: всю ночь искал, а под утро нашел сразу так много! — обрадовался Хома. — Только как теперь узнать, где белые, а где черные?»

Все джинны мгновенно повернули свои лица к Хоме и заулыбались.

— Проходи! — сказал один. — Ты ищешь белых джиннов? Ты их уже нашел. Черные здесь не бывают!

— Достаточно было упомянуть на вывеске шотландское виски! — сказал другой.

— Садись к нам! Я тебя знаю, я видел тебя с Халимар, — сказал третий. — Где она? Обычно она каждую ночь проводит с нами здесь.

— Да? А я считал, что она всю ночь спит в бутылке! — воскликнул Хома.

Джинны беззвучно рассмеялись. Хома сразу почувствовал себя спокойно и легко, как будто встретился с добрыми друзьями. Он понял, что теперь ему помогут найти Халимар, как бы хорошо ни спрятал ее черный джинн.

— Я пришел к вам за помощью! Халимар похитили! И ее родители считают, что это сделал черный джинн, — объяснил Хома. — Еще они сказали, что я не смогу ее спасти без вашей помощи.

— Да, — сказал джинн, узнавший Хому, — тебе не справиться без нашей помощи.

— Эти черные джины совсем обнаглели: они уже воруют наших девушек! Пусть бы похищали своих, если им так приятно!

— А почему черные джинны не любят Шотландию? — спросил Хома.

— Это длинная история! Когда-нибудь кто-то расскажет тебе ее! А сейчас пора действовать. Нам нужно осмотреть все квартиры, подвалы, чердаки. Если не найдем Халимар в городе, придется искать в пригороде. Встречаемся здесь. Хома, ты жди нас. От тебя все равно толку мало. Ты через стены проходить не умеешь, мысли читать не можешь. Поэтому сиди и жди! Выпей чего-нибудь за счет заведения.

Мгновенно все джинны исчезли. Как сквозь стены просочились! Остался только бармен за стойкой.

«Интересно, бармен тоже джинн? — подумал Хома. — Как бы незаметно на обувь его взглянуть?»

Бармен поднял глаза на Хому и улыбнулся.

«Значит, прочитал мои мысли, — понял Хома. — Джинн!»

Хоме было обидно, что его отстранили от поисков Халимар. Он сидел за столом, пил джин и вспоминал события вчерашнего вечера.

«Если бы ты захотел ее увидеть, ты бы ее увидел!»

«Любая вещь, подаренная джинном, может исполнить только одно желание человека!» — вспомнил Хома.

«У меня есть кольцо и платок. А я сижу и бездействую! Я найду Халимар раньше всех. С чего начать? Пожалуй, начну с платка».

Хома снял платок с шеи. Взял его в руки и стал ему шептать: «Я хочу увидеть Халимар. Я хочу немедленно увидеть Халимар. Я хочу сейчас же оказаться там...»

— Эй! — сказал бармен. — Я не советую тебе делать этого! Тебе велели сидеть и ждать!

Но было уже поздно. Хома с платком мамы-джинна стоял посреди кабинета Аркадия.

Хома сразу заметил знакомый зеленый флакон.

— Халимар! — закричал он. — Я нашел тебя! Я нашел тебя, Халимар! А теперь давай

вернемся вместе домой!

Если бы Хома сообразил сразу схватить зеленый флакон и при помощи кольца папыджинна вернуться домой! Но пока он радовался, черный джинн сорвал с него папин подарок.

— Ага! Птичка в клетке! Это и есть твой художник, Халимар? Удивительно бестолковый тип! Я сейчас наберу нужный номер, сюда налетят стражи порядка, и загремит твой художник за квартирную кражу!

— Алло, — тихо сказал Ибрагим. — У меня в квартире вору. Я запер их в кабинете на ключ. Приезжайте!

Милиция приехала очень быстро. Ибрагим спрятался в сейф, а Хому взяли с поличным. Аркадий подтвердил, что у него из кабинета хотели украсть его зеленый флакончик, который он собирался подарить доченьке, и кольцо с сапфиром, которое он приобрел для своей горячо любимой жены.

При обыске у Хома обнаружили еще миниатюрную туфельку из чистого золота.

— А это тоже ваше? — спросил у Аркадия представитель правопорядка.

— Да! Это я тоже купил для доченьки, — обрадовался Аркадий.

Хому увезли. Новая жена Аркадия подставила пальчик для кольца.

— Спасибо, любимый! Это самый восхитительный подарок из всех, какие я когда-либо получала! Мне еще никогда не дарили сапфир!

— И я не подарю, — сказал Аркадий. — Это слишком дорогая вещь. Еще потеряешь. Я буду хранить кольцо в сейфе!

— А флакончик для доченьки? — любопытствовала жена.

— А флакончик я тоже буду держать в сейфе!

— А золотую туфельку?

— И золотую туфельку!

Жена обиделась, фыркнула сердито и ушла к себе в комнату.

Аркадий сразу догадался, что это за флакончик. Ведь точно такой флакончик, только коричневого цвета, у него уже был. Он взял в руки зеленую бутылочку и хорошенько ее рассмотрел.

— Вот чудо! Там девушка! Разве бывают джинны девушки?

— Сними кольцо с бутылки, тогда увидишь! — потребовала Халимар.

Но Аркадий не успел выполнить пожелание девушки. Явился Ибрагим из сейфа и все испортил.

— Никогда, ни при каких обстоятельствах не снимай кольцо с этого флакона! Там сидит фея огня!

— Да? А я думал, что там джинн, — признался Аркадий.

— Джинн? Ха-ха-ха! Разве бывают девушки джинны? — поднял на смех своего господина черный джинн.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Аркадий. — И как мне в голову могло прийти такое? Девушка джинн! Ха-ха-ха!

— Тогда слушай внимательно, — прервал его смех Ибрагим. — Если ты снимешь с бутылочки кольцо, фея огня сожжет твой дом! Понял?

— Понял, — затрясся от страха Аркадий.

— Лопух ты, Аркадий! — закричала из флакона Халимар. — Нашел, кого слушать!

Если бы Ибрагим не успел помешать Аркадию снять кольцо с флакона, она бы уже была свободна! Забрала бы у Аркадия свою золотую туфельку, папино кольцо и помчалась бы

выручать своего Хому. Внушила бы в отделении милиции, что никакого Хома там и в помине не было. А его самого усадила бы в свою туфлю и привезла домой!

А Хома молодец! И туфельку нашел, и в Страну Свободных Джиннов слетал. Мама ему платок подарила, а папа кольцо! Правда, теперь папино кольцо с сапфиром лежало в сейфе у Аркадия. Но его не так сложно будет забрать. Главное, чтобы кто-то снял кольцо черного джинна с бутылки! На Аркадия уже надежды нет никакой. Он поверил этой глупой сказке о фее огня. Надо же, какой Ибрагим сообразительный! А люди, а люди какие доверчивые! Как же легко их можно обмануть!

«Что же делать? Я не могу сидеть в сейфе и ждать, когда Ибрагим увезет меня в Страну Свободных Джиннов! Там он заручится поддержкой родни, они вместе придумают что-то. Меня чем-то напоят, околдуют, очаруют, соблазнят и сделают из меня послушную куклу. Ибрагим покорит мое сердце, а когда чары рассеются — будет уже поздно. Я буду носить в себе маленького джинна и, возможно, обожать его отца. Какой ужас! Я и Ибрагим! Ибрагим и Халимар — совсем не звучит. Хома и Халимар — звучит! Надо что-то делать. Бедный мой Хома! Сидит где-то в заточении, с ним плохо обращаются, его считают вором. А настоящий вор сидит рядом в коричневом флаконе и посмеивается!»

Хому посадили в камеру. Втолкнули грубо в помещение с людьми, от которых плохо пахло. Он думал, что с легкостью смог бы перенести холод, голод, жажду, физическую боль, но только не этот запах!

«О, Халимар! Явись ко мне в ароматном облаке! — шептал, как заклинание, Хома. — Иначе я задохнусь здесь и умру!»

Ему стало так плохо, что у него закружилась голова.

«Я теряю сознание», — подумал Хома.

К счастью, его вызвали на допрос. В помещении, куда его привели, тоже пахло не орхидеями. Но лучше сигаретный дым и запах пота, чем тот, что был в камере.

— Здравствуйте! Присаживайтесь, — вежливо предложил следователь.

Хома сел на стул.

— Расскажите, как вы оказались в чужой квартире, — предложил следователь.

— Я искал свою девушку. У меня ее похитили. Прямо посреди ночи из моей комнаты, — честно признался Хома.

— А почему вы не обратились в милицию? — спросил следователь.

— В милицию? — переспросил Хома. — Я даже не подумал об этом. А вы разве знаете, где искать черного джинна?

— Какого джинна?

— Ну, того, что мою девушку похитил, — объяснил Хома.

— Вашу девушку похитил джинн? Почему вы так решили? — спросил следователь.

— А кто же еще? Она и сама джинн!

Следователь вышел. Вместо него через некоторое время пришел другой. Этот обошелся без приветствия.

— Фамилия?! — спросил, не представившись.

— Имя! Отчество!

— Сергей Станиславович.

— Год рождения!

— Тысяча девятьсот восьмидесятый.

— Семейное положение!

— Холост. Пока. Но собираюсь жениться. Лет через пятьдесят. Чтобы было кому на мою могилку цветы носить. А пока мне жена ни к чему. С ней хлопотно. Корми ее, одевай, мусор выноси. И выслушивай упреки. То ей не такое, и это не так! А ты сама такое? Что же ты, такая умная, а осела на кассе в супермаркете? Теперь тебе всего мало! — вспомнил о бывшей девушке Хома.

— Под дурака косишь? — зло спросил следователь.

«Сейчас он меня ударит. Я столько раз видел это в кино. Он ударит меня кулаком в подбородок, и у меня изо рта потечет струйка крови», — подумал Хома.

Но он ошибся, удара не последовало. Как в кино не получилось.

— Закурить хочешь? — устало спросил следователь и протянул бело-красную пачку.

— Спасибо. Я верю Минздраву.

— Ну, верь. А я покурю, — следователь затянулся и выпустил дым из носа и изо рта.

«Интересно, — подумал Хома, — а умеет кто-то выпускать дым из ушей?»

Подумал и сразу вспомнил Халимар. Уже бы что-то ответила. Прочитала его мысли и ответила вслух. Или сделала бы так, что у этого следователя пошел дым из ушей. Представив это, Хома рассмеялся.

Следователь странно посмотрел на него.

«Сейчас точно ударит», — спокойно подумал Хома.

— Прикольный парень ты. Как там тебя? — спросил следователь.

— Хома.

— Хома? Это кличка?

— Нет, имя. Хоменко я.

— Назовешь соучастников — отпущу сейчас же домой, — пообещал следователь.

— Нет у меня никого. Ни отца, ни матери, ни соучастников. Девушка была, и та бросила.

— Та, которую похитили? — спросил следователь.

— Нет. Похитили другую, а та сама ушла, — объяснил Хома.

— Давно? — спросил следователь.

— Что? — не понял Хома.

— Ну, ушла давно? — уточнил следователь.

— А! Нет. Недавно ушла. А как только ушла, в тот же день другая появилась. Или на следующий. Я уже точно не помню.

— Бабник ты, Хома!

— Почему?

— Одна только ушла, другая сразу же появилась. А как же любовь?

— Любовь, — хмыкнул Хома.

— Как ты оказался в квартире Попова Аркадия Александровича?

— Я захотел увидеть Халимар.

— Что это?

— Не что, а кто. Это девушка, которую у меня похитили. Ее зовут Халимар.

— Таджичка? — спросил следователь.

— Нет, просто джинн. А вы разве не знаете, что джинны бывают и мужчинами, и женщинами? Мне досталась девушка джинн.

Следователь вышел. Через некоторое время в помещение вошла девушка.

Откуда мне знакомо это лицо?» — подумал Хома.

— Добрый день! Меня зовут Инна Леонидовна, — представилась девушка.

— Хома, — привычно ответил Хома.

«Снова красивая девушка, и снова зовут Инной. Это плохой знак. Мне с Иннами не везет», — подумал Хома.

— Расскажите мне о вашей девушке, — предложила Инна Леонидовна.

— Она такая же красивая, как вы. И зовут ее точно так же. Она знает, как меня завести! Надевает прозрачные колготки, темно-синие туфли на шпильке. Я просто глаз не могу оторвать тогда от ее ног! И все у нас было нормально, но ей вдруг захотелось чего-то большего. Только она не уточнила, чего именно. Ушла к толстенькому коротышке, а меня обвинила в том, что у меня... Нет, я не могу такое повторить при женщине! А вы умеете читать мысли? — неожиданно спросил Хома.

— Нет, не умею. Но я умею слушать! Вы можете рассказывать мне обо всем, не стесняясь. И все, что вы расскажите мне, останется между нами, — пообещала девушка.

— И можно рассказать вам о Стране Свободных Джиннов? — спросил Хома.

— О чем? — не поняла девушка.

— О стране, в которой живут джинны. После того, как они проведут несколько веков среди людей, джинны возвращаются в свою страну. Несколько веков для джиннов ничего не значат, ведь они живут вечно и остаются всегда молодыми. У них нет понятия «время», и они не стареют.

Представьте себе полый шар, а внутри него — еще один шар. Так вот, внутренний шар — это планета, на которой живем мы с вами, а верхний — это и есть страна джиннов. Джинны могут абсолютно все! Они так заколдовали свой мир, что никакие астрономы, телескопы и прочие приборы не могут обнаружить его. Но страна джиннов точно есть! Я сам был там уже дважды, — признался Хома.

— Во сне? — спросила девушка.

— Во сне? Нет, это было не во сне. Я летал туда в золотой лодке. Вчера вечером был там во второй раз.

— С кем-то или один? — спросила девушка.

— Вас тоже интересуют соучастники? Нет, я летал туда один. А я узнал вас! — вдруг вспомнил Хома. — Вы уронили мне на голову книги, а потом предложили консультацию психиатра!

— Напрасно вы отказались, — заметила девушка.

Выходя из кабинета, психиатр шепнула следователю:

— Шизофрения. Очень запущенный случай.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: КРЕМ С ГАРАНТИЕЙ СТО ЛЕТ

Белые джинны искали Халимар по всему городу. Сначала они обследовали центр. Побывали во всех квартирах, подвалах, на чердаках. После того, как были проверены все без исключения жилые дома, джинны перебрались на офисы, магазины, банки, гостиницы, библиотеки. Халимар нигде не было. Оставив нескольких джиннов в центре города, остальные отправились в более удаленные районы. И там тот же результат.

Белые джинны собрались в пабе. Все пожимали плечами в недоумении. Где же может быть Халимар?

— А почему мы ищем ее в Одессе? Может, она уже давно в Стране Свободных Джиннов!

А тут еще бармен ошарашил всех новостью: Хома воспользовался подарком джинна и исчез куда-то.

— Я предупреждал его, чтобы он этого не делал. Но люди так упрямы! — сказал бармен.

— Сам помчался к черному джинну в руки! Наверное, он захотел увидеть Халимар, — предположил один джинн. — Теперь придется выручать и Халимар, и Хому.

— Найти пропавшего человека так же сложно, как и джинна, — сказал другой джинн.

— Надо отправить кого-то в Страну Свободных Джиннов. Мы не можем так это оставить. В противном случае, черные начнут регулярно похищать наших девушек, и это всегда будет сходиться им с рук! — возмущенно говорил третий джинн.

Джинны разговаривали мысленно. В пабе стояла полная тишина. Даже если бы сейчас сюда забрался какой-нибудь человек, чтобы опрокинуть стаканчик-другой, он ни о чем бы не догадался. Страсти бушевали внутри, а на поверхности была тишь да гладь.

Внезапно несколько джиннов исчезли. Это были те, что решили отправиться в заоблачную страну.

Почему же джинны не сумели отыскать Халимар? Потому что ее действительно не было в Одессе! Все очень просто. Квартира Аркадия находилась не в Одессе, а в тридцати километрах от нее, в небольшом городке на побережье.

Аркадий сразу сообразил, что судьба подарила ему еще одного джинна. Он просто не знал, что ему делать с таким счастьем! Ибрагим уже очень много для него сделал. Но некоторые вещи просить у своего джинна он почему-то стеснялся, боялся насмешек Ибрагима. Например, как попросить убрать живот, нарастить волосы, расширить плечи и слегка увеличить рост? Ибрагим же его просто засмеет! Как только Аркадий хотел попросить все это у другого джинна, появился Ибрагим. Сказал, что в бутылке не джинн, а фея огня. Сначала Аркадий поверил Ибрагиму. А потом решил проверить, кто же там, в бутылочке, на самом деле. Он взял бутылочку с собой, сел в машину и собрался ехать к морю. Проверить, кто там: джинн или фея?

Если окажется, что там фея, пусть себе поджигает море! А если джинн, то пусть сделает его красавцем немедленно!

Аркадий никому не сказал о своих планах. Но Ибрагим, как и положено джинну, просел

его мысли. Пока Аркадий завел машину, Ибрагим уже сидел на заднем сиденье.

— А! — испугался Аркадий. — А что ты здесь делаешь? Я не звал тебя с собой!

— Знаю, я сам пришел, — согласился Ибрагим. — Давай договоримся: Я сам наращу тебе шевелюру и увеличу все, что ты скажешь. Но флакон спрячь обратно в сейф! Как будто она будет море поджигать! Она тебя испепелит, как только ты снимешь кольцо с бутылки. Не делай глупостей. Отнеси флакон в сейф.

Аркадий испугался, вернулся в квартиру, закрыл флакончик с Халимар в сейфе. Ключ от сейфа положил в ящик стола. Ящик стола тоже закрыл на ключ. Ключ от ящика стола положил в малахитовую шкатулку. А маленький ключик от шкатулки повесил себе на шею. И надо же было так случиться, что именно сегодня цепочка расстегнулась, и ключик бесшумно опустился на коврик в прихожей.

Аркадий сел в машину. Ибрагим по-прежнему сидел на заднем сиденье.

— Хочешь развлечься? — предложил Ибрагим. — Поехали в бар! Посидим, как люди, в грохоте и дыме!

— А как же мои волосы? И мой рост? — напомнил Аркадий.

— А, это никуда от нас не денется! Успеем! Сегодня же ты вернешься домой красавчиком! — пообещал черный джинн.

Машина тронулась с места и умчалась.

Жена Аркадия тоже собралась выйти по своим делам. Вдруг она увидела на полу в прихожей маленький ключик. Сначала она хотела его просто поднять, чтобы потом отдать мужу. Но любопытство взяло верх. Она быстро схватила ключ и направилась в кабинет. Осмотрев все, что закрывалось на ключ, она пришла к выводу. Что этим ключом открыть можно только шкатулку. Что она быстренько и сделала. Каково же было ее изумление, когда внутри шкатулки она не обнаружила ничего, кроме ключа побольше. Довольно быстро определила, что вторым ключом она сможет открыть ящик письменного стола. А там ее ждал третий ключ. Какая удача! Это был ключ от сейфа!

Любопытная жена открыла сейф. Она ожидала увидеть там много денег и драгоценностей. Но ошиблась. Деньги там были, а из драгоценностей — только кольцо с сапфиром, которое муж купил для нее.

«Заберу свое кольцо, не то он передумает мне его дарить», — подумала она и протянула руку.

— Меня! Меня возьми! — услышала тихий голос и дико закричала.

— Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого. Твой муж прячет от тебя секрет молодости! Он хочет сам оставаться молодым, а вместо тебя приведет другую женщину, — пропищала Халимар из бутылки.

— Кто ты? Где ты? Кто это говорит? — взволнованно спрашивала жена Аркадия.

— Возьми в руки зеленый флакон и сними с него кольцо! Тогда ты увидишь меня! — пропищала Халимар.

Женщина все послушно исполнила. Халимар явилась перед ней во все красе и в одной туфле. Женщина чуть не лишилась чувств.

— За то, что ты освободила меня, — сказала Халимар, обуваясь во вторую туфельку, ставшую сразу же необходимого размера, и надевая на палец папино кольцо с сапфиром, — я дам тебе чудодейственный крем. Намажься им всего один раз — и твоя кожа останется такой гладкой и упругой целых сто лет. А потом... А впрочем, ста лет тебе достаточно! Только убери здесь все. А, ладно! Я сама все уберу.

В руке у изумленной женщины внезапно появилась баночка, на которой было написано: «Крем от старения. Гарантия сто лет».

Сейф закрылся, ключ от сейфа полетел в услужливо выдвинувшийся ящик письменного стола. Ящик закрылся, ключ дважды провернулся и вскочил в слегка приоткрывшуюся шкатулку. Шкатулка захлопнулась, как будто большая лягушка закрыла рот. Маленький ключик от шкатулки оказался в руке перепуганной женщины.

— Вот так! — гордо сказала Халимар. — И никаких отпечатков пальцев! Кстати, тебе тоже советую стереть свои пальчики с маленького ключика. Брось его там, где ты его нашла. Мажься кремом, пока муж не вернулся!

Женщина мгновенно опомнилась и побежала в свою комнату. Она сняла с себя всю одежду и стала старательно намазывать себя кремом. Руки, ноги, лицо, грудь, попу, спину, сколько смогла достать. На всякий случай смазала зубы и десна. А вдруг подействует? А оставшийся крем нанесла на кожу головы и волосы.

Вернулся муж. В таком виде и застал он жену в комнате.

— Почему ты голая?

Муж направился к шкафу, заглянул в него, лег на пол, заглянул под кровать.

Жена решила спрятать баночку с кремом, но в этом не было необходимости: баночка исчезла сама.

— Ты на что намекаешь? — завелась жена. — Ты в чем меня подозреваешь? Что я, кремом не могу намазаться после душа?

Разъяренная жена набросилась на мужа. Вдруг заметила, что вместо лысины у него появился нежный пушок.

— Ой! У тебя лысинка заросла! — воскликнула радостно она.

Но тут же осеклась: пушок исчез, и лысина засверкала с утроенной силой. Это Ибрагим, обнаруживший исчезновение Халимар, от злости снова лишил Аркадия волос.

А Халимар помчалась выручать Хому. Она точно не знала, где он, но была уверена, что в таком маленьком городе не может быть много отделений милиции. И оказалась права. Довольно быстро нашла Хому и успела освободить, пока его не отправили в психиатрическую лечебницу.

Одного мгновения хватило, чтобы все сотрудники отделения навсегда позабыли о существовании гражданина Хоменко Сергея Станиславовича, 1980 года рождения, задержанного при попытке обворовать квартиру.

Упустила из виду Халимар только врача-психиатра Инну Леонидовну.

— Хома! Летим домой, Хома! Я так устала, — сказала Халимар юноше, когда он, не дожидаясь приглашения, сам вскочил в увеличившуюся до размеров лодки туфлю.

— Летим, — согласился Хома. — Но сначала в паб к белым джиннам. Надо им сообщить, что я тебя нашел.

— Ну, Хома! Какой молодец! Сам нашел белых джиннов?

— Конечно! Я такой! — расхвастался Хома.

— Не хвались! Спасла тебя все равно я, а не ты меня! — напомнила Халимар.

— Какая разница, кто кого спас? — сказал Хома. — Главное, что мы снова вместе!

— Да, ты прав! Это главное, — согласилась Халимар.

В пабе джиннов все было мирно и чинно. Одни джинны внезапно появлялись, непонятно, каким образом и откуда, другие, наоборот, так же внезапно исчезали. Очевидно, где-то их хозяева терли бутылочки и требовали исполнения своих желаний.

Когда посреди паба оказались Хома и Халимар, никто не проронил ни слова. Джинны молча смотрели на прибывших и только улыбались. Но Халимар все услышала.

— С возвращением, Халимар!

— Как мы волновались, Халимар!

— Ты всех переполошила!

— Рады, что тебе удалось освободиться! Мы искали тебя по всему городу, но так и не нашли.

— Спасибо! Спасибо всем, — благодарила Халимар. — Все уже позади.

— Нет, не позади! Черный джинн не отступит, он попытается снова тебя украсть. Но мы теперь будем к этому готовы.

— Придется выставить круглосуточную охрану возле домика Хома.

— А лучше, поскорее заканчивай свои земные дела и отправляйся к маме в Страну Свободных Джиннов. Там ты будешь под надежной защитой, — посоветовал один из джиннов.

— А как же Хома? Я не могу оставить его одного, пока Ибрагим здесь, — возразила Халимар.

— О Хоме позаботимся мы сами, — предложил другой джинн. — Да и сам он не промах!

— Да! Храбрый парень, — подтвердил бармен. — Помчался к черному джинну, чтобы тебя спасти.

Халимар было приятно, что белые джинны хвалят Хому. Она даже зарделась вся, как будто похвалы предназначались ей лично, а не ее повелителю.

В пабе стояло полное безмолвие. И вдруг, как выстрел, прозвучали слова Халимар:

— Хома! Домой!

И в ту же секунду Хома и Халимар оказались в маленькой комнатке на третьем этаже, на продавленном диване с неопределенного цвета обивкой. Рядом с диваном стоял комод, который можно было назвать антикварным только из уважения к его почтенному возрасту. А вообще-то это была рухлядь, а не антиквариат. Но какая разница! Двое были счастливы здесь, а счастье, как его ни назови, счастьем и останется.

— Как хорошо дома, — сказала Халимар.

— Это потому, что здесь снова появилась ты! Без тебя здесь было плохо.

— Ты молодец, Хома! Как ты догадался, что тебе с туфелькой делать?

— А я и не догадался! Я просто очень сильно хотел попасть в Страну Свободных Джиннов. Я думал, что ты оставила меня и помчалась к родителям, — признался Хома.

— Никогда больше не вздумай думать так обо мне! Как бы я улетела, не попрощавшись с тобой? Тем более, я должна выполнить двадцать шесть твоих желаний.

— Я уже использовал семь, а запомнил только одно.

— Какое же? — хитро спросила Халимар.

— А то ты не знаешь! — ответил Хома.

— Ну, скажи, скажи, скажи! — требовала Халимар. — Я хочу, чтобы ты произнес это слово вслух!

— Поцелуй! — сказал Хома. — Мое желание — один поцелуй!

— Слушаю и повинуюсь! — сказала Халимар и прильнула к Хоме. — Осталось двадцать пять. Ты согласен?

— Уже двадцать четыре, — прошептал Хома и впился губами в покрасневшие от

поцелуя губы девушки.

— Какая расточительность! Осталось двадцать три!

Теперь Халимар повторила поцелуй.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ: ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Аркадий посмотрел на себя в зеркало и увидел, что его только зарождающаяся шевелюра, так сказать, ростки новой растительности, исчезла. Он бросился в кабинет, чтобы разобраться с джинном обманщиком. Подбежал к шкатулке, руку засунул под рубашку... А ключ где?! Ни ключа, ни цепочки! Ладно, цепочка! Но ключ! Придется теперь портить шкатулку. Жалко, конечно, но другого выхода нет. Взял большой нож и вскрыл шкатулку. Слава Богу, ключ от стола на месте. Открыл ящик письменного стола, достал ключ от сейфа. Кажется, напрасно волновался. Открыл сейф. О, ужас! В сейфе нет зеленого флакона, кольца с сапфиром и золотой туфельки! Хорошо, что хоть его коричневый флакон с джинном на месте!

Аркадий взял флакон и энергично потер надпись на нем. В облаке тумана показался Ибрагим, завис над письменным столом.

— Почему не держишь обещания, джинн? Ты обещал густую шевелюру вместо лысины, — напомнил Аркадий.

— Потому, что ты баран, Аркаша! Куда подевались флакон, кольцо с сапфиром и золотая туфелька? Кто снял мое кольцо с флакона? Я же предупреждал, что этого делать нельзя!

— Да? Кто-то снял кольцо с флакона, а квартира моя не сгорела? Значит, ты снова обманул меня, джинн! Там не было никакой феи огня?

— Не было! Ты не смог уберечь мою невесту! — зло кричал Ибрагим на Аркадия.

— Как ты разговариваешь со мной? Я твой повелитель! — вспомнил вдруг Аркадий.

— Повелитель? Ха-ха-ха! Ты думаешь, я вечно буду служить тебе? Я скоро исчезну из твоей жизни, и тебе придется самому решать все свои проблемы. И первая из них — твоя жена. Спроси ее, куда она подевала флакон с джинном?

— Ах, так это все-таки был джинн! Как я мог поверить тебе?

Аркадий вошел в спальню к жене.

— Куда ты дела мою бутылку с джинном? — пристал Аркадий к жене. — Куда ты дела бутылку с джинном?

— Ты просто помешался на своих благородных напитках! Не брала я твой джинн! — ответила хитрая жена.

Она знала, что ей нечего бояться. По совету Халимар, она стерла отпечатки своих пальцев с ключей.

— Если ты не признаешься, я позвоню в милицию. Флакон из сейфа не мог стать на ножки и уйти сам.

— Ушел! Сам вылез из сейфа, стал на ножки и ушел. Не брала я твой флакон! И вообще, я больше не желаю жить с тобой. Денег много, а толку мало. Я еще не видела таких жадных людей, как ты.

— Не видела?! Так посмотри! А ты пойдешь отсюда только в тюремную камеру! За воровство.

Аркадий все-таки вызвал милицию. Он, захлебываясь слюной, пытался объяснить

работникам правопорядка, что у него в сейфе была бутылка с джином, а теперь ее нет. И виновата только жена.

— И вы заявляете на свою жену из-за бутылки джина? — удивился милиционер.

— Да если бы вы знали, что это за джинн! — воскликнул Аркадий.

— А хоть бы и золотой! Это же ваша жена!

— Она обворовала меня! Я не могу жить с воровкой под одной крышей!

Позвали жену, стали ей вопросы задавать. А она: не знаю, не видела, не брала. А сама просто сияет. А мужчины, кроме мужа, глаз от нее отвести не могут. Это Халимар так поблагодарила за свое спасение: мало того, что кожа у нее теперь не будет стареть сто лет, она теперь будет притягивать к себе восхищенные мужские взоры, где бы ни находилась. Так зачем ей, простите, этот жадный муж?

Она быстро собрала кое-какие свои вещи, и ее увезли в отделение. Вместе с чемоданом. Следователь стал вопросы ей задавать, ответы ее записывать, а сам глаз от нее отвести не может.

А Жанна, как специально, ногу на ногу красивым движением забросила, на стуле так сидит, как будто не в отделении милиции, а на интимном свидании при свечах. Она знала, что кожа ее не будет теперь стареть сто лет, она чувствовала, что девушка из бутылки не обманула ее. И хотя внешне это пока еще никак не выразилось, но внутренне Жанна уже чувствовала себя обворожительной и неотразимой. Эта ее неуверенность в своей неотразимости так действовала на мужчин, что они просто дурели, глядя на нее.

К концу допроса из следователя можно было вылепить послушного щенка для Жанны, с хвостом бубликом, восторженно шевелящимся влево-вправо.

— Что вы делаете сегодня вечером? — спросил следователь Жанну.

— Что я делаю сегодня вечером? — кокетливо улыбаясь, спросила Жанна. — Это зависит от того, что вы можете мне предложить.

— Не откажетесь поужинать со мной? — спросил следователь, млея от восторга и судорожно сглатывая слюну.

— Здесь? — наивно спросила женщина.

— Нет! Конечно, не здесь! Я хочу пригласить вас в ресторан.

— В ресторан? Это хорошо. Но что мне делать с моим чемоданом? Я ушла от мужа, и мне совсем некуда идти, — капризно поджав губки, пропела Жанна.

— Тогда давайте поужинаем у меня дома? — робко предложил следователь.

— Да как вы смеете! Что за грязные намеки! Я порядочная женщина! — возмущалась Жанна, хотя в душе она исполняла сложный победный танец с элементами африканских ритуальных телодвижений.

— Простите! Я вовсе не имел в виду ничего такого! У меня самые серьезные намерения, — оправдывался следователь.

— Ну, если только серьезные, — быстро успокоилась Жанна, — тогда давайте поужинаем у вас.

Это была любовь с первого взгляда! Благодаря Халимар, Жанна обрела свободу, избавилась от Аркадия и нашла себе достойного спутника жизни. Он будет обожать ее всю жизнь. Потому что сто лет для джинна — это совсем ничего, а сто лет женщине не покрываться морщинами — это все!

Аркадий пришел к своей бывшей жене. Он стал на колени перед входной дверью и постучался в нее головой. Жена долго не открывала, потому что не могла понять, что может

означать этот подозрительный стук. Наконец решила проверить и осторожно приоткрыла дверь. В квартиру на коленках вполз бывший муж. Обняв ноги бывшей жены, он стал умолять ее о прощении.

— Прости! Прости! Я виноват! Прости! Позволь мне вернуться к тебе! Переезжайте снова жить ко мне! Ты одна меня понимаешь! Мне никто другой не нужен! Ради нашей дочери, прости!

Но брошенная жена не желала возвращения ненадежного мужа. Она указала пальцем на входную дверь и твердо сказала:

— Вон!

Пока Аркадий решал, уходить ему или продолжить осаду, в прихожую вышла дочь Саша.

— Мама! Если ты не хочешь, чтобы папа возвращался к тебе, пусть он возвращается ко мне! Он будет жить в моей комнате, спать на моей подушке, укрываться моим одеялком. А если ему будет мало одеялка, я укурю его еще своей шубейкой, той, которую он мне подарил. Идем, папа! Давай поиграем в лошадь и всадника! Чур, я всадник!

Папа опустил на четвереньки, дочь села к нему на спину. Аркадий презрительно и насмешливо посмотрел на бывшую жену и грациозно проскакал в комнату дочери.

Везде надо иметь союзников!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ: ТУРНИР «ЗОЛОТОЙ ГЕПАРД»

Едва дождавшись окончания рабочего дня, Хома помчался к себе домой. Бутылочку Халимар он всегда теперь носил при себе. Только не в нагрудном кармане. Не поленился, пришил к майке маленький кармашек специально для флакона. И майку раньше никогда не носил, а теперь пришлось. Так боялся, что снова похитят его Халимар. Только Халимар была спокойна, она знала, что белые джинны по очереди дежурят у домика Хома. Они не позволят Ибрагиму больше приблизиться к ней. Хоме о наблюдении джиннов она решила пока не говорить, пусть немножко поволнуется, ему это не повредит.

Сейчас Халимар решала, как бы ей лучше встретить Хому с работы. Пересмотрев за целый день ворох журналов, она вырядилась, как женщина в рекламе майонеза. Вышитая блуза с широкими рукавами, передник, платок, повязанный рожками надо лбом. Хома увидел ее и растерялся. Стремился домой, желая использовать хоть одно из оставшихся двадцати трех желаний, а дома сидит женщина, от которой хочется получить только борщ с пампушками, а совсем не страстный поцелуй.

— Халимар, что у нас на ужин? — потирая руки в предвкушении национальных блюд, спросил Хома.

Халимар многозначительно пристроила пальцы на бедра, локти в стороны развела и голосом сварливой женушки спросила:

— А ты хлеба купил, колбасы, горчицы?

— А я должен был купить хлеб, колбасу и горчицу?

— А чем детей собираешься кормить? — строго спросила Халимар.

— Детей не кормят горчицей, — подсказал Хома. — Детей кашей кормят.

— А ты кашу принес? — подбоченься, спросила Халимар.

— А ты борщ варила? Корову подоила? Детей обстирала? — пошел в наступление Хома.

— Не кричи на меня! — потребовала Халимар.

Тут она снова стала прежней: в шелковых шароварах, в шелковой блузе, открывающей живот, со струящимися по спине волосами.

— Ну, как я? Похожа на земную жену? — спросила, радостно улыбаясь.

— Еще как похожа! Я даже испугался. Слишком земная из тебя жена получилась.

— Тебе понравилось?

— Понравилось. Только надо было тебе игру продолжить. Я так и не успел отведать твоего вкусного ужина с горчицей.

— Ага! И не успел получить скалкой по спине. А ужинать сегодня мы будем в Стране Свободных Джиннов.

— Мы снова летим в Страну Свободных Джиннов?

— Конечно, надо слетать туда. Родителей успокоить, они должны знать, что со мной уже все в порядке.

— Да, ты права! Я их тогда так напугал своим внезапным появлением без тебя, — согласился Хома.

— К тому же, ты хотел еще увидеть других моих родственников. Ты еще не передумал знакомиться с моей родней?

— Нет! Не передумал! Интересно посмотреть, на кого из своей родни ты похожа.

— Тогда садись в туфлю и не разговаривай!

Хома сел в золотую лодку и настроился на увлекательное путешествие. Лодка вылетела из комнаты и зависла над домом. И снова Хома не заметил, когда именно он, лодка, Халимар уменьшились до таких размеров, чтобы беспрепятственно пролететь в форточку.

Сейчас лодка с двумя пассажирами в ней висела в воздухе, слегка покачиваясь.

— Посмотри, какой унылый вид, — сказала Халимар. — Свежая трава усеяна несвежими газетами. Будем еще любоваться или как?

— Или как! — потребовал Хома.

— Тогда летим! — согласилась Халимар.

Лодка стала подниматься в небеса. Люди и дома становились все меньше и меньше, и все теперь выглядело чище, чем вблизи.

Скоро показался знакомый причал. Халимар ступила на твердь.

— Давай руку! — предложила Хоме.

— Халимар! Я был здесь однажды без тебя. Я справлюсь, не считай меня беспомощным.

— Тогда приготовься к встрече с моей родней!

В этот раз Халимар не стала привязывать лодку, а просто уменьшила ее до размеров туфли.

Теперь Хома увидел, что джиннов в свободной стране живет немало. Первыми к ним подбежали мама и папа. Они обнимали дочь, радуясь встрече. Хоме тоже перепало объятий от родителей.

Потом к ним подбежали сестры Халимар, всего их было четыре. Старшие это были сестры или младшие, Хома не понял. Все они были так же молоды и красивы, как Халимар и ее мама. На них тоже были цветные шелковые блузы и шаровары.

Халимар представила Хому сестрам. Из уважения к гостю, девушки перестали общаться мысленно, а разговаривали на понятном Хоме языке. У всех четверых были красивые имена, ни одного из которых Хома не смог не то что запомнить, но даже произнести. Звуков, подобных тем, какие произносили девушки, называя свои имена, в родном языке Хома не было.

— Хома! Тебе повезло. Ты попал на грандиозный праздник в Стране Свободных Джиннов, — обрадовала Хому Халимар. — Мы сегодня будем наблюдать турнир «Золотой гепард». Это женский вид состязаний, мужчины только созерцают это красивое зрелище, сами никогда не участвуют.

— Дискриминация по полу? — спросил Хома. — У вас есть женские и мужские виды состязаний?

— Конечно! У нас есть только женские и только мужские виды состязаний. Скачки на гепардах — это исключительно женский вид. Но это не говорит о том, что мужчины бесправны. Им не надо доказывать, что они так же могущественны, как мы.

На огромном стадионе, покрытом синей травой, готовились к состязанию женщины и гепарды.

— Ваши гепарды намного больше земных, — заметил Хома.

— Конечно! Я же не раз говорила тебе, что размер не имеет для нас значения. Мы можем все сделать таким, как нам нужно. Уменьшить или увеличить, в зависимости от ситуации. Я увеличиваю свою туфлю, превращая ее в лодку. Я уменьшаю себя и тебя, чтобы пролететь в форточку.

— Да, помню! Ты увеличилась сама, чтобы напугать Семена Михайловича, — улыбнулся Хома.

— А здорово я его тогда разыграла! Он до сих пор прячется, когда я к тебе на работу захожу.

Джинны прилетали на праздник, кто на чем хотел. В этом выражалась их индивидуальность. Ведь они могли заставить летать все, что угодно. И увеличить до необходимого размера тоже могли все, что хотели. Многие девушки прилетали на гигантских бабочках и стрекозах. В этом сезоне было модно летать на насекомых. Мужчины традиционно летали в креслах и на диванах. Некоторые прилетали на коврах. Халимар любила летать в своей золотой туфельке. Она, как и все остальные джинны, могла летать и просто так, безо всего. Но просто так летать скучно и неинтересно. А в мире джиннов не должно быть скуки. Что это за мир, в котором вечная жизнь и вечная скука? Познакомился с джинном — расстанься со скукой!

Родители Халимар прилетели на праздник в стареньком «Запорожце», подаренном им Халимар.

— Когда ты успела приобрести автомобиль? — удивился Хома.

— Сегодня, пока ты был на работе. Он не хотел заводиться, а его хозяин вышел и стал бить его ногами по колесам. Я спросила: «Зачем вы бьете автомобиль? Если он вам не нужен, продайте его мне!» А он ответил: «Девушка, это волшебный автомобиль! Его можно купить, но нельзя продать. Если хочешь, забирай его себе просто так!» Я и взяла. Не каждый день можно встретить волшебный автомобиль! Быстренько уменьшила и понесла домой в руке. Тот мужчина, что мне его подарил, никогда раньше не видел, чтобы машины в руках носили. До сих пор, наверное, икает.

— Ты так любишь людей пугать! Человек тебе подарок сделал, а ты его напугала!

— А зачем он бил его? Посмотри, как мои родители с ним хорошо обращаются! А мама как рада! Ведь ни у кого больше нет собственного автомобиля, да еще такого красивого!

«Запорожец» выглядел шикарно рядом с гигантскими бабочками, жуками и креслами. Красный, блестящий! А то, что он не заводится, это ерунда! Джинны могут заставить летать даже сломанный автомобиль.

Джинны занимали места на трибунах. На синем поле остались только девушки и гепарды. Правда, гепарды очень отличались от тех, что Хома видел когда-то в зоопарке. Гепарды джиннов были ростом с лошадь. Наездницы все были одеты в шаровары всех цветов и оттенков.

— Ваши женщины носят только шаровары? — спросил любопытный Хома.

— Нет. Но это очень удобная одежда, и она уместна везде. Как на Земле джинсы. В них можно пойти, куда угодно: на работу, в ресторан, в театр. В них даже можно выступать на сцене. Считай, что шелковые шаровары — это универсальная одежда на любой случай. А вообще-то мы носим и другую одежду.

Наконец наездницы оседлали своих гепардов. Что за чудесное, восхитительное зрелище! Такого восторга Хома не испытывал никогда, даже на фигурном катании или футболе! Все наездницы красивые, молодые, с потрясающими фигурами, с длинными блестящими волосами. А гепарды, даже увеличенные, оставались грациозными, гибкими.

Наконец гепарды помчались. Известно, что это самые быстрые животные на Земле. Очевидно, именно поэтому выбрали их джинны для своих состязаний. Вот здесь как раз и не было никакого колдовства!

— Халимар! Представляешь, какой шум стоял бы на трибунах, если бы зрителями были люди!

— Да, я могу себе представить этот гул! Может, пошумим немного? Это внесет разнообразие в состязания!

— За кого будем болеть? — спросил Хома.

— Я за свою бабушку! А ты можешь болеть за мою маму.

— Твоя бабушка тоже участвует?

— Конечно! Что тут удивительного? Она абсолютно ничем от меня не отличается! Я вас познакомлю сегодня.

— Тогда я буду болеть за бабушку, а ты — за маму!

— Идет, — Халимар засунула два указательных пальца себе в рот и громко свистнула, как хулиган.

Джинны со всех трибун посмотрели на нее. Но это ее не остановило.

— Ма-ма! Ма-ма! Давай! Ты лучшая, мама!

— Ба-буш-ка! Ба-буш-ка! — поддержал Халимар Хома.

У него вдруг проснулся азарт. Так хотелось, чтобы победила бабушка Халимар.

Джинны сначала молчали и зачарованно смотрели на Хому и Халимар. А потом стали несмело кричать на каком-то своем, не понятном Хоме языке. Потом стали делать это громче, смелее. И наконец, огромный стадион, по которому наматывали круги гепарды с наездницами, утонул в криках джиннов.

— Ого! Как на гладиаторских боях! — предположил Хома, видевший бои гладиаторов только в кино.

— Нет! Как на футболе! Куда там гладиаторским боям! — уверенно сказала Халимар, видевшая воочию и бои гладиаторов, и футбол.

После состязаний к ним подошла очень красивая девушка, удивительно похожая на Халимар.

— Халимар, родная моя! Как я рада тебя видеть!

— Хома, познакомься, это моя бабушка! Бабушка, это мой Хома!

— Твой Хома? — улыбнулась бабушка.

— То есть, мой повелитель Хома, — сказала Халимар и почему-то покраснела.

— Бабушка! Я болел за вас! — сказал Хома.

Хома стоял между двумя абсолютно одинаковыми девочками. Одна из них была его Халимар, а другая — ее бабушка.

«Интересно, а смог бы я их как-то различить? — подумал он и понял, что смог бы.

У бабушки в глазах были мудрость и опыт.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ: БИРЮЗОВОЕ НЕБО И СИНЯЯ ТРАВА

— Хома, ты должен снова заняться живописью, — предложила Халимар. — Или ты уже не хочешь стать известным художником?

— Известным художником? Ты шутишь, Халимар. Мне хотя бы немного научиться рисовать, — уточнил Хома.

— Вспомни, как разошлись твои картины с кошками!

— Ты имеешь в виду тот мой позор?

— Никакого позора! Очень оригинальные работы! Главное, что кто-то радуется, глядя на них. А остальное не имеет значения: ни их художественная ценность, ни техника.

— Все! С котами покончено!

— Тогда рисуй дома, — предложила Халимар.

— И с домами тоже.

— Деревья!

— Не умею.

— Цветы!

— Не умею.

— Траву!

— Траву? Да, ты права. Трава — это единственное, что я смогу нарисовать. Берем синюю краску. Стоп! А почему синюю? Трава зеленая! — вспомнил Хома.

— Наверное, тебе понравилась трава в Стране Свободных Джиннов. Там она действительно синяя.

— Точно! Я буду рисовать синюю траву и бирюзовое небо. Как в Стране Свободных Джиннов. Никто из людей не видел такой красоты, а я видел. Я должен с другими поделиться своими впечатлениями.

— А люди поделятся с тобой тем, что у них есть.

— Ты о чем?

— Да так, пошутила я.

— А ты когда-нибудь бываешь серьезной? — спросил Хома.

— Бываю. Сейчас. Я серьезно считаю, что ты должен стать художником. А я буду служить у тебя музой.

Хома нарисовал синюю траву. Просто провел полосу внизу листа синей краской.

— Красиво, — похвалил свою работу художник. — Это же мой любимый цвет! Мне нравится синяя трава.

Оставшуюся часть листа раскрасил бирюзовым цветом.

— А это небо в Стране Свободных Джиннов, — объяснил он Халимар

— Как здорово ты нарисовал, Хома! И так похоже! Я как будто дома побывала. У тебя, Хома, безусловно, есть талант, — похвалила муза.

— Да, просто никто, кроме тебя, не видит его, — улыбнулся Хома.

— А чье мнение для тебя дороже всего? Разве для тебя важнее, что скажут другие, а не я, самый близкий тебе джинн?

— Да, ты права. Дороже тебя у меня нет никого, ни на Земле, ни в Стране Свободных Джиннов.

— А картина действительно очень красивая. Я знаю, что в Шотландии есть одно место, где трава синяя, а небо бирюзовое. Только место это мало кто видел, оно открывается не всем.

— Ты хочешь сказать, что моя картинка похожа на шотландский пейзаж? — спросил Хома.

— Да. Только не достает одной маленькой детали: белоснежной овечки на синей траве.

— Я не умею рисовать овечку, — предупредил Хома, но кисть в руку взял.

Несколько белых пятен, изображающие овечек, придали картине неповторимый шотландский колорит.

— Ее обязательно купят у меня завтра. Каждому захочется иметь у себя дома уголок Шотландии! — уверенно сказала Халимар.

— Или Страны Свободных Джиннов, — подсказал Хома.

На следующий день Халимар отправилась в горсад с картиной Хома. Здесь традиционно выставляли свои картины как известные, так и начинающие художники. Чего тут только не было! А вот пейзажа с синей травой ни у кого не было. Люди смотрели с интересом на картину Хома, но никто не покупал. «Как могут люди не замечать безусловного таланта художника?» — думала Халимар.

Она терпеливо ждала, а солнце перевалило уже за середину небесного купола. Наконец Халимар решила слегка поколдовать. Увидела одного милого человека с толстым кошельком, улыбнулась ему и кокетливо опустила глаза. Мужчина сразу же заметил картину.

— Это ваша работа? — спросил он.

Ах, как же ей не хотелось врать! Как ей не хотелось врать! А еще больше не хотелось возвращаться к Хоме с непроданной картиной. И она солгала.

— Да, это моя картина.

— А почему у вас трава синяя?

— Я вижу ее такой, — объяснила девушка, имея в виду траву в Стране Свободных Джиннов.

— А... Вы дальтоник! — сказал мужчина.

— Да, я дальтоник, — согласилась Халимар.

Она согласилась бы сейчас с любой версией, только бы продать картину.

— А что вы делаете сегодня вечером? — спросил мужчина.

— Если вы купите мою картину, то ничего. А если не купите — мне придется весь вечер писать другую картину.

— Я покупаю! Значит, вы свободны вечером?

— Вы назначаете мне свидание? — обрадовалась Халимар. — Я так люблю ходить на свидания!

Она могла сейчас сказать, что угодно! Так рада была, что принесет Хоме деньги вместо картины.

Встречу назначила на восемь. Это было ее любимое время свиданий.

Чтобы не привлекать внимание жителей мирного приморского города, Халимар

направилась к Хоме на работу пешком. Тем более, что его работа была почти рядом с горсадом. Лететь туда в золотой туфле не было необходимости.

— Хома! Это твои деньги.

— Ого! Значит, я могу тебя пригласить сегодня вечером куда-нибудь? — обрадовался Хома.

— Пригласить ты, конечно, можешь. Только я не могу принять твое приглашение. Два свидания за один вечер — это и для джинна многовато.

— Ты познакомилась с кем-то? — ревниво спросил Хома.

— Да.

— Он лучше меня? Почему ты идешь с ним?

— Исключительно для того, чтобы убедиться, что ты, Хома, лучше всех! Не волнуйся, я покажу ему пару фокусов — и он с радостью отпустит меня домой. Вспомни Сеню. Он уже меня никуда не приглашает.

— Ну, хорошо. Только недолго. Я буду тебя ждать. Я буду по тебе скучать.

— Вот зачем ты так говоришь, как будто мы расстаемся надолго? Мне после твоих слов хочется немедленно закончить свидание, но я не могу, оно еще не началось.

До конца рабочего дня Халимар простояла рядом с Хомой. Минут за пятнадцать до закрытия магазина она сказала:

— Мне пора. Я должна еще по дороге переодеться, растолстеть и подрасти. Жди меня дома. Я скоро.

Халимар умчалась. Хома не волновался теперь, что ее снова похитит черный джинн. Она призналась, что ее оберегают белые джинны. А зеленый флакон всегда был при нем, в пришитом к внутренней стороне майки кармане.

Хома медленно шел к троллейбусной остановке.

«Пока я приеду, Халимар уже вернется домой, — улыбнулся Хома. — Мужчинам не очень нравится, когда девушка внезапно увеличивается. Если бы только грудь выросла, тогда это еще ничего. А когда сразу все — это уже слишком».

В троллейбусе на него обратила внимание девушка.

— Добрый вечер! Вас уже выпустили из больницы? — спросила она.

Инна Леонидовна, психиатр, стояла рядом и мило улыбалась.

— Нет, я до сих пор нахожусь там. А здесь рядом с вами мой клон.

«Надо будет сказать Халимар, чтобы она прочистила Инне мозги, — подумал Хома. — Не очень приятно, когда кто-то считает тебя шизофреником».

Хома взглянул на свое окно. Свет не горел. Значит, Халимар еще не вернулась. А может, сидит в темноте? Так и есть! Сидит в темноте и готовит ему очередной сюрприз! Хома вбежал по лестнице, открыл ключом дверь — и получил удар тяжелым предметом по затылку.

«Это не Халимар», — было последнее, что он успел подумать.

Да, это не была Халимар. Это черный джин решил воспользоваться отсутствием Халимар и стражи белых джиннов, чтобы похитить Хому. Тогда Халимар сама примчится к нему. И если она белый джинн, а она белый джинн, то она выполнит все условия Ибрагима, но спасет своего повелителя.

А Халимар в это время была на свидании. Об Ибрагиме она даже не думала. Думала только, как сделать свидание незабываемым. Она решила не повторяться и не подрастать, как для Семена Михайловича.

Когда мужчина, купивший картину с синей травой, пришел в назначенное время, он увидел прекрасную Халимар. Девушка выбрала для свидания очень хороший наряд: белую рубашку и джинсы. В такой одежде можно пойти, куда угодно.

Мужчина предложил пойти в ресторан. По дороге он успел сообщить, что его зовут Федор. Он штурман дальнего плавания, сейчас находится в отпуске. У него есть хорошая квартира и много денег, но совсем нет жены. И даже девушки у него нет.

— Какое совпадение! — сказала Халимар. — У меня тоже нет девушки. Теперь у нас есть что-то общее.

Федор предложил Халимар посетить уютный ресторанчик в центре города, недалеко от того места, где художники продают свои картины.

Они сидели за столиком, и моряк увлеченно и увлекательно рассказывал о своей работе на судне. Так увлекательно, что Халимар срочно захотелось домой, к Хоме, в бутылку под майкой. И спать, спать, спать! Она вдруг стала маленькой, ростом примерно с пятиклассницу, но бывалого моряка не так просто было чем-то удивить.

— Девочка, — сказал он, — а твоя мама знает, что ты пошла на свидание со взрослым дядей?

— Нет. У меня мамы нет, — грустно сказала Халимар.

— Сирота. Официант, принесите девочке мороженое, — потребовал Федор.

Халимар послушно съела мороженое и кротко спросила:

— Я могу идти?

— Иди, малыш, иди. Моряк ребенка не обидит.

Халимар облегченно вздохнула, быстренько подросла и пошла к остановке троллейбуса. Ей захотелось еще немного развлечься. А что может быть более интересным, чем возвращение домой в переполненном троллейбусе?

Обнаружив, что Хома исчез, Халимар сразу поняла, чья это работа. Местонахождение Хома определить было очень просто: свой флакон любой джинн находит безошибочно, а флакон Халимар был у Хома под майкой.

Ибрагим стоял на самом краю обрыва и держал за рубашку Хому. Держал за то место, которое кошки обычно держат зубами, когда переносят своих котят. Хома был страшно напуган, ему не хотелось лететь с обрыва в море.

— Стой! — закричала Халимар, остановившись неподалеку.

— О! Я ждал тебя! — Ибрагим решил, что говорить вслух намного эффектнее, чем просто передавать мысли. — Я приготовил тебе сюрприз.

Он достал одной рукой из внутреннего кармана пиджака небольшой флакон из-под духов «Чудо».

— Цветочные ароматы! Тебе понравится здесь. Как только ты окажешься в бутылочке, я отправлю твоего Хому домой. А нет — он полетит с обрыва. Представляю, что будет с этим влюбленным теленком, когда он ударится ногой во-о-он о тот камень внизу!

— Ты бросишь его с обрыва? Бросай! Что значит нога одного смертного для меня, свободной и бессмертной?

У Хома от ужаса расширились зрачки. Ибрагим тоже не ожидал такого поворота событий. Он был уверен, что его план сработает. Ведь белые джинны не поступают подло. Только хитрят иногда. Ибрагим удивленно смотрел на Халимар и думал, какие бы еще привести доводы в пользу нового флакона.

А в эту секунду Халимар мгновенно пролетела мимо, рванула на себя Хому и полетела

прочь, крепко удерживая в руках свою добычу. Как птица рух, способная поднять в воздух слона.

Ибрагим от неожиданности свалился с обрыва и ударился головой о камень. Правда, с ним ничего не случилось плохого, так как он вовремя превратился в дым.

Уже дома, находясь в безопасности на своем обшарпанном диване, Хома сказал:

— А я почти поверил, что ты позволишь меня убить!

— Я говорила правду. Иначе Ибрагим почувствовал бы фальшь. Я действительно хотела, чтобы он тебя бросил.

— И я бы разбился?

— Нет, просто бы покалечился соегка. Шучу, просто тогда бы я поймала тебя в воздухе, а не вырывала из рук черного джинна. А теперь летим в паб джиннов. Надо кое-кому вправить мозги.

Они мгновенно оказались в знакомом месте. Здесь по-прежнему стояла оглушительная тишина. Пол сиял от золотой обуви посетителей.

Хома не слышал, о чем говорила Халимар с белыми джиннами. Джинны общались мысленно, читая мысли. Мирная беседа выглядела так:

— Это кто же такой позволил Ибрагиму похитить Хому?!

— Мы назначили охрану тебе, а не Хоме. Сама смотри за своим Хомой, а не бегай по ресторанам с малознакомыми моряками. Ты помчалась на свидание, я пошел за тобой, — оправдывался один джинн.

— А Хома? Как можно было снять наблюдение за домиком Хомы? Черный джинн проник в квартиру, ударил парня по голове. Чуть мозги ему не выбил. Представляете, Что бы мог натворить безмозглый повелитель?

— Халимар, не волнуйся! Все же обошлось! — успокаивали ее джинны.

— А если бы не обошлось? Ибрагим чуть не сбросил Хому с обрыва! Он бы мог погибнуть!

— Ладно, мы все поняли. Будем охранять тебя и твоего Хому. Садись, расслабься. Выпей шотландского виски. Тебе это пойдет на пользу. Да и Хоме твоему надо расслабиться!

— Садись, Хома! — резко прозвучали слова Халимар в полной тишине. — Белые джинны считают, что нам необходимо расслабиться. Пей виски! Сегодня оно еще было в Шотландии!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ: ИДЕАЛЬНАЯ НЕВЕСТА

— Хома, когда ты сменишь майку? Это же просто ужас! Я задыхаюсь, пока дойду к своему флакону! — пропищала Халимар, шагая по животу Хомы.

Они спали теперь только так: Хома в майке с карманом для флакона, а Халимар — внутри флакона. Так надежнее! Хотя белые джинны и усилили охрану, но Хома спал спокойно только тогда, когда бутылочка Халимар была у него на груди. Халимар знала, что если Ибрагим проникнет в квартиру, он напустит сонного дыма на Хому, и никакие кармашки на маечках не помогут. Но зачем расстраивать Хому? Пусть считает, что он принял все меры безопасности.

Вчера из паба джиннов вернулись поздно. Сейчас спали оба крепко, хотя уже наступил белый день. Хома мог себе позволить поспать в выходной.

В дверь постучали. Хома мгновенно вскочил и сел на диван.

«Кто это может быть? Может, хозяйка пришла за деньгами? Нет. Два месяца не могли пролететь так быстро, я бы заметил».

Открыл дверь. На пороге стояли двое его друзей. Один — бывший сокурсник, а с другим познакомился позже, когда уже стал работать в охранным агентстве. Сам же их и познакомил друг с другом. Чего пришли так рано?

— Я так и думал! — сказал Вова. — Пьянствует! Ну, и запах у тебя в квартире!

Вова сразу же полез открывать форточку. Хома закрыл ее вчера перед сном, чтобы ни комары, ни черные джинны не мешали спать.

— С новосельем, брат! — сказал Сева. — А мы только узнали, что ты переселился.

— Что же ты ничего не сказал нам. Друзья для того и нужны, чтобы приходить на новоселье! — добавил Вова.

— И еще друзья нужны, чтобы поддержать в трудную минуту! — сказал Сева.

— Вы о чем, ребята? Какая трудная минута? — не понял Хома.

— Мы Инну встретили, так она сказала, что у тебя какие-то проблемы.

— Инну? Да у нее у самой проблемы! Нашли, кому верить, — взбесился Хома. — Мы с ней расстались.

— И об этом уже знаем! Не переживай, старик! Если девчонка ушла, то это еще не трагедия!

— Да кто вам сказал, что это для меня трагедия? — спросил Хома.

— Инна. Сказала, что ты пьешь, не просыхая. Страдаешь, сохнешь по ней, но она не хочет к тебе вернуться.

— Сказала, что ты приходил к ней, умолял вернуться, начать все сначала.

— Сказала, что ты ей проходу не даешь!

— Вот гадина! Она же сама ко мне приходила, предложила помириться. Ладно! Не будем о ней. Пошли кофе пить.

— А мы тут кое-что принесли. Думали, может, у тебя похмельный синдром, — промямлил Вова.

— Пиво? Можете оставить, — позволил Хома. — Мы с Халимар выпьем за ужином.

Халимар все слышала. И про Инну, и про то, что Хома сохнет от любви и не просыхает от пьянства одновременно. Она быстро наколдовала себе кружевной халатик, добавила к своим и без того выразительным чертам немного макияжа. Потягиваясь и зевая, пришла на кухню.

— Хома! — капризно сказала она. — Почему ты ушел? Давай еще поспим.

Друзья во все четыре глаза таращились на девушку. Такой красавицы они еще никогда не видели в своей жизни! Вот так Хома! А Инна говорит, что он страдает. Можно и страдать в объятиях такой королевы!

— Ой, простите! Я не одета. Хома, у нас гости? Мы не ждали гостей, но мы вам рады! Я сейчас приготовлю угощение.

Халимар открыла холодильник и стала доставать оттуда тарелки с нарезанными колбасой, ветчиной, сыром, салатницы, доверху наполненные салатами. Закрыла холодильник. Снова открыла и достала оттуда большой торт, посыпанный сверху крошкой. Хома хорошо помнил, что вчера в холодильнике было пусто.

«Колдует! — догадался. — Развлекается! Хочет друзей моих удивить. Пусть развлекается!»

Хома сидел с каменным лицом, в то время, как его друзья с открытыми ртами глазели то на девушку, то на угощение.

— Простите! — кротко сказала Халимар. — Мы с Хомой не ждали гостей, не приготовились. Чем богаты, тем и рады! Угощайтесь, дорогие гости!

Халимар сняла крышку с большой сковороды, в которой Хома иногда жарил себе картошку. Стала из сковородки блинчики доставать, свернутые трубочками, маленькие аппетитные котлетки, хорошо прожаренные до румяной корочки, золотистые куриные крылышки. Все из одной сковородки. Изумленные гости на такую деталь даже внимания не обратили. А Халимар резвилась! Открыла духовку, достала оттуда утку с яблоками. Открыла кухонный шкаф, достала оттуда четыре вазочки с печеньем различной формы.

— Ешьте! Домашнее! Сама пекла, — предлагала радушная хозяйка.

Хома равнодушно за всем этим наблюдал, а друзья просто млели от восторга.

— Хома, мы не знали, что ты женился, — сказал Вова.

— Она вовсе не жена мне, — тускло сказал Хома.

— Да, парни, я ему пока не жена, — согласилась Халимар. — Но не все жены так много делают для своих мужей, как я для Хомы! А он на мне жениться не хочет!

После этих слов Халимар разрыдалась.

— Халимар! К чему весь этот спектакль? — разозлился Хома. — И вообще: не ходи в халате перед посторонними! Пойди переоденься!

— Слушаю и повинуюсь, повелитель мой! — очень серьезно, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, сказала она и вышла из кухни. Затем вернулась. Слез на лице у нее уже не было, личико довольно сияло.

— Хома, осталось двадцать два!

— Сгинь! — крикнул Хома.

Халимар снова вернулась, чтобы сказать:

— Двадцать два минус один...

Халимар ушла в комнату, а гости так и сидели с открытыми ртами.

— Что рты открыли? Угощайтесь, раз пришли! — предложил Хома.

Долго уговаривать друзей не пришлось. Все было таким потрясающе вкусным, что даже Хома, хоть и был сердит на Халимар за эти ее фокусы, тоже стал есть.

Наконец явилась Халимар. На ней было облегающее платье кровавого цвета и точно такого же цвета губная помада. Из нежной и заботливой хозяйки она превратилась в воплощение роковой страсти и сладостного греха.

— Хома! Я хочу прогуляться! Мне надоело сидеть взаперти. Ведь я тебе пока еще не жена, а ты держишь меня целыми днями у плиты. Друзья, хоть вы скажите ему, что нельзя так обращаться с любимой девушкой.

— Да, Хома! Так нехорошо! Надо беречь свою невесту! Зачем ты заставляешь ее так много работать? — сказал Сева.

— Да кто вам такое сказал? С чего вы взяли, что я заставляю ее много работать? — с досадой спросил Хома. — Вы ей верите?

— А как не верить? Мы столько всего сейчас съели! Это же надо было все приготовить! Да еще так вкусно, — сказал Вова.

— Да для нее это секундное дело, — сказал Хома.

— Тем более, надо ценить, что тебе досталась такая великолепная хозяйка, — сказал Сева. — Сейчас девчонки или совсем готовить не умеют, или такие страшные, что только

через желудок хотят к сердцу добраться.

— Да, Хома, не привередничай! Твоя невеста — настоящий клад! — сказал Вова.

— Да, — скромно согласилась Халимар. — Я клад. И кладезь мудрости одновременно.

— Пойдем уже, кладезь! Куда тебя вести? — не очень вежливо сказал Хома.

— Хома, ты грубиян! — сказал Сева. — Ты не боишься, что твоя девушка найдет себе другого, если будешь плохо к ней относиться?

— Не найдет! — уверенно сказал Хома. — Я ей не позволю.

Друзья только молча переглянулись друг с другом.

Халимар решила во что бы то ни стало сразить наповал друзей Хома, то есть окончательно их добить. И подразнить Хому.

— Куда пойдем? По магазинам? — спросил Вова.

— А может, в парк аттракционов? — предложил Сева.

— А нельзя ли пойти на футбол? — робко попросила Халимар. — Я так люблю футбол, а Хома никогда меня не берет с собой.

— На футбол?! Ты увлекаешься футболом?! — восторженно воскликнули дуэтом Вова и Сева.

— Хома! Тебе досталась идеальная невеста! Цени! — посоветовал Вова.

На стадионе Халимар вела себя так, как будто была фанаткой футбола. Иными словами, вела себя безобразно: визжала, подпрыгивала, хлопала в ладоши, свистела, размахивала в воздухе какой-то вещичкой, удивительно напоминающей женское нижнее белье. Кричала: «Черноморец» — лучше всех, ждет тебя всегда успех», «Судью на мыло!»

«Во дает, — думал Хома. — Как вошла в роль. Ей бы актрисой быть, а не джинном».

— Хома, я совершенно искренне люблю футбол. Вспомни о Шотландии! Там обожают гольф и футбол. А я обожаю Шотландию, — шепнула ему на ушко Халимар.

— А на счет актрисы я подумаю, — громко сказала она. — Засиделась я у тебя в домработницах. Пора мне карьеру делать.

— Сиди уже, карьеристка!

После игры Халимар заторопилась домой.

— Хома, если хочешь, можешь еще прогуляться с друзьями, пива выпить. А мне домой пора. Мне еще борщ варить, холодец, вареники, пельмени, зразы, мититеи, бефстроганов, рагу. Чем я тебя кормить буду, когда ты домой придешь голодный? И еще мне белье стирать, крахмалить, гладить.

— Да, — согласился Хома. — И не забудь картинку «Ангелы поют рождественские псалмы» крестиком вышить.

— Хорошо, что напомнил. Я из-за штопанья твоих носок не успеваю заняться изящным рукоделием.

Халимар сердечно попрощалась с друзьями и отправилась к остановке троллейбуса.

Друзья атаковали Хому.

— Ну, Хома, колись! Где девчонку такую нашел? — спросил Вова.

— Может, у нее подруга есть или сестра? — предположил Сева.

— Да, есть у нее четыре сестры, — признался Хома.

— Наверное, какие-нибудь страшилки? — спросил Вова.

— Почему? Очень похожи на Халимар, — сказал Хома. — И внешне, и характером.

— Так познакомь! — взвыли друзья.

— Не советую, друзья, не советую. Другой мир, другие законы, — заметил философски

Хома.

— Она мусульманка? — догадался Вова.

— Не знаю. Скорее нет, чем да. Долго объяснять. Поверьте, что я просто не могу вас с ними познакомить. Далеко они очень.

— Вот так друг! Не хочет с классными девчонками познакомиться! — обиделся Сева.

— Да замужем они! — догадался, что надо сказать, Хома. — И мама ее замужем, и бабушка замужем.

Вспомнил, что и мама и бабушка Халимар вполне могли сойти за невест в мире людей.

— А мама и бабушка при чем? — удивились друзья.

«Если бы вы увидели маму и бабушку, — подумал Хома, — вы бы таких глупых вопросов не задавали!»

Друзья сидели в баре и пили пиво.

— Классно тебе, Хома! Придешь домой, а Халимар тебе холодец с пельменями на подносе! — позавидовал Вова. — А Инна врала, что ты сохнешь по ней и даже пьянствовать начал.

— Женщинам верить нельзя, — заметил Сева. — Все они обманщицы. Кроме твоей Халимар, конечно!

Дома Хома набросился на Халимар:

— И зачем ты устроила перед моими друзьями весь этот цирк?

— Какой цирк? Не понимаю!

— Зачем ты сказала, что мы с тобой живем, как муж и жена? Что ты пашешь на меня, а я на тебе жениться не хочу?

— Это правда! Я пашу на тебя, я твой джинн! Что я сказала не так?

— Все не так!

— Нет! Пусть лучше твои друзья думают, что ты страдаешь, ни с кем не встречаешься, что у тебя совсем нет идеальной невесты! Да?

— Наверное, ты права. Прости, — тихо сказал Хома.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин, — сердито ответила Халимар. — Осталось двадцать!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ: УХОДЯ, УХОДИ

— Инна, привет! — Вова встретил девушку в супермаркете.

— Привет! Как дела? — кокетливо спросила она.

— Вчера у Хома были.

— Ну, и как он? Очень страдает?

— Да, очень. Переживает, что, наверное, придется скоро расстаться со своей холостой жизнью!

— Как это понимать? — спросила Инна.

— Буквально. Девушка у него появилась, я таких красивых еще не видел.

— Не может быть! Ты сочиняешь! — сразу забыв о своей кокетливой манере общения, закричала Инна. — Еще и месяца не прошло, как я от него ушла! А он себе уже другую нашел? Я не верю! Вы сговорились.

— Как хочешь! Не верь. Можешь сама у него спросить. Только мы когда к нему вчера пришли, он с девушкой был. Она вела себя так, как будто они уже женаты. Как стала нас угощать! Все у нее такое вкусное, язык проглотишь. Я до сих пор еще помню этот стол!

— Какая-то уродка, раз хорошо готовит! Надо же ей хоть чем-то мужчин покорять, — предположила Инна.

— Я же сказал тебе: красивая девушка. Я еще в своей жизни такой не видел! То есть, прости, она так же красива, как и ты! Вернее, ты, конечно, в сто раз красивее, но она тоже ничего.

— Врешь! Врешь, потому что ты друг Хома. Вы сговорились! Он не хочет со мной помириться, потому что я сказала... Не важно, что я сказала! Я тебе не верю!

Инна разозлилась и, не попрощавшись, развернулась на каблучках и вышла из магазина. Высоко подняла свою хорошенькую головку и гордо застучала каблучками. Синими. На ней были любимые туфельки Хома, темно-синие, на шпильке.

«Да как он посмел! Полгода встречались. Еще даже месяц не прошел, как мы расстались!»

Обида переполняла ее сердце. Она уже забыла, что сама бросила Хома. Забыла, что когда они встречались, Хома делал для нее все только хорошее, ни разу не обидел ее, а она так его оскорбила. Он всегда был нежным и внимательным, ни на одну девушку не посмотрел никогда.

«Зачем я его бросила? Где я себе такого парня найду? Чтобы и красивый, и верный! Эти мужики такие мерзкие, чуть красивее от обезьяны, а уже у него, кроме жены, подружка на стороне! А Хома такой парень чистый! Зачем я его бросила? Денег маловато, так он же еще совсем молодой. Раскрутится когда-нибудь, не вечно же он в охранниках будет ходить», — думала Инна.

Бывшая девушка Хома не поверила тому, что услышала от его приятеля. Она решила, что парни просто сговорились, чтобы ее подразнить. Хома, наверное, мечтает, чтобы она к нему поскорее вернулась. Да и она сама уже не против. Эти женатые старички не очень спешат с денежками своими расставаться. И молодую подружку хотят иметь, и чтобы

поменьше на нее потратиться. Жена и детишки тоже требуют денежек!

Инне всегда казалось, что у нее всего мало. Была единственной дочерью у родителей. «Вы мне мало внимания уделяете!» — бросала родителям, когда папа пытался обнять маму.

— Вы свою Иринку больше любите! — плакала-рыдала Инна, когда видела бабушку и дедушку с другой внучкой, дочерью маминой родной сестры.

Родители никогда и ничего для дочери не жалели. Одна дочка, все только для нее! Одевалась модно, во время каникул обязательно поездка куда-нибудь. Дружила Инна только с девочками из состоятельных семей. А когда подросла, стала по такому же принципу мальчиков себе выбирать. Если сам ничего из себя не представляет, значит, папа или мама хорошую должность занимают. Или просто денег у них много.

Интересоваться противоположным полом Инна начала очень рано. Уже в седьмом классе она встречалась с мальчиком. С девочками дружить неинтересно: подруга не будет нести твою сумку с учебниками, не будет ждать сорок минут у подъезда, пока ты ногти красишь или волосы феном высушишь.

Сначала Инна встречалась с сыном директора школы. Потом директора поменяли. Мама Игоря не могла занимать эту должность по состоянию здоровья, а Инна больше не могла оставаться подружкой Игоря. Ведь теперь его мама стала самой обычной учительницей.

У Инны появился новый мальчик.

— Мама! — рассказывала Инна дома. — Если бы ты только видела, какая мебель у него в квартире! А мама кушать готовит в таком платье, что и в театр можно надеть!

Потом у папы мальчика что-то с бизнесом не заладилось, квартиру поменяли на маленькую, мама работать пошла на рынок, керамическую посуду продавать.

— Инна! Ты почему не здороваешься? — спросила как-то мама уже бывшего приятеля, когда Инна в очередной раз прошла мимо, не поздоровавшись.

— Ой, а я вас в таком виде просто не узнала! Вы в домашнем платье моложе были! — честно сказала Инна.

Потом у нее появился новый мальчик. Его папа был владельцем крупной строительной компании. С этим мальчиком Инна встречалась, пока не узнала, что мама мальчика в разводе с богатым папой.

Наконец Инна познакомилась с сыном командира части. Но часть расформировали, командир стао пенсионером, а его сын — сыном пенсионера. Вот так девочке все время не везло.

— Ну, хоть куда-нибудь! — просил папа. — Получишь диплом — потом делай, что хочешь!

— Не хочу себе наукой голову забивать. Я и без диплома себе мужа найду.

Вот тут впервые папа проявил характер, чего, к сожалению, раньше никогда не делал.

— Не хочешь учиться — иди работать! А бездельничать я тебе не позволю.

Сначала Инна работала в баре официанткой. Так уставала! А состоятельные мужчины приходили со своими подружками, а на Инну смотрели, только как на официантку. Полночи не спишь, не высыпaeшьcя, плохо выглядишь, глаза красные — так работалось Инне. Косметику вовремя не смоешь — кожа портится. Да и накурено в баре всегда, а это плохо для цвета лица.

С внешностью Инне повезло. Фигура красивая, высокий рост, волосы здоровые и блестящие, черты лица такие, что и без макияжа была она красавицей. А если еще

подкрасится! Такую красоту беречь надо, чтобы подороже мужчине своей мечты продать.

Из бара Инна уволилась. Мамина подруга помогла ей устроиться секретарем в небольшую фирму.

Сидит Инна, ногти свои ухоженные пилочкой массирует.

— Инна, почему не работаешь? — спрашивает ее шеф.

— А у меня компьютер завис! Я не знаю, что с ним делать!

А компьютер вовсе и не завис. Просто Инна не потрудилась даже элементарные курсы пользователей закончить. На этом ее карьера секретаря и прервалась.

Потом Инна устроилась в супермаркет. Сначала в отделе стояла. Консультантом!

— Что вам подсказать? Что хотите выбрать? — назойливо спрашивала покупателей.

Ноги очень уставали к концу рабочего дня. Когда освободилось место кассира, Инна пошла, не раздумывая. Все-таки сидячая работа!

Работать кассиром Инне понравилось. Самое главное, что всегда на виду. За день столько мимо нее людей проходит! Так ее и Хома заметил. Пришел себе что-то на ужин купить, смотрит, а на кассе девушка красоты неопиcуемой. Хома с разгону:

— А что вы после работы делаете?

Она ему в ответ только улыбнулась, головой повела слева направо, а сама в пакет небольшую записку бросила.

Пришел Хома домой, он тогда еще в центре жил, достает продукты, а в пакете записка. Номер телефона. Хома сразу же и позвонил.

В тот же вечер и встретились, долго гуляли по городу. Ноябрь был теплый и мягкий, как будто не ноябрь совсем, а апрель заблудился, не в свое время пришел.

Понял Хома, что сразила его кареглазая брюнетка наповал. У Хома из родственников никого, ему уже хотелось семью завести. Мечтал встретить девушку добрую, душевную, чтобы жениться. Он о своих планах Инне на первом же свидании рассказал. Рассказал, что сам живет, что никого у него нет, и квартиры своей пока нет. Вера Инны в то, что принц уже где-то в пути, пошатнулась к тому времени. Вот она и стала с Хомой встречаться.

«Сколько я могу одна быть? — подумала она. — Пусть хоть Хома будет. Все же лучше, чем совсем никого!»

А Хома поверил, что Инна в него влюблена. Он очень бережно относился к своей подружке, старался ее никогда не обижать. Все свои деньги, которые у него оставались после расчета за квартиру, тратил на нее. Конечно, многого он не мог себе позволить, бриллианты не покупал, но кино, ночной клуб, ужин в ресторане, букет тюльпанов среди зимы — это пожалуйста.

Как-то к кассе подкатил дяденька солидный с тележкой. Инне долго пришлось его обслуживать, так много он всего набрал.

«Бобла не меряно», — подумала Инна и улыбнулась мужчине. Мужчина улыбнулся в ответ. На следующий день снова пришел. Купил уже всего поменьше, но Инне оставил маленькую, но дороговую коробку конфет. Дня через три мужчина появился снова. Теперь, рассчитываясь на кассе, он протянул Инне вместе с деньгами свою визитку. Инна молча взяла и улыбнулась.

«Вот то, что мне нужно, — подумала она. — Богатый, солидный. За такого и замуж можно. Этот не заставит свою жену на работу ходить, сам зарабатывать будет».

В тот же вечер Инна отказалась от прогулки с Хомой. Сказала, что плохо себя чувствует, а сама встретилаcь с дяденькой солидным. У того квартира хорошая, домик в

пригороде на три этажа, машина, бизнес. Одного только нет — такой красивой девушки, чтобы понимала его тонкую душу.

Один раз сказала Хоме, что больна, другой раз. Пришел Хома навестить больную, а ее дома нет.

— К подружке пошла, — сказала мама.

— Что же вы ее больную отпустили? Пусть бы лечилась! — волновался Хома.

В следующий раз пришел — ее снова нет, снова к подружке ушла.

Наконец Инна сама к Хоме пришла. Долго думала, как бы ему все объяснить. А перед этим у себя на работе услышала, как две молодые женщины разговаривали. Запомнила такую фразу: «Если мужика хочешь от себя отшить навсегда, оскорби его мужское достоинство. Это для них самый больно удар, они такого не прощают».

Инна хорошо запомнила, что услышала. Пришла к Хоме и с разгону ему:

— Я не хочу с тобой встречаться, потому что у тебя...

Хома побледнел, лоб у него покрылся испариной. Он встал, открыл шкафчик, достал оттуда синий шарф, подаренный Инной в День Валентина. Подошел к Инне, уверенным движением вложил этот ее единственный подарок ей в руки и решительно указал на дверь. Ни слова не проронил. Инне даже как-то обидно стало, она ждала упреков и слез. А Хома просто выставил ее за дверь.

Мужчина тот солидный оказался женатым. И жена у него не старуха какая-то, а молоденькая девчонка чуть старше Инны. Просто она как раз в Ницце была с подружкой, они там культурно отдыхали без мужей.

Решила тогда Инна с Хомой помириться. Пришла к нему на работу. Ждала, что позвонит. Другой раз пришла в его любимых туфельках на шпильке. Уходила, так старательно бедрами вертела, знала, что смотрит вслед. Не позвонил. А сейчас вот друг его сказал, что у Хома девушка есть.

«Не может быть! Не мог Хома так быстро себе девушку найти. Он после моих слов теперь долго на девушек смотреть не будет».

Решила действовать решительно.

Хома стоял у входа в магазин и тупо смотрел на входящих и выходящих людей. Он ни на кого конкретно не смотрел, никого не видел. Он бы и ее не увидел, если бы ни эти синие туфли на шпильке. Туфли остановились рядом с ним.

— Хома!

— Да?

— Привет!

— Привет!

— Говорят, ты себе подружку завел?

— Заводят кота. Если тебя это интересует, у меня действительно есть девушка.

— Врешь!

— ...

— Ты специально врешь мне, чтобы отомстить. Никого у тебя нет! Ты меня любишь!

— Инна, — тихо сказал Хома. — На нас смотрят. Я на работе. Хочешь поговорить — приходи к восьми.

Это уже было похоже на примирение. Инна не могла дождаться, когда же пройдет этот час. К восьми она стояла у магазина и ждала Хому. Вот и он! Высокий, стройный, красивый, чистый, порядочный парень. Зачем она его бросила?

— Ты хотела поговорить? — устало спросил он. — Давай присядем, я целый день на ногах.

Они нашли свободную скамейку. Инна молчала, она обдумывала, как ей убедить Хома вернуться.

— Инна, чтобы у тебя не было никаких иллюзий, скажу сразу: нашим отношениям пришел конец. Признаюсь, мне было очень больно, когда ты меня бросила. Но ты сама этого хотела. А сейчас у меня есть другая девушка. Она... Она необыкновенная. Ты никогда не сможешь стать для меня тем, кем стала она. Я не хочу тебя обидеть, ты хорошая девушка, но то, что я тебе сказал — правда. И больше не пытайся меня вернуть, я никогда не смогу забыть, что ты сказала мне, когда уходила. Все. Мне очень жаль, но у нас ничего не получится. Прощай.

«Какое унижение! Как он посмел! Ты еще плохо меня знаешь, Хома! Ты еще меня узнаешь!» — думала Инна, и все кипело у нее внутри от обиды.

Хома встал и ушел. Инна сразу и не заметила, как на скамейку рядом с ней кто-то опустился.

— Как он посмел! — сказал мужчина, севший на то место, где только что был Хома.

— А вы все слышали? — спросила Инна.

— Слышал ли я? Я возмущен не меньше вас! Как можно так обращаться с девушкой? Он еще будет жалеть об этом! — сказал мужчина.

— Да, пожалеет! Он еще умолять будет меня, чтобы я вернулась к нему! — вдруг разрыдалась Инна.

— Ну-ну-ну... Не надо, — мужчина достал из кармана платок и стал заботливо вытирать Инне нос. — Не стоит так расстраиваться. Ни один мужчина не стоит твоих слез! Он еще пожалеет об этом!

Инна заметила, что мужчина перешел на «ты».

— Да, — повторила она послушно, — он пожалеет.

— Он будет умолять о прощении! — сказал мужчина.

— Да, он будет умолять! — повторила Инна.

Плакать ей уже совсем не хотелось. Мужчина, сидевший рядом, был молодой и красивый. Инна кокетливо улыбнулась.

— А хочешь, чтобы он кровавыми слезами умылся за то, что обидел тебя? — спросил злобно мужчина.

— Кровавыми слезами? Нет, кровавыми слезами не хочу!

Мужчина понял, что перегнул палку. Как бы ни была обижена девушка, но ей совсем не хотелось заставлять своего бывшего парня кровавыми слезами.

— А хочешь, чтобы он понял, что был не прав? Хочешь, чтобы он на коленях приполз к тебе и умолял, чтобы ты помирилась с ним? — предложил собеседник.

— Хочу! Хочу! Хочу! Чтобы он приполз ко мне на коленях! Чтобы умолял простить! Чтобы захотел сам ко мне вернуться, а я его чтобы отвергла! Вот чего я хочу!

— Я могу тебе помочь, — быстро сказал мужчина.

— Вы? А как? — спросила Инна.

— Это уже мое дело. Но для этого ты должна под любым предлогом обыскать его одежду и найти зеленую бутылочку. Найдешь бутылочку — будет Хома у твоих ног.

— А что я должна делать с бутылочкой? — спросила Инна.

— Ничего. Ты находишь ее, приносишь мне, а я уже делаю все, что необходимо, —

объяснил мужчина.

— Вы такие вещи рассказываете странные! Какая-то бутылочка! Почему я должна вам верить?

— Потому, что я единственный, кто может помочь тебе. Не веришь? Хочешь, я скажу, почему Хома злится на тебя? Ты сказала ему, что у него...

— Не надо об этом!

— Тебе стыдно вспоминать? А знаешь, почему он не захотел к тебе вернуться? Ты думаешь, из-за твоих слов? Нет! Виновата девушка, которая живет у него! — объяснил мужчина.

— Так это правда? — воскликнула Инна. — У него есть девушка.

— Да. И эта девушка мешает вам помириться. Я могу сделать так, что та девушка уйдет от Хома навсегда и забудет о его существовании. И тогда Хома приползет к тебе за прощением! А ты сама решишь, прощать тебе его или нет. Хочешь этого?

— Хочу! Что я должна сделать?

— Бутылочку! Ты отдашь мне бутылочку, а все остальное сделаю я!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ: «ЗА БУЙКИ НЕ ЗАПЛЫВАТЬ!»

— Хома! Почему ты не хочешь снова заняться живописью? — спросила Халимар. — Мечты должны сбываться!

— Нет, наверное, это все не мое!

— Тем не менее, все твои работы находятся сейчас в частных коллекциях. Ты можешь собой гордиться! Создай что-нибудь в том же духе! — посоветовала Халимар.

— Нет! Снова котов и траву? Не хочу!

— Если за это платят, почему не хочешь? — удивленно спросила Халимар.

— Ах, Халимар! Не в деньгах счастье! — повторил Хома фразу, известную ему уже много лет.

— Такое выражение могут себе позволить лишь те люди, которые на себе испытали изобилие денег. Я, например. Люди, имеющие много денег, понимают, что счастье не в них. Но тебе рано об этом рассуждать, у тебя еще нет многого, что можно приобрести за деньги. Работай, Хома, трудись!

— А как же философы, которые отказывались полностью от материальных благ, чтобы посвятить себя созерцанию мира? — вспомнил Хома.

— У таких философов не было детей, которых они обязаны были кормить. И у них не было таких очаровательных жен, которым надо было покупать одежду и украшения.

— Но ведь не все философы были холостяками!

— Нет. Но счастливым без денег может быть только философ-холостяк. Ты не философ, и уж тем более, не собираешься всю жизнь быть холостяком. Тебе нужны деньги. Ты должен писать картины, чтобы я их продавала.

— У меня нет вдохновения.

— Так летим за вдохновением в Страну Свободных Джиннов! — предложила Халимар.

— А может, просто сходим на пляж? Люди приезжают ото всюду, чтобы ходить на море, а мы живем здесь, а еще ни разу не были на пляже!

— Пешком? К морю? Нет. Я лучше слетаю к маме с папой. Если ты со мной не хочешь, можешь тащиться на свой пляж, — сказала Халимар.

— Во-первых, моего пляжа у меня нет, я пойду на общественный. А во-вторых, если я захочу, ты тоже пойдешь со мной. А мама с папой подождут, у них целая вечность впереди. А вот лето ждать не будет: придет, побалует немного нас теплом — и снова осень-плакса за окном.

— Ого! Ты как белый джинн!

— И чем это я тебе вдруг напомнил белого джинна? — удивился Хома.

— Белые джинны любят рифмовать. У нас даже состязания такие проводятся. Предлагается общая тема, джинны ведут диалог, но в стихотворной форме. Побеждает тот, чья реплика последняя.

— А я тебе чем напомнил белого джинна?

— Придет, побалует немного нас теплом — и снова осень-плакса за окном! — повторила Халимар.

— Ну, и что? — не понял Хома.

— Так это же стихи!

— Какие же это стихи? Ты читала стихи... э-э-э... Пушкина? Вот это стихи!

— А ты знаешь кого-нибудь еще, кроме Пушкина? Пушкина я читала. Пушкина любят все джинны.

— Что, он тоже творил с вашей помощью, хочешь сказать? — недоверчиво спросил Хома.

— Нет. Но у него какой-то очень дальний предок был джинном.

— Врешь!!! Об этом нигде не написано!

— Если не написано, значит, неправда. А если написано, значит, правда. Логика железная. Тогда я напишу об этом в своем учебнике, и ты мне поверишь, — пообещала Халимар.

— Ты идешь со мной на пляж? — вспомнил Хома.

— Нет. Я за мамой соскучилась. Я в ССД полечу.

— Мы там были совсем недавно. Как ты могла так быстро соскучиться за мамой? Тебе же не три года!

— Не три. Но она моя мама, — печально сказала Халимар.

— Хватит притворяться. Я, твой господин и повелитель, требую, чтобы ты пошла со мной на пляж. Чтобы на тебе был красный купальник и светлый сарафанчик. Коротенький, чтобы были видны твои красивые ножки, и...

Ладно! Двадцать минус один — девятнадцать. А красный купальник — это еще минус один. Восемнадцать. Что там еще у тебя? Сарафанчик? Это еще минус один. Остается семнадцать. Будут еще желания?

— Ну, и хитрюга же ты, Халимар! Три желания списала с меня! А могла бы просто составить мне компанию.

— Просто так я могу повезти тебя в Страну Свободных Джиннов. Или в Шотландию. А на ваш пляж — только за три желания.

— Не надо нападать на наши пляжи. Конечно, до золотых песков, лазурных берегов еще им далеко...

— ... как до небес, — подсказала Халимар.

— но и у нас ты можешь порезвиться в шелковой воде и ласковому солнцу свой тугой подставить пресс.

— Ты опять?

— Я не виноват, само вырвалось!

Хома и Халимар, взявшись за руки, спустились к морю. На ней был легкий сарафанчик бледно-желтого цвета, точно такая же панамка, а на ногах — красивые золотые туфельки, с длинными-предлинными носками, загнутыми кверху.

— И как ты собираешься плавать в обуви? — спросил Хома.

— Очень просто. Вверх ногами.

— Я бы еще одно желание отдал, чтобы такое увидеть, — необдуманно сказал Хома.

— Принимаю. Семнадцать минус один — шестнадцать!

Халимар на ходу сбросила с себя халатик, панамку, разбежалась и плюхнулась в воду. На поверхности воды остались только ступни в золотых туфлях. Эта картина привлекла внимание многих отдыхающих: по воде быстро передвигались золотые туфельки. Сначала они домчались до буйков, там остановились, полежали немного на поверхности воды — и быстро за буйки!

На спасательной станции объявили: «Девушка в золотых туфельках! За буйки заплывать запрещено!»

Туфельки вернулись обратно. Теперь они мчались вдоль моря то влево, то вправо так быстро, что Хома едва успевал следить за ними. И не только Хома, многих привлекло это необычное зрелище. А Халимар долго не показывалась из воды, все плавала вниз головой. Наконец Хома не выдержал.

— Халимар! — закричал он. — Прекрати это безобразие!

Туфельки остановились, из воды показался один палец Халимар. Этот жест означал, очевидно, что у Хома осталось на одно желание меньше. После этого туфельки плавно направились к берегу. Когда ноги уже были на песке, поднялась из воды и вся Халимар во всей своей красе, с мокрыми волосами. Она открыла рот, но Хома ее опередил:

— Шестнадцать минус один, я все понял, я тоже умею считать. Ты хочешь поскорее удрать от меня в свою ССД.

— Нет! Я просто хочу, чтобы ты поскорее понял, что для тебя в жизни важнее всего. И пока я еще здесь и могу тебе помочь — сделай выбор! — объяснила Халимар. — Выбор, Хома, делай выбор!

Теперь Халимар лежала на горячем песке и наблюдала, как Хома пытается повторить ее фокус. Он плавал, выставя кверху пятки, погружаясь в воду с головой. Но долго так плавать не мог, потому что ему, в отличие от бессмертного джинна, кислород требовался постоянно. Затем он доплыл до буйков, нормально, с головой на поверхности воды. Стал плескаться там, на глубине, как счастливый дельфин. Или как Эван, малыш из Лох-Несского озера, когда к нему прилетала с круассанами Халимар.

Халимар сидела на песке и ждала Хому. Волосы у нее уже высохли и были ровными и гладкими, хотя к ним и не притрагивалась расческа.

Наконец Халимар не выдержала одиночества. Она ступила на воду своими золотыми туфельками и зашагала по морской глади. Все отдыхающие ахнули! На спасательной станции сразу же объявили:

— Девушка в золотых туфельках, идущая по воде! Не вздумайте заходить за буйки!

Чудеса чудесами, это ваше личное дело. Главное, чтобы правила не нарушались. Халимар повернулась лицом к спасательной станции и помахала рукой. Дошла по поверхности воды до буйков, а дальше — ни-ни!

— Хома! Мне надоело сидеть одной на песке. Я пришла к тебе! — радостно сказала

Халимар.

— Что ты людей пугаешь! Смотри, как на тебя все уставились! Полпляжа на тебя смотрит!

— А почему только полпляжа? — удивилась Халимар.

— А другая половина спит. Поэтому тебя не видит, — объяснил Хома.

— Безобразие! Они спят! Надо немедленно всех разбудить! — решила Халимар.

И тут же в небе, в ясном небе сверкнула молния, и послышались раскаты грома. Мрачные тучи мгновенно затянули небо, закрыли солнце. Капли дождя смешивались с морской водой, впитывались в горячий песок, стучали по телам отдыхающих. И только над Хомой и Халимар как будто был раскрыт невидимый зонт.

— Вот видишь! Все проснулись. Я же тебе обещала! — радостно восклицала Халимар.

— Зачем ты сделала это? Была такая чудесная погода! Ты испортила отдых стольким людям. И после этого ты смеешь называть себя белым джинном? — отчитывал девушку Хома.

— Хома! Ты серьезно считаешь, что дождь — моя работа? Ты мне льстишь! Я просто вовремя разглядела тучи, раньше других, и успела раскрыть над тобой зонт.

— Так это не колдовство? — недоверчиво спросил Хома.

— Нет, Хома! Это не колдовство! Это просто летний дождь, — ответила Халимар. — И скоро он прекратится, и снова солнце покажется из-за туч.

Дождь действительно прекратился. Но к тому времени многие отдыхающие уже убежали с пляжа.

Халимар увеличила одну золотую туфлю, превратив ее в двухместную лодку. Вытащила из воды мокрого Хому. За сухое полотенце, пирожок и бутылку минералки списала с него еще три желания.

Итак, у Хомы осталось всего двенадцать желаний, а он еще ничего ценного для себя не попросил.

— Халимар! Ты не джинн! Ты реализатор с рынка «Привоз»! — сказал девушке Хома. — Желание за пирожок! Угостила бы бесплатно!

— Но я же с тебя денег не беру, — возразила Халимар. — Кстати, а почему ты не попросишь у меня богатство? Обычно именно с этого все и начинают общение с джинном.

— Я не все! Я у женщин денег не прошу. И вообще, я ничего не прошу.

— Я заметила! И поэтому у тебя из тридцати трех осталось одиннадцать желаний, — печально подвела итог Халимар. — Всего одиннадцать желаний осталось мне исполнить — и я навсегда умчусь в заоблачную страну!

Хома молча слушал девушку.

— Всего одиннадцать желаний осталось мне исполнить! Всего одиннадцать желаний! Наконец до Хомы дошло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как одиннадцать?! Оставалось же двенадцать!

— А ты разве не хочешь меня поцеловать? — хитро спросила Халимар.

— Хочу! Конечно, хочу! — быстро купился Хома.

— Так что же ты сидишь, как каменная баба у археологического музея? Действуй!

— Ты с меня желания снимаешь, а я должен действовать? Действуй сама!

— Ты прав, Хома! Я сама поцелую тебя, даже трижды, — она поцеловала Хому в обе щеки, трижды, по старинной русской традиции.

Затем она достала откуда-то из воздуха свои старые допотопные счеты, что-то там перекидывала с одной стороны на другую, а потом обратно. Шептала над ними, якобы что-то подсчитывая.

— Итак, осталось восемь, — сказала вслух.

Хома понимал, что его обманывают, но молчал.

«Ничего! Пусть развлекается! Отольются кошке мышьи слезки!» — подумал Хома.

— Так что ты там хотел, мышоночек мой? — ласково спросила Халимар.

— Вот, досада! Постоянно забываю, что ты умеешь читать мои мысли!

— У меня то же самое: я постоянно забываю, что ты не умеешь читать мои. А сам догадаться ты не можешь, потому что ты, Хома... Но мне велено тебя не обзывать.

— Может, пойдем домой? И я попытаюсь прочесть твои мысли? — предложил Хома.

— А может, дождемся ночи и полетаем под звездами над городом? — предложила Халимар.

— Тоже неплохая идея! — согласился Хома.

Они плавали в золотой лодке очень долго, пока солнце полностью не скрылось за горизонтом. В небе показалась луна, и лодка Халимар направилась прямо по лунной дорожке.

— Ну, что? Полетим? — тихо спросила Халимар.

— Полетим! — согласился Хома.

Лодка оторвалась от поверхности воды и застыла в воздухе. Какое-то мгновение повисела над морем, а потом медленно поплыла по небу туда, где светились огни города.

— Зачем лететь в Страну Свободных Джиннов? Здесь тоже можно очень мило отдохнуть.

— Ага, — недовольно проворчал Хома. — Если бы я знал, что поход на пляж мне будет так дорого стоить, я бы лучше согласился навестить твоих маму и папу!

— Вот так, Хома! Слушайся меня всегда!

— Ага! Слушаю и повинуюсь! — пошутил Хома.

— А тебе идет быть джинном, — нежно шепнула ему на ушко Халимар.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ: ОСТОРОЖНО: ЖЕЛАНИЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ!

Хома не погладил себе с вечера одежду. Вернулись с пляжа очень поздно, хотелось спать, и он оставил это малоприятное занятие на утро. А утром Халимар еле стащила его с постели.

— Вставай! Опоздаешь на работу, а обвинять будешь меня, — сказала Халимар.

— А кого же еще? Кто гонял над городом полночи в одной туфле? Прилетели бы домой, поужинали по-семейному. У меня, кроме вчерашнего дорогого пирожка, во рту еще ничего не было! — пожаловался Хома.

— Поглощение пищи — это не единственное удовольствие, которое можно испытать, — заметила Халимар.

— Не единственное! — согласился Хома. — Но если выбирать между ничем и едой, я выбираю еду!

— А тебе не понравился наш полет над ночным городом? — спросила Халимар.

— Понравился. Только из-за этого затянувшегося полета я не погладил себе одежду.

— Не вижу трагедии. Надевай!

Хома послушно надел выстиранные и пересохшие брюки и рубашку. Халимар погладила рукой его по спине, груди, рукам и ногам. Одежда стала идеально отутюженной. Халимар схватила Хому двумя пальцами за нос, как это делают заботливые мамочки, чтобы проверить, сухо ли у малыша под носиком. Поцеловала его в щечку, развернула лицом к выходу и подтолкнула сзади коленкой.

— Придам ускорение, чтобы на работу не опоздал, — объяснила она.

— Ты не пойдешь со мной? — спросил Хома, совершенно не удивившись: Халимар все чаще оставалась дома, когда он уходил на работу.

— Нет. Я буду ждать тебя дома. Ты уже большой мальчик, не заблудишься.

Хома ушел. Халимар легла на его диван и уткнулась лицом в его подушку. Подушка пахла Хомой. Халимар любила этот запах, больше всех остальных запахов мира. Она любила Хому. Если бы он умел читать ее мысли, то давно бы понял, что ей совсем не хочется улетать в Страну Свободных Джиннов.

«Я не могу улететь, пока не сделаю тебя счастливым, — мысленно разговаривала с Хомой Халимар. — А ты сам еще не знаешь, что тебе нужно для счастья. Никак не можешь ту девушку забыть, что тебя бросила. Сколько раз я находила в твоих мыслях воспоминания о ней! Может, это просто обида на нее осталась? А то, что ты все время хочешь меня поцеловать, еще ни о чем не говорит. Я ведь такая красивая! Как можно не хотеть меня поцеловать?»

В дверь квартиры постучали. Еще не открыв, Халимар уже знала, кто пришел.

— Здравствуйте, — сказала Инна, бывшая девушка Хомы.

— Здравствуй, — ласково ответила Халимар. — Ты, наверное, к Хоме? Ты Инна, его подруга! Он рассказывал мне о тебе. Я именно такой тебя представляла! Он так много о тебе говорил, все собирался нас познакомить!

— Да? — обрадовалась Инна, что не придется самой ничего выдумывать. — Да, я его подруга. Вот, пришла навестить. А он на работе.

«Да, он на работе. И ты прекрасно знаешь это, потому и пришла», — подумала Халимар.

— Да. Жаль, что ты не застала его, — сказала она вслух, — он все время о тебе рассказывает. У меня такое чувство, что мы с тобой уже давно знакомы. Я тебя именно такой и представляла. Даже эти туфельки синие!

— Хома так много рассказывал обо мне?

— Да, ты же его единственная подруга. Да еще я. Хотя я больше родственница, чем подруга. Вот скоро мы с Хомой поженимся, и у нас появятся новые родственники.

— Новые родственники? — спросила Инна.

— Ты не догадываешься? Новые родственники — это же дети! Мы с Хомой решили, что детей у нас будет не меньше пяти.

— Вот как? И где же вы собираетесь жить с такой оравой?

«Зачем я с ней так долго болтаю? — подумала Инна. — Такая глупая девушка, наверное, приехала из какой-то глуши. Она сама мне сейчас бутылочку отдаст. Я не думала, что все так легко будет! Я отнесу бутылочку Ибрагиму, а он устроит так, что Хома меня умолять будет, чтобы я к нему вернулась».

Инна думала. Она не слышала, что говорила ей Халимар. Вдруг одно слово вывело ее из раздумий.

— Наследство? Хома получил наследство?

— Ты что-то о бутылочке сказала? — спросила ее Халимар.

«Неужели я произнесла это вслух?! О, Боже! — подумала Инна. — Что же я еще вслух сказала?»

— Да, я забыла у Хомы свою бутылочку. Мне она дорога, как память. Мне ее один парень подарил.

— А, ты хочешь бутылочку свою забрать! У Хомы их много! Я только хотела их все выбросить. Ты вовремя успела.

Халимар открыла ящик комода. В нем было множество бутылок, бутылочек, флаконов, пузырьков. Все они были зеленого цвета.

«Как же я выберу то, что нужно Ибрагиму? Он не сказал, какую именно. Сказал только, что зеленого цвета. А они все зеленые!» — подумала Инна.

Инна стояла перед комодом и готова была расплакаться.

— Не волнуйся ты так! Если ты не можешь узнать свою бутылочку, забирай их все! Я все равно собиралась их выбросить. Принесешь домой, а там посмотришь, какая из них дорога тебе, как память, — радушно предложила Халимар.

— Правда? — обрадовалась Инна. — Я могу все забрать себе?

— Забирай! Я даже сумку могу тебе дать для них.

«Какая наивная невеста у Хомы. Я не думала, что все будет так просто. Я отдам бутылочки Ибрагиму, он выберет ту, что ему нужно. Я свое слово сдержала, бутылочку раздобыла. Пусть теперь он выполняет свое обещание!»

Халимар достала из кухонного шкафа две большие клетчатые сумки.

— Вот! Бери сумки! Следующий раз придешь к нам в гости — вернешь. Я с ними на рынок хожу за продуктами.

Инне даже жаль стало девушку, которая на рынок за продуктами с такими огромными сумками ходит.

— Хоме зарплату повысили? — иронично спросила она. — С его деньгами на рынок можно с небольшим пакетиком ходить!

— Нет, не повысили. Я же тебе сказала, ты, наверное, о чем-то своем думала. Он наследство получил. У него дядя умер, а все свои деньги завещал Хоме.

— Правда? А чего вы тогда живете в этой дыре? — недоверчиво спросила Инна.

— А нам здесь нравится! Мы специально, чтобы не привлекать внимание. Никто не знает, что у нас денег полно. Я только тебе рассказала, ты ведь подруга. Хочешь, я покажу, сколько мне Хома украшений подарил?

Халимар достала шкатулку из холодильника. А в шкатулке — все ее украшения, которые она за секунду до появления гостыи с себя сняла.

— О! Какая роскошь! — восхищенно выпустила углекислый газ Инна.

Сейчас Халимар снова надевала на себя все украшения. Перстни, цепи, серьги, кольцо.

— Одно могу подарить! — пожалела Инну Халимар. — Только Хоме не говори. Он все равно не помнит, сколько он мне колец купил.

— Не скажу! Не скажу! — пообещала Инна.

«Любая вещь, подаренная джинном, может исполнить для человека любое его самое сокровенное желание. Если Инна действительно любит Хому, пусть возвращает его себе. Главное, чтобы он был счастлив», — подумала Халимар.

— Выбирай любое! — положила Халимар перед Инной все свои кольца, кроме папиного с сапфиром, ведь оно теперь принадлежало Хоме, так как было подарено ему.

— Какое дивное колечко! — Инна надела себе на пальчик кольцо с изумрудом. — Как Хоме повезло! Вот бы у меня был дядя!

«Вот и все. Дядя так дядя. Рождение ребенка в почтенном возрасте — это еще не беда. Могло бы быть и хуже», — подумала Халимар.

— А бутылочки просто так забирай! Их я тебе не дарю, просто так забирай! И сумки не дарю! Я бы подарила тебе еще что-нибудь, но ты думаешь не о том, что нужно.

Инна обрадовалась, что теперь у нее есть новое колечко. И бутылочки Ибрагиму принесет. Ей даже немного жаль стало девушку Хома.

«Теперь Хома ее бросит и будет снова со мной встречаться. Ну, ничего! Она красивая, хоть и не очень умная, найдет себе другого жениха. А все украшения, что Хома ей купил, забирать у нее не буду. Пусть радуется! А я себе новые куплю, еще лучше. У Хома теперь денег много».

Халимар выпроводила гостью. Теперь она знала, что Ибрагим так и не успокоился и не оставил их с Хомой в покое. Вот даже Инну нашел, велел ей бутылочку у Хома выкрасть.

«А девчонка все неправильно сделала. Она же не знает, что я джинн, что мне о ней все известно. Идет теперь с тяжеленными сумками по городу и радуется. Как Ибрагим повеселится, когда узнает, что я его разыграла! Оставил бы меня в покое уже! Знает, что я его не люблю. Сколько джиннов вокруг, а ему Халимар подавай!»

Ибрагим велел Инне выкрасть бутылочку у Хома. Но он не думал, что девушка помчится к Халимар! Он надеялся, что Инна попытается соблазнить Хому, а сама обыщет его одежду. Но Инна не последовала его совету. Когда Ибрагим увидел сияющую Инну с двумя огромными сумками, он сразу все понял. «Халимар развлекается», — подумал он.

— Ибрагим! Вот. Я забрала все. А вы ищите свою! А теперь выполняйте свое обещание! — потребовала Инна.

— Ты принесла мне этот хлам и хочешь, чтобы я выполнил твоё желание?! — в гневе спросил Ибрагим. — Глупая женщина! Зачем ты пошла к Халимар? Я велел тебе обыскать Хому!

— Она мне сама все отдала, — перепугано пролепетала девушка.

— Сама отдала? Вот сама теперь и лезь в бутылку!

В ту же секунду Инна исчезла. Теперь она сидела в темно-зеленой бутылке из-под пива.

— Выпустите меня! Спасите! — кричала девушка. — Я не хочу сидеть в бутылке!

В бутылке еще было несколько капель пива, сейчас эти остатки имели отвратительный запах.

Черный джинн взял бутылку в руки и стал наблюдать, как девушка барабанит маленькими кулачками по стеклу. Ему это показалось очень забавным!

— Неплохое развлечение! Спасибо, Халимар, за подсказку! У меня теперь будет много сосудов с такими людишками. Все будут плакать, умолять меня о пощаде! Что может быть приятнее, чем созерцать чужие муки?

Ибрагим шел по городу с двумя огромными сумками и загадочно улыбался. Он выбирал себе жертвы. Вот пожилая женщина вышла из салона красоты. Волосы ее были только что аккуратно уложены мастером, на руках — свежий маникюр.

— Старуха! Тебе ли о причёске думать? Посмотри на свое лицо, обезображенное морщинами! — злорадно молвил он.

Ему-то что? Он всегда будет молодым и красивым, не то, что эти жалкие смертные!

Женщина удивленно посмотрела на Ибрагима. Она еще никогда не слышала таких слов

ни от кого. «Больной человек», — сочувственно подумала она.

— Полежай в бутылку! — приказал Ибрагим.

В ту же секунду женщина оказалась в бутылке. Ей повезло больше, чем Инне. Ей досталась сухая и чистая посуда.

Старушка возмущенно застучала маленькими сухонькими кулачками по бутылке. Ибрагим рассмеялся.

— Стучи, стучи! Никто не услышит тебя! Только я знаю, как тебя освободить! А я этого делать не хочу!

Развлечение очень понравилось Ибрагиму. Он шел по городу с двумя огромными сумками. Нес их легко, как перышки, ведь он был джинном и мог с легкостью справиться с любым делом. Ибрагим присматривался к людям. Кого бы еще ему заточить в бутылку? Ему хотелось посадить к себе в сумку побольше стариков и старух. Эта часть человечества ему не нравилась больше всего. Седые, сгорбленные, морщинистые! Как можно быть такими и радоваться жизни? А они радуются, сидят на скамейках, беседуют, играют с детьми!

«Фу! Ненавижу стариков! Сейчас соберу их со всех скамеек, и в городе сразу станет лучше! Они портят вид!»

И мгновенно из парка исчезли все старички и старушки. Заплакали дети, потерявшие своих бабушек и дедушек. Но Ибрагиму было все мало и мало. Он увидел пожилого мужчину, который стоял посреди площади и кормил голубей прямо с руки.

— Иди в бутылку, старый болван! — грозно выкрикнул Ибрагим.

Старик даже не понял, что с ним произошло. Вместе с ним в бутылке оказались голуби и по-прежнему клевали у него с руки.

Ибрагим заметил пожилую женщину, кормившую маленького котенка. Она возвращалась домой с покупками, а у подъезда к ней подбежал бездомный котенок. Он просил, чтобы ему дали поесть. А может, чтобы ему дали приют. Добрая женщина поставила небольшую сумку, которая в ее возрасте была слишком тяжелой для нее, на скамейку, достала кусочек колбаски и угостила котенка. Так они вдвоем, старушка и котенок, оказались в плену у черного джинна.

Когда все бутылки, бутылочки, пузырьки и флаконы были заполнены пожилыми людьми, Ибрагим полетел к себе вместе со своей добычей. К себе — это в квартиру Аркадия, которая временно пустовала.

Ибрагим теперь жил в квартире один. Аркадий вернулся к своей бывшей жене. Жена не простила его и не хотела переезжать в его огромную квартиру, но выгнать его из своей тоже не могла: дочь была рада, что папа вернулся.

Новая жена Аркадия, теперь уже тоже бывшая, устроила свою жизнь. А большая пятикомнатная квартира Аркадия пустовала. Здесь обитал только черный джинн. Да и ему оставалось жить здесь совсем недолго: его ожидало скорое возвращение в Страну Свободных Джиннов. Он теперь мог находиться где угодно, в любой комнате, а не только в кабинете Аркадия. Для своей «коллекции» людей в бутылочках он выбрал гостиную. Расставил все заполненные сосуды на столе, развлекался тем, что кормил пожилых людей хлебными крошками. Обессиленные люди никак не реагировали на хлебный дождь. Они уже не кричали, не стучали кулачками по стеклу, не плакали. Они сидели молча в ожидании своей участи. Плакала только одна Инна. И ее Ибрагим не пожалел, он был очень зол на нее.

Халимар не знала, что натворил Ибрагим. Она думала, что ее бутылки Ибрагим уже давно выбросил в мусор или уничтожил, как это часто делают джины с разными ненужными

предметами. Иначе бы она сама уничтожила бутылки, не позволила бы заточить в них людей!

Хоме Халимар ничего не сказала о визите Инны. Зачем говорить? Тогда пришлось бы рассказать, что его бывшая возлюбленная связалась с черным джинном. И о том, что бабушка его бывшей девушки через несколько месяцев должна будет родить себе сыночка, Халимар тоже решила не говорить Хоме. Какое ему дело до Инны и всей ее родни?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ: ОХОТА НА АКУЛ

Страна Свободных Джиннов. Реальность или мечта? Все молоды, красивы, болезней нет, проблем никаких. Материальных, по крайней мере, точно нет. Ведь джинны могут абсолютно все создать, изменить, улучшить, приспособить подо что угодно. Нужно куда-то лететь? Пожалуйста! Перемещайся! Только представь то место, в которое тебе необходимо попасть. Хочешь лететь эффектно? Пожалуйста! Бери любой предмет, уменьшай или увеличивай его до необходимых размеров — и лети! Лети с любой скоростью. Хочешь — лети, как молния. Хочешь — наслаждайся полетом и приятным обществом, если летишь не один.

Хома и Халимар наслаждались полетом в золотой туфельке, увеличенной до размеров небольшой лодки. Раньше они летели быстро в Страну Свободных Джиннов. Сегодня их полет затянулся.

— Халимар! Почему мы летим так медленно? — спросил Хома.

— У тебя провалы в памяти, мой повелитель? Я объясняла тебе, что само путешествие не менее приятно, чем конечная его цель.

— Ты же ныла, что за мамкой соскучилась! На море со мной идти не хотела! — вспомнил Хома.

— Ныла! Ничего я не ныла! За мамой я соскучилась, правда. Но сегодня в ССД скучнейшее из мероприятий, какие можно только себе представить.

— Вот как? И у джиннов бывают скучные мероприятия? Так почему бы их тогда не отменить? — удивился Хома.

— Скучнейшее для нас, женщин. А мужчины — те от него в диком восторге. Они радуются, как дети! Они стараются устраивать это мероприятие так часто, как только могут. И женщины смотрят на это сквозь пальцы. Пусть резвятся мальчишки, если им так хочется!

— Что же это за мероприятие такое? — стало любопытно Хоме.

— О! Мне уже сейчас хочется вернуться домой, в нашу маленькую комнатку, чтобы только его не видеть! — Халимар открыла рот и несколько раз засунула в него два пальца поступательными движениями, как будто хотела вырвать.

— Скажи толком, что это за отвратительное зрелище, которое нам предстоит сегодня увидеть? Признавайся! — требовал Хома.

— Охота на акул, — с отвращением произнесла Халимар.

— Что? — переспросил Хома.

— Охота на акул! — громко сказала девушка. — И не делай вид, что ты не расслышал.

— Это занятие, достойное мужчин! — с восторгом произнес Хома.

— О! И ты туда же! Из тебя бы получился настоящий джинн! Скучнейшее занятие. Я уже сейчас умираю от скуки.

— Что же такого постыдного в охоте на акул? Что такого скучного, что ты,

бессмертный джинн, умираешь от скуки? — удивленно спросил Хома.

— Увидишь! Я не хочу больше это обсуждать, — отрезала Халимар. Давай просто насладимся полетом. Тебе нравится летать?

— До знакомства с тобой я летал только на самолете, да и то всего один раз. А с тобой... Тебе это, наверное, покажется странным, но с тобой я улетаю, даже если мы никуда не летим. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю. Что же тут непонятного? Полет — это как счастье. Для того, чтобы быть счастливым, совсем не обязательно, чтобы что-то произошло. Можно просто ощущать себя счастливым. Без причины. Так и полет. Для того, чтобы испытать чувство полета, совсем не обязательно куда-то лететь на самом деле.

— Я признаюсь тебе, что всегда я лечу, когда ты, Халимар, со мной.

— Ой, Хома! Замолчи! Не то лодке скажу, чтоб тебя отвезла домой.

— Халимар, а почему ты летаешь только в туфельке? У вас многие девушки на бабочках летают, это красиво.

— Где я тебе буду бабочек ловить? И как ты себе представляешь эту картину: я бегаю за бабочкой! Обхохочешься!

— Ничего подобного! Я бы хотел увидеть, как ты бегаешь за бабочками. Это же не опасная охота на акул.

— Дались тебе эти акулы! Давай не будем об этом.

— Согласен. Не будем. А честно, скажи, почему ты летаешь только в туфле?

— Я вообще необычная девушка! Ты видел хоть кого-то, кроме меня, кто летал бы в туфле?

— Нет, — признался Хома. — Не видел.

— Я ответила на твой вопрос?

— Да.

— А ты сам на чем бы летал, если бы был джинном?

— О! Я бы такое придумал! Я бы... Я бы... Я бы летал на своем старом диване!

— Ха-ха-ха! Как ты меня рассмешил! Я сейчас лопну от смеха!

— Почему? Что я смешного сказал?

— Смешного — ничего! Тебя, наверное, родили джинны и подбросили на воспитание людям. Ты помнишь, на чем прилетали почти все джинны-мужчины на турнир «Золотой гепард»?

— Если честно, не помню. Я тогда только на девушек смотрел, — признался Хома.

— Что? На девушек? Ну, к этому разговору мы еще вернемся когда-нибудь. А сейчас я хочу тебе напомнить, что почти все мужчины джинны прилетели на турнир на диванах или в креслах!

— Правда? Вот здорово!

— Ты, Хома, типичный джинн.

— Я не знаю, это похвала или осуждение? Мне обижаться на тебя или благодарить за комплимент?

— Ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое! Это просто констатация факта.

— Значит, я отличаюсь от джиннов только тем, что не умею читать твои мысли и творить чудеса?

— Первое меня бесит иногда, а второе совсем не беспокоит: Я такого могу натворить! Сама, за нас двоих! Мало не покажется!

— Не сомневаюсь.

Некоторое время двое в лодке молчали.

— Халимар!

— Что?

— Расскажи, как это у вас происходит? У джиннов? Ну, как вы женитесь, как поступаете, если любовь проходит? Трудно любить одного и того же человека вечность.

— Любопытной Варваре нос оторвали!

— Жалко тебе, что ли? Расскажи! Скоро улетишь от меня, а я до конца дней думать буду, как ты живешь в ССД. Расскажи!

— Ладно. Кое-что я тебе расскажу. У нас женятся один раз.

— Один раз за всю вечность?!

— Нет, один раз в год! Конечно, за всю вечность! А ты как думал? Если бы мы себе еще мужей меняли, представляешь, какая путаница могла быть? Тут дедушку от младшего брата иногда отличить невозможно, а если бы еще несколько мужей было? Что тогда? Нет, мы вступаем в брак единожды и на века! У вас, у людей, кольцо обручальное на палец надевают. Это чтобы легко можно было снять. При необходимости. Жена другая — кольцо другое. Причины, конечно, разные: супруг умер, любовь умерла. Но кольцо надо снять! Мы надеваем обручальные кольца на запястье.

— Браслет? — догадался Хома.

— Называй, как хочешь! Но у нас это называется обручальное кольцо. Один раз надел, защелкнул — и все! Уже никогда не снимешь!

— Даже страшно стало! А если кому-то кто-то очень сильно надоест? Просто сил нет смотреть?

— Можно пожить в разных бутылках. Можно изменить себе внешность или характер. Или супруга изменить, сделать таким, как тебе нужно. На некоторое время, для разнообразия. А потом снова вернуть ему прежний вид. Всегда можно что-то придумать!

— А не скучно жить так долго с одним человеком? — удивился Хома.

— Хома! А не скучно быть молодым? А не скучно быть красивым? А не скучно быть здоровым? А не скучно быть счастливым? А не скучно быть любимым? Запомни: аббревиатуру ССД еще можно расшифровать, как Страна Счастливых Джиннов. А счастье не может надоесть.

— А усталость? Вы не устаете жить вечно? — спросил Хома.

— Хома, ты каждый вечер ложишься спать. Это потому, что ты устаешь жить?

— Нет. Просто мне нужны силы для нового дня.

— Мы тоже спим. Но это совсем не обязательно! Я могу превратиться в дым и отдохнуть за несколько мгновений так, будто проспала сутки.

— Так вот почему ты могла пойти в паб джиннов ночью! А я был уверен, что ты спишь крепко в бутылочке! А какие развлечения у вас здесь, в Стране Свободных Джиннов?

— О! У нас столько развлечений, что вечности мало, чтобы все успеть!

— Халимар, я буду скучать по тебе, когда ты улетишь в свою вечную жизнь! — грустно сказал Хома.

— Тебе проще! Ты пожил себе немного и умер. И перестал по мне скучать. А я буду умирать по тебе целую вечность.

— Ты все шутишь, Халимар. А я серьезно.

— И я серьезно, Хома! Твои страдания ничто по сравнению с вечной тоской, — весело

сказала Халимар.

— Вечность такая длинная, ты меня забудешь, — сказал Хома.

— Бабочке, живущей три дня, может показаться, что человек живет вечно. А человеку его жизнь не кажется длинной!

— Думаю, бабочки не задумываются над тем, сколько живет человек, — заметил Хома.

— Хома! Бабочки вообще не думают!

— А у вас есть опытные психиатры? — спросил Хома.

— У нас нет! Зато они есть у вас.

— Я чувствую, что скоро мне понадобится помощь одного из них, — предположил Хома.

— Значит, наш полет затянулся.

Теперь лодка стала подниматься быстрее. Скоро Хома увидел знакомый причал.

— Как мы попадаем все время в одно и то же место? — удивился Хома.

— Я просто представляю его себе! Представляю этот причал, и мы оказываемся здесь, — объяснила Халимар.

— А можно прилететь в какое-то другое место?

— А зачем? Я и отсюда могу попасть в любую точку Страны Свободных Джиннов.

— А у ваших городов какие названия?

— У нас нет городов.

— А села?

— И сел у нас тоже нет.

— Но что же тогда у вас есть?

— Все остальное есть: стадионы, ипподромы, рестораны, катки, теннисные корты, бассейны, пляжи. И пляжи, кстати, не хуже, чем в твоей Одессе!

— Удивила! Не хуже, чем в Одессе — это еще не показатель высокого класса.

— Ну, я очень мягко сказала, чтобы тебя не обидеть, — объяснила Халимар.

— А я при чем? Пусть другие обижаются, кому положено. Я могу обидеться, если ты что-то лично обо мне плохое скажешь.

— Ты имеешь в виду свои параметры? — спросила Халимар.

— На что ты намекаешь? — вспыхнул Хома.

— Я? Ни на что! У тебя комплекс! Ты повернут на своих размерах. Я же говорила тебе сотни раз: размеры меня не волнуют!

Они сидели в лодке у причала и продолжали пререкаться. Рядом уже давно стояли мама и папа Халимар, молча ждали, когда их дорогие гости перестанут, наконец, ссориться и выйдут из лодки на твердь.

— Халимар, — заметил Хома. — Мы уже прилетели. Пора прекратить нашу милую беседу и поздороваться с твоими родителями.

— О, мам, пап!

— Халимар, — шепнул Хома девушке на ушко, — с тобой даже ссориться приятно. Я, пожалуй, смог бы терпеть тебя целую вечность.

— Не болтай глупостей! Мама и папа все слышат, — внезапно покраснела Халимар.

Мама и папа были рады приезду дочери. И к Хоме они уже успели привыкнуть. Привыкли они и к тому, что дочь прилетала теперь все время с ним. Это единственный смертный, которого Халимар познакомила с родителями. Из уважения к Хоме, все родственники Халимар говорили при нем на понятном ему языке. Для джиннов это не

проблема, они могут общаться на любом языке, какие только есть или были.

Папа перекинулся парочкой слов с дочерью и Хомой и убежал.

— Умчался! Снасти готовит для охоты, — снисходительно заметила мама.

По дороге к зеленому домику им встречались только женщины.

— Все мужчины готовятся к охоте, — объяснила мама. — Ну, как дети малые! Еще до охоты столько времени, а они уже все дела другие бросили, сидят со своими снастями.

Теперь Хома уже обращал внимание на встречающихся им по дороге женщин, особенно на их руки. Некоторые были без браслетов.

«Не замужем!» — думал Хома.

— Халимар, а ты, как домой вернешься, сразу замуж выйдешь?

— А другие вопросы у тебя сегодня будут? А ты сразу женишься, как только я улечу? — сердито спросила Халимар.

Хома замолчал.

«Халимар права. Зачем говорить о том, что неизбежно? Она улетит, я останусь без нее. Что же мне, всю жизнь одному жить? Конечно, женюсь когда-нибудь. И она не сможет целую вечность жить одна! Надо отбросить все грустные мысли, насладиться общением со счастливыми джиннами. Людей полностью счастливых не бывает, а джинны — полностью счастливы. Даже жалко их как-то, живут без страданий».

— Себя пожалей, Хома! Мы за несколько веков пребывания на Земле таких трагедий насмотрелись, что от одних воспоминаний можно целую вечность вздрагивать! — ответила на мысли Хома Халимар. — Теперь нам просто необходимо вечное счастье.

Мама повела гостей в свой зеленый домик. Стол уже ломился от разнообразных блюд. Специально для Хома. Он набросился на еду, как будто не ел целую вечность.

— Хома! Хома! Не спеши! Никто не отнимет! Ты будешь сидеть за этим столом один, а нам с мамой надо посекретничать.

Халимар не хотела, чтобы Хома видел ее слезы.

Хома забыл обо все на свете! Таких кушаний он не пробовал ни на Земле, ни в Стране Свободных Джинов! Когда они прилетали сюда раньше, мама угощала их только сладостями и фруктами. Но сегодня! Хома накладывал себе по чуть-чуть от каждого блюда. Он никак не мог определить, что он ест, из чего это все приготовлено. Только вот кокетливо изогнутый сосуд никак не давался ему в руки. Как только Хома тянулся к нему, сосуд убежал по столу, поднимался вверх и оттуда тоненькой струйкой наливал сам вино в бокал Хома.

«Неплохо, — подумал Хома. — Я, пожалуй, уже счастлив, свободен и сыт. Как джинн. Разве только вон то яблочко еще смогу втиснуть в себя».

В ту же секунду невидимые руки подняли яблоко в воздух, нож сам срезал с него длинную спираль кожуры, разрезал очищенное яблочко пополам, вырезал сердцевину, разделил на дольки. Все дольки дружной стайкой прилетели к Хоме и выстроились в ряд перед его ртом.

— Зачем? Я так хотел погрызть, целиком, в коже! Не по этикету!

Но рот раскрыл. Дольки по очереди вскакивали в его рот, ему оставалось только жевать. Яблоко оказалось невероятно вкусным.

За этим занятием застала его Халимар.

— Мама! — возмущенно сказала она. — Зачем ты его балуешь? Пусть сам ест, у него это неплохо получается!

— Он мой гость, Халимар! Мне хочется за ним поухаживать.

Хома поблагодарил маму за гостеприимство, за вкусную еду, а Халимар показал язык.

— Тебе захотелось вздремнуть, Хома? — ласково спросила мама.

Не дожидаясь ответа, кто-то невидимый поднял Хому со стула и отнес прямо на белый диван. Диван мгновенно поменял свою форму, теперь он словно обволакивал Хому со всех сторон, оставляя только голову на поверхности.

«Я как будто погружаюсь в...»

Но он уже не мог думать, что это ему напомнило, так как погрузился в сладостный сон.

Теперь Халимар с мамой могли секретничать прямо здесь. Во-первых, они беседовали мысленно. А во-вторых, даже если бы они и орали, как ненормальные, Хома все равно их бы не услышал. Он спал, как младенец после купания.

— Мама! — безмолвно сказала Халимар. — Посмотри на него, какой он милый! Я, кажется, на руках бы его носила, как ребенка!

— Понимаю! Вот поэтому и появляются маленькие джинны. Женщинам хочется носить на руках маленькую копию своего возлюбленного, — объяснила мама.

— И кормить грудью! — добавила Халимар.

— И кормить грудью! — мечтательно повторила мама. — Что?! Тебе хочется кормить грудью этого смертного?!

— Да, мама! — снова расплакалась Халимар.

— Иди сюда, родная моя! Поплачь на груди у своей мамочки. Это единственное, чем я могу тебе помочь. От любви нет лекарства. Ни у джиннов, ни, тем более, у людей. Поплачь, слезы немного облегчают боль.

— Мама! Но почему среди всех джиннов не нашлось никого, кто тронул бы мое сердце? Почему этот ворчливый, вечно недовольный чем-то парень? Я все готова сделать для него! А он ничего не требует.

— Совсем ничего? — удивилась мама.

— Так только, по мелочам! То на море с ним сходи, то поцелуй его! Ничего серьезного.

— Значит, он тоже тебя любит. Ему неудобно тебя о чем-то просить. Может, ему даже стыдно, ведь он сам ничего не сможет дать тебе, могущественному джинну, — объяснила мама.

— То, что он мог бы мне дать, если бы захотел, для меня важнее всего. Даже важнее вечности.

— Не надо так говорить, дочь, — строго сказала мама. — Не вспоминай вечность всеу!

Наконец Хома проснулся, и диван выпустил его из себя.

— Как спалось, сынок? — ласково спросила мама-джин.

Хоме всегда неловко было думать о ней, как о маме, ведь на вид ей было не больше восемнадцати лет. А тут еще это «сынок»!

— Девчонки! — сказал он и потянулся. — Я еще в жизни так сладко не спал! Мне показалось, что у меня с диваном была любовь.

Он в мыслях выразился немного откровеннее. Халимар и мама поняли его и громко рассмеялись.

— Пошляк! — сказала Халимар. — Поднимайся, лодырь! Нас мужчины уже заждались, наверное. Им не терпится продемонстрировать свое мужество и бесстрашие в охоте на акул!

— Я готов! — вскочил Хома. — Я так давно мечтал посмотреть на это!

Халимар и мама многозначительно переглянулись.

Джинны и Хома вышли из домика-бутылки. Красный «Запорожец» стоял у входа и

сверкал чистотой. Обе его дверцы мгновенно распахнулись, как только пассажиры подошли к нему.

— Хома! Лезь на заднее! Мы с мамочкой впереди, — скомандовала Халимар.

— Слушаю и повинуюсь! — с готовностью ответил Хома.

Рядом с джиннами он и сам чувствовал себя немного джинном.

Красный «Запорожец» взлетел вверх. Маму, которая сидела на месте водителя, совсем не беспокоили ни педали, ни руль. Она смотрела на Хому и Халимар и молча улыбалась.

— Почему вы не смотрите вперед? Вдруг столкнемся с кем-нибудь? — беспокоился Хома.

— Хома, расслабься! У нас не бывает дорожно-транспортных происшествий! Машина сама знает, когда и куда ей свернуть.

Но Хома все равно волновался. Особенно когда видел, что прямо на «Запорожец» летит огромный диван джинна.

При встрече джинны не выкрикивали друг другу никаких приветственных слов. Они просто слегка приподнимали одну руку, как это делают земные водители, когда встречают на дороге знакомого водителя.

«Все-таки на бабочке — это красиво!» — засмотрелся Хома на девушек, прилетающих к месту проведения мероприятия.

Сейчас все джинны собрались на берегу огромного озера. Дамы рассаживались на места для зрителей, а мужчины — на специально отведенные места для участников охоты на акул.

Хома надеялся увидеть захватывающее кровавое зрелище, но пока что участники просто рыбачили с удочками.

Зрители тихо сидели и не выражали никаких эмоций.

— Что они делают? — спросил Хома.

— Молчи. Сиди и просто смотри. Пока этого достаточно, — объяснила Халимар.

— А охота когда? — нетерпеливо ерзал на своем сиденье Хома. — Когда же начнется охота на акул?

— Это и есть охота на акул. Сиди и смотри. Ты поймешь, когда надо будет аплодировать, — ответила Халимар.

— Какая же это охота на акул? Это самая обычная нудная рыбалка, — заметил Хома.

— Ты не любишь рыбалку?! — воскликнула радостно Халимар, нарушив тем самым тишину. — Ты не любишь рыбачить?!

— А что интересного в неподвижном сидении с видом на поплавок и обратно? Это развлечение не для меня!

— Хома! Дай я тебя расцелую! Ты мой кумир!

— Халимар, опомнись, — тихо попросил Хома. — На нас смотрят.

— Конечно, смотрят, — тихо прошептала Халимар прямо в ухо Хоме. — На нас смотреть гораздо интереснее, чем на эту дурацкую охоту! Но это еще не все! Ты увидишь, что дальше будет.

А дальше участники состязаний несли свои емкости с уловом к столикам жюри. В жюри были только женщины. После того, как охотники поставили свои банки на столики жюри, состязание перешло в свою завершающую стадию. В каждую банку опускали трубку, затем вынимали ее оттуда и что-то там на ней рассматривали.

— Что они делают? — любопытствовал Хома.

— Считают акул. Это прибор, специально изготовленный для таких состязаний.

Акулометр называется. Стоит его только опустить в банку, на нем появляются цифры, показывающие, сколько акул поймано.

— Там в банках акулы?! — изумленно воскликнул Хома. — Это ж во сколько раз их надо было уменьшить?!

— Во сколько надо, во столько и уменьшили. Думаю, с крупными акулами это зрелище было бы не намного увлекательнее!

Наконец акулометр побывал во все емкостях. Объявили победителя. Им оказался джинн, поймавший в свою банку шестьдесят девять малюсеньких рыбок, которые на самом деле были уменьшенными акулами.

Вот теперь все зрители дружно встали со своих мест и зааплодировали. Лица у всех, у зрителей и участников, были довольными и счастливыми. Одни радовались, что так хорошо повеселились, другие, среди которых были, в основном, женщины, радовались, что мероприятие закончилось. Теперь мужчины, принимавшие участие в охоте, возвращены были своим семьям.

Женщины ласково смотрели на своих охотников, поздравляли их, целовали. В какой-то момент Хоме показалось, что он попал на детский утренник. Детки выступили, рассказали стишок из двух строчек. А мамы млеют от восторга и восхищаются своими талантливыми детьми.

— Ну, как? Понравилось? — радостно спросил папа, тоже возвращенный в семью.

— Впечатляет! Очень впечатляет! — ответил Хома, не потрудившись объяснить, что именно его так впечатляет.

«Да, — подумал Хома. — Женский турнир был захватывающим и интересным. А здесь — сплошная скука. Я глаз оторвать не мог от красивых девушек на гепардах! А когда увидел бабушку Халимар...»

— Кстати, о бабушке! — снова бессовестно подслушала его мысли Халимар. — Она ждет нас сегодня в гости!

— Правда? Прямо сейчас?

— Почему прямо сейчас? Можешь еще сказать моей сестре, как она чудесно выглядит.

К ним как раз подходила одна из сестер Халимар. Имени ее Хома все равно не помнил.

— Привет! Классно выглядишь! — сказал он сестре.

— Привет! Ты тоже, Хома, — мило ответила сестра.

— Ну, все! — прервала их затянувшийся диалог Халимар. — Обмен любезностями состоялся. Пора к бабушке. Семья! Прощайте! Мы улетаем к бабушке!

Халимар крепко сжала руку Хома. Они вместе поднялись в воздух, повисели там ради приличия, вежливо помахали всем — и умчались.

Бабушка выбежала им навстречу из домика.

— Халимар! Родная моя! Хома! Как я рада!

Бабушка радовалась гостям, она буквально не знала, куда их усадить. Пока они втроем гуляли по бабушкиному саду, маленькие пуфики бегали следом за гостями, чтобы им было на что присесть, когда они захотят отдохнуть.

«Так, на Халимар желтые шаровары, на бабушке зеленые. На Халимар — желтые, на бабушке — зеленые».

Халимар и бабушка дружно рассмеялись.

«Вот досада! Они знают, о чем я думаю!»

— Хома! Ты боишься, что бабушка улетит с тобой вместо меня? А я останусь здесь? Эх,

Хома! Ты многого не знаешь! Бабушка, может быть, и согласилась бы поменяться со мной местами, а я — нет!

Когда все трое вошли в дом, Хома понял, почему Халимар не согласилась бы поменяться с бабушкой местами.

Большая комната в бабушкином доме была заставлена детскими кроватками и завалена игрушками. Хома сосчитал кроватки. Их было девять. В каждой из них спал малыш. Или малышка. Кто их разберет в таком возрасте?

— Я сама их путаю иногда, — согласилась бабушка с мыслями Хома. — Это все дети сестер Халимар. Вот эти двое — одной, вот эти, кажется, другой, а у самой старшей — тройня.

— Они оставили вам детей, а сами развлекаются? — возмутился Хома.

Бабушка засмеялась.

— Скоро примчатся! Тогда придет мой черед развлекаться!

Дети дружно и почти одновременно заплакали.

— Проголодались, — сказала бабушка, не глядя на детей.

В комнату откуда-то влетели девять абсолютно одинаковых бутылочек с сосками. Они подлетели каждая к своему малышу и стали заталкиваться тем концом, где была сосочка, ему в ротик. Все получилось, дети зачмокали. Бутылочки терпеливо ждали, когда малыши насытятся. Бабушка даже не взглянула на детей. Она любовалась своей внучкой Халимар. У джиннов часто рождаются близнецы, но чтобы бабушка и внучка были абсолютно одинаковыми — такое случалось не часто. Похожи — да, но абсолютно одинаковы — редко!

Хома уже забыл, какого цвета на ком шаровары. Ну и что? Он был уверен, что с ним на Землю вернется Халимар.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ: ОСУЖДЕНИЕ ИБРАГИМА

Родня Инны откликнулась сама. Внезапно Хоме позвонили родители девушки.

— Хома! Инна у тебя? — спросил отец. — Как мужчина мужчине скажи: вы с ней живете?

— Как мужчина мужчине говорю: не живем. Мы вообще уже не встречаемся. И сейчас ее у меня нет. Ищите в другом месте.

— Хома! — закричала трубка голосом несостоявшейся тещи. — Помоги, Хома! Инна пропала! Мы уже всех ее знакомых обзвонили, никто ничего не знает. Такое горе! А тут еще бабушка умирает, а ведь ей всего только шестьдесят семь лет!

— Если я что-то узнаю об Инне, сразу вам позвоню, — пообещал Хома.

Хома только взглянул на Халимар, и она уже знала все. Ей не надо было ничего рассказывать, потому что она прочла все, что творилось в душе парня.

— Это я виновата, прости, — тихо сказала она.

— Что ты сделала с ней? Что ты сделала с ней? — набросился Хома на Халимар.

— Ничего. Ты любишь ее? — спросила печально.

— Да! Я люблю ее! И немедленно верни ее родителям! Забирай хоть все свои паршивые желания, но девчонку верни родителям! Родители волнуются, переживают, а у них еще и бабушка умирает!

— Только вот этого не надо! Бабушка не умирает, бабушка ребеночка ждет, — объяснила Халимар.

— Какого ребеночка? — выпятил глаза Хома.

— Сыночка. Инна захотела, чтобы у нее дядя был. А что мне оставалось делать? У нее только одна бабушка. Разве я виновата, что ей шестьдесят семь лет? Что я, по-твоему, сама ей дядю родить должна? — обиделась Халимар.

— Ну, ты даешь! Ей же шестьдесят семь лет!

— Ну, и что? Если бы ты знал, сколько лет мне! А у меня еще ни одного ребенка нет. И вообще, я еще не замужем. Только целуюсь с тобой, и все.

— Ладно! Бабушка не умирает, это уже хорошо. Поверить не могу, что ты такое натворила, — засмеялся Хома. — Хотя от тебя можно ждать, чего угодно. А Инну верни родителям.

Заметив печальный взгляд Халимар, Хома добавил:

— Да не люблю я ее! Просто забыть не могу. И не хочу, чтобы с ней что-то случилось.

— Любишь! Любишь! Я часто читаю это в твоих мыслях, — расплакалась Халимар. — Любишь ее, а целуешься со мной! А когда меня целуешь, ты ее вспоминаешь. Я знаю, я же джинн, я твои мысли могу читать.

— А если ты такая умная, то прочти и эту мою мысль: «Тебе хотелось бы, чтобы я целовал Инну, а думал о тебе?»

— Нет! Не хотелось бы!

— Тогда я лучше буду целовать тебя и вспоминать Инну! Хотя я уже забыл о ней! Не могу понять, где ты отыскиваешь эти мои старые мысли? Поверь, я совсем не думаю о ней, когда целую тебя! У тебя просто бред ревности!

— Думаешь! Думаешь! — плакала Халимар.

— Буду думать, пока ты не вернешь ее родителям, — твердо сказал Хома.

— Я не могу! — воскликнула сквозь слезы Халимар.

— Почему? — насторожился Хома. — Ты ее... убила?!

— Как тебе в голову могла прийти такая глупость? Джинны не убивают людей. Основная заповедь джиннов — «не убий человека». За убийство человека джинн может поплатиться золотыми туфельками.

— Ну, и законы у вас! Туфли за жизнь человека! Хотя и золотые, но это же всего лишь туфли. Да, жестокий вы народ! — возмущался Хома.

— Я не могу вернуть твою Инну, потому что не знаю, где она, — тихо сказала Халимар.

— Врешь! Я не верю тебе!

— Из-за какой-то девчонки ты хочешь разрушить наши отношения?

— Не из-за какой-то девчонки, а из-за человека! Если бы на ее месте оказался кто-то другой, я бы точно так же потребовал его возвращения!

— Поверь, я не знаю, где она. Но уверена, что это проделки Ибрагима.

— Не надо сваливать свою вину на черного джинна! Ты сама что-то сделала с Инной. И виновата твоя глупая ревность!

— Как жаль, что ты не умеешь читать мои мысли! Ты бы понял тогда, что я чиста перед тобой.

— Ага! Ангел! Так я тебе и поверил!

— Тогда летим к белым джиннам. Сама я не хочу опять попасть в руки Ибрагима.

Халимар взяла Хому за руку, и они в ту же секунду оказались в пабе джиннов.

— Мне нужна ваша помощь! — обратилась Халимар к друзьям без предисловий. — Ибрагим замыслил что-то недоброе. Два дня назад пропала девушка Хома, и я почти

уверена, что это проделки черного джинна.

— Почему ты так решила? — спросил один из джиннов.

— Она приходила ко мне с поручением от Ибрагима.

— Мы можем найти место, где он обитает? — спросил другой джинн.

— Да! Я хорошо запомнила то место, где он меня держал! Давайте отправимся туда вместе! — предложила Халимар.

Белые джинны встали из-за столов, взялись за руки, образовав круг. Хоме, который не слышал их мысленного разговора, было странно все это наблюдать. Как только кольцо из джиннов сомкнулось, Халимар представила то место, в котором хотела оказаться, и все джинны исчезли из паба. Остался только бармен за стойкой.

Хома тоже переместился вместе со всеми в уже знакомый ему кабинет Аркадия. Ни Ибрагима, ни Инны в кабинете не оказалось.

— Промашка! — сказала Халимар. — его уже здесь нет.

— Давайте проверим другие комнаты, — предложил один из джиннов.

Он оказался прав. В гостиной белые джинны действительно обнаружили Ибрагима. Он был напуган их появлением, потому что они его застали за очень странным занятием. Он развлекался тем, что поймал пчелу и впустил ее в бутылку с человеком. Для крошечного человечка пчела была теперь ядовитым монстром. Жертвой оказался старичок, кормивший с руки голубей. Сейчас он сел на дно бутылки и закрыл лицо руками. Но птицы, птицы! Мирные голуби набросились на огромную теперь для них пчелу. Они не дали в обиду человека, который делал им добро.

Остальные бутылочки с людьми стояли на столе.

— Что ты наделал? — набросилась Халимар на Ибрагима. — Зачем ты похитил столько людей?

Ибрагим молчал и злобно смотрел на белых джиннов.

Халимар сама стала освобождать людей. Как только человек становился свободным, один из белых джиннов улетал вместе с ним, чтобы вернуть его на то место, с которого он был похищен. Одной из последних освободилась Инна. Она была страшно напугана, от ее самоуверенности и высокомерия не осталось ничего.

— Хома! — увидела Инна парня и бросилась к нему на грудь.

Хома обнял ее и погладил по волосам.

— Не волнуйся! Все будет хорошо! — пообещал девушке.

Один из белых джиннов исчез вместе с Инной, как только Хома выпустил ее из объятий.

Джинны исчезали, отправляли людей домой и снова возвращались в квартиру Аркадия.

Наконец осталась одна бутылочка. Халимар освободила маленькую сухонькую старушку, которая подвернулась под руку Ибрагима вместе с бездомным котенком. Старушка не вставала, котенок громко мяукал в безмолвии гостиной, терся о руки старушки. А старушка оставалась без движения.

Белые джинны плотным кольцом окружили Ибрагима.

— Это что? — грозно спросил один из джиннов.

— Я не знаю! Я не хотел! — взмолился Ибрагим и упал на колени. — Пощадите!

— А ты ее пощадил? — грозно спросил другой джинн.

— Пощадите! Я не хотел! — умолял Ибрагим, барахтаясь у ног белых джиннов. — Я не хочу! Я не хочу! Я не хотел! Помогите!

Хома не слышал этого разговора. Не слышал, как Ибрагим умолял белых джиннов. Он видел только грозные лица белых джиннов, ползающего у их ног Ибрагима и безжизненное тельце старушки.

Вдруг золотые туфли Ибрагима со звоном раскололись на маленькие кусочки. Раскололись, как тонкое стекло от сильного удара. Хома прочел ужас в глазах Ибрагима, а у белых джиннов — ни тени сочувствия, только осуждение. Горе Ибрагима было так велико, что Хоме показалось даже, будто он услышал безмолвный крик Ибрагима.

Один из джиннов взял на руки мертвую старушку, другой — котенка. Оба джинна прижались спинами друг к другу — и исчезли.

Ибрагим словно обезумел. Он ползал по полу, рыдал беззвучно, собирал осколки своих золотых туфель, целовал их, прижимал к груди.

— Я не могу на это смотреть, — сказала Халимар Хоме. — Дай руку, Хома!

И в ту же секунду они оказались в своей маленькой комнатке на третьем этаже. Халимар, ни слова не говоря, стала маленькой и полезла в бутылочку, которая по-прежнему была у Хомы под майкой. Она молча прошагала по его животу, груди, ни слова не сказала о том, что маечку давно пора бы уже постирать. Залезла в бутылочку и плакала там.

Хома пытался выманить ее из бутылочки.

— Халимар! Прости меня! Я был не прав! Я дурак!

В другой ситуации Халимар обязательно бы откликнулась на последнее его заявление, у нее была бы уже готова какая-то очередная шутка по этому поводу. Но сейчас она не отвечала. И это очень беспокоило Хому.

— Халимар! Не пугай меня! Халимар! Я раскаиваюсь! Я был не прав, когда обвинял тебя! Халимар! Прости меня!

Снова тишина.

— Халимар! Хочешь, я на колени стану перед тобой, как Ибрагим?

Напоминание об Ибрагиме подействовало. Халимар покинула свою неприступную крепость и снова стала обычного размера. Она села рядом с Хомой и уткнулась носом в его грудь.

— Хома! Это я виновата во всем! Из-за меня Ибрагим так унижен и опозорен навеки!

— Подумаешь, туфельки лишился! — вспыхнул Хома. — А бабушка умерла!

— И бабушка умерла из-за меня! Ведь это я дала Инне те бутылочки! Она отнесла их Ибрагиму, а он от злости стал заполнять их людьми. Если бы не моя глупая шутка, старушка сейчас была бы жива, а Ибрагим не был бы наказан! — и Халимар разрыдалась, как человек, вслух.

— Не плачь, ты не виновата!

— Правда? Ты не обвиняешь меня? Я ведь не знала, что он будет делать с бутылочками!

— Да, ты не знала, что он будет делать с бутылочками! — успокаивал ее Хома, не забывая при этом крепко держать в своих объятиях, чтобы она снова не сбежала от него в свой зеленый флакон.

— Ты не думаешь, что я одна во всем виновата? — всхлипывала Халимар. — Я ведь не злая, Хома! Я только хотела разыграть Ибрагима и Инну.

— Ты не злая, Халимар! — успокаивал девушку Хома.

— Почему мы не стали искать твою Инну раньше? Тогда бы мы успели спасти старушку! Я могу излечить человека, но не могу его воскресить! Ни один джинн не может воскресить человека. Почему мы не стали искать твою Инну раньше? Ах, зачем я потащила

тебя вчера в Страну Свободных Джиннов! — завелась Халимар и уже плакала навзрыд.

— Тырываешь мое сердце! Я не могу видеть. Как ты плачешь! Я приказываю тебе, как твой повелитель: прекрати немедленно плакать! И еще: никогда больше не называй Инну моей. У меня есть только ты! Ты — моя, Халимар!

— Слушаю и повинуюсь! — больше не всхлипывая, сказала Халимар. — Я с удовольствием выполню оба твои желания.

Она снова достала свои счета, что-то там пересчитывала, шептала. Наконец сказала спокойно:

— Осталось шесть. Всего шесть, Хома!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ: ВЕЧНОСТЬ ДЛИТСЯ ВЕЧНО

— Хома, можешь выбросить эту ужасную майку с карманом, — потребовала Халимар. — Больше Ибрагим нам ничего не сделает.

— А вдруг он будет мстить? — предположил Хома.

— Не будет. И белые джинны уже не охраняют наш дом.

— Как хочешь, — Хома послушно снял майку. — Где ваша светлость желает, чтобы я держал вашу бутылочку?

— Не кривляйся! Можешь засовывать ее себе в карман, если хочешь. Только не в майку!

— Привередливая ты, Халимар! Чем тебе моя майка не понравилась? Я, между прочим, для тебя специально ее купил, и карманчик сам пришил с любовью. Даже палец уколол пару раз! — вспомнил Хома.

— Рукодельница ты моя! Ну, давай я пальчик поцелую, чтобы не болел, — пошутила Халимар.

— Раньше надо было целовать, сейчас уже не болит.

— Не надо, так не надо! Не сильно и хотелось.

— Вот только губа верхняя разболелась. Просто сил нет терпеть! Как эту боль прекратить? — хитрил Хома.

— Я тебя насквозь вижу. Я твои трюки могу заранее предугадать. Неужели так сложно сказать: «Халимар, давай поцелуемся!»

— Халимар, давай поцелуемся, — послушно повторил Хома.

— Не хочу! У меня настроение плохое. И я еще обижена на тебя. Ты так на меня кричал!

— Я уже не помню, сколько раз извинился! Со счета сбился. А ты никак простить не можешь!

— А ты как думал? Обидел меня до глубины души. Такого наговорил! Я помню каждое твое слово. Хочешь, повторю?

— Я уже забыл. Но повторять не надо.

— Ты сказал мне, чтобы я забрала все мои паршивые желания.

— Прости, прости, прости!

— Прощу, если попросишь у меня что-нибудь важное для себя. Очень важное! Для всей своей жизни.

— Я не знаю, чего хочу.

— Ты хотел стать художником, — напомнила Халимар.

— Я хочу сам им стать, без вмешательства джиннов.

— Не джиннов, а джинна. Все так говорят сначала. А потом соглашаются принять

помощь. Хочешь посмотреть работы художника, которому я помогла раскрыть талант? У меня тут совершенно случайно репродукции оказались.

Халимар протянула Хоме альбом.

— Ты летала с ним в прошлое? — спросил Хома, рассматривая картину «Каменный век. Пиршество».

— Глупости ты говоришь, Хома. Как можно летать в прошлое? То, что было, уже прошло. Прошлое нельзя вернуть. Можешь вернуть вчерашний день и не наговорить мне кучу гадких слов?

— Я — нет! Но, может, кто-то другой может?

— Только писатели-фантасты пока умеют летать то в прошлое, то в будущее.

— Значит, кто-то все же летает?

— Я похожа на писателя-фантаста? — спросила Халимар.

— Не очень, — честно ответил Хома.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос. Не летала я с ним в прошлое. Я ему рассказывала с том, что видели другие джинны. Он писал, а я подписывала: «С моих слов написано верно».

— А ты...

— Договаривай! Нет, я не была в него влюблена. И с мамой я его не знакомила!

— А ты долго жила с ним?

— Не с ним, а у него. Это разные вещи. В тебе сейчас говорит ревность или жажда знаний?

— А что?

— А то! Если биографию художника захотел изучить, сходи в библиотеку! А если обо мне интересно что-то узнать, так и скажи! Что ты хочешь знать о моем прошлом?

— Ты...

— Нет. Джинны влюбляются только раз. Как правило, влюбляются в джинна и живут с ним вечно и счастливо в Стране Свободных Джинов. Вопросы будут?

— Нет. Спасибо. Я все понял, — сердито ответил Хома.

Молчание продлилось долго. Минуты три.

— Ну, Хома! Ты все не так понял. Хватит дуться! — не выдержала Халимар.

— Что я не так понял? — сухо спросил Хома.

— Ты знаешь, что!

— Я мыслей читать не умею! Я же не джин, — добавил он, чтобы еще сильнее уколоть Халимар.

— Да, ты не джинн! Но я же сказала, «как правило». А правила не всегда выполняются. Я вообще все делаю не по правилам.

— Что именно?

— Сажу с тобой, разговариваю. Вот даже на колени к тебе сейчас пересяду. Обниму тебя крепко! Это по правилам?

— Не знаю! — ответил Хома.

— Знаешь, все ты знаешь! По правилам, я должна сидеть в своей бутылке и ждать, когда ты меня вызовешь, — напомнила Халимар.

— А почему не сидишь? — улыбнулся, наконец, Хома.

— Потому что и вечность закончится, пока я дождусь от тебя решительных действий! — объяснила доходчиво Халимар.

— Вечность не заканчивается, — философски заметил Хома.

— Откуда тебе знать? Может, одна вечность пройдет, за ней придет другая, потом третья. Нескончаемый поток сменяющих друг друга вечностей... — рассуждала Халимар.

— Не пудри мне мозги! Вечность длится вечно! — уверенно сказал Хома.

— Конечно, тебе видней. Правда, что это меня не туда занесло? Мама меня всегда ругает, когда я о вечности рассуждаю. «Не вспоминай о вечности все».

— Это заповедь джиннов?

— Да.

— У людей и джиннов заповеди почти одинаковые. Почему же мы тогда такие разные? — спросил Хома.

— Наверное, потому что мы живем по этим заповедям, а вы просто их знаете, — предположила Халимар.

— Ты хочешь сказать, что если бы люди соблюдали все заповеди, то они тоже жили бы вечно, были бы счастливы и молоды?

— Есть такая версия.

— Халимар! Мне хорошо с тобой. Я умру без тебя, — трагически произнес Хома.

— Ты умрешь и со мной, — честно ответила девушка-джинн. — Тот художник, у которого я служила до тебя, прожил семьдесят девять лет.

— Это много! Я столько не проживу!

— Это мало, Хома! Очень мало! Я так плакала, так плакала... Я была рядом с ним почти до последнего дня. «Живописец-гусяр». Он любил, когда я его так называла, — вспомнила Халимар.

— Я не хотел бы, чтобы ты меня видела дряхлым и старым, — печально сказал Хома.

— Ты желаешь умереть молодым? — воскликнула Халимар.

— Нет, я хочу, чтобы ты улетела в свою страну раньше.

— Конечно, Хома! Конечно! А я о чем тебе твержу! Быстро загадывай свои желания, отпускай меня домой! Я должна тебя срочно сделать счастливым. А ты маешься, не можешь понять, что тебе нужно. Во сне видишь какие-то свои картины, а рисовать не умеешь. Соглашайся, Хома! Ты же мечтаешь об этом, я знаю. Скажи только слово!

— Я хочу... — сказал Хома и замолчал.

— Хома, — улыбнулась Халимар. — Я слышу все, о чем ты думаешь. Но исполню только то желание, которое ты произнесешь вслух.

— Уболтала. Я хочу стать художником.

— Вот! Наконец-то! Слушаю и повинуюсь, господин мой, повелитель мой, хозяин мой! Ты станешь художником. Ты будешь моим самым любимым художником. Бери карандаш!

Хома нерешительно взял карандаш.

— Рисуй! — скомандовала Халимар.

— Что рисовать? — спросил Хома.

— Что хочешь, — подсказала Халимар.

— Тебя хочу, — честно признался Хома.

— Значит, меня и рисуй!

Хома что-то там стал изображать на листе.

— Не получается!

— Конечно! А ты думал, как только ты скажешь, что хочешь стать художником, так сразу им и станешь?

— А как еще? Ты же сама говорила, что можешь это сделать.

— Но рисовать тебе придется самому. Я буду твоей учительницей. И музой. Учительницей и музой одновременно. Поэтому снимаю с тебя два желания. Это справедливо.

— Справедливо. Значит, учи, учительница! Музи, муза!

— Не иронизируй! И не коверкай великий и могучий! Для начала, пока ты еще не стал настоящим художником, возьми пару уроков у того, кто им уже стал.

— У тебя?

— Спасибо! Нет. Например, у Михайловича.

— А Михайлович-то тут при чем? — выпятил глаза Хома. — Он разве художник?

— Хома, ты имеешь в виду своего шефа? Ты думаешь, он единственный Михайлович в целом мире?

— Нет, не думаю. Не знаю, ляпнул, не подумав, — оправдывался Хома.

— А ты не ляпай, а думай, — подсказала Халимар. Михайлович — это художник, у которого я до тебя служила. Я удивляюсь, как его старый комод из Москвы в Одессу попал!

— Да, твоя бутылочка была в комодке! Я помню. Значит, этот комод принадлежал художнику?

— Я помню эту рухлядь юным комодиком. Сейчас на него без слез не взглянешь, его давно пора выбросить.

— Как? Это же память о твоём знакомом, друге, можно сказать! Комод еще хранит тепло его пальцев!

— Ты — не художник. Ты — поэт. «Хранит тепло его пальцев». Мне странно видеть, когда люди хранят какие-то материальные предметы, будто бы напоминающие им о ком-то. Все это ерунда! Воспоминания живут в душе, им не нужно какое-то материальное подтверждение. Если я улечу, не оставив тебе никакой своей вещи (а я так и сделаю), ты забудешь меня?

— Нет. Останется эта комната, в которой мы живем, этот диван, на котором мы сейчас сидим...

— Эта чашка, из которой я пью кофе. Чашка разобьется, диван хозяйка выбросит на мусорку (где ему и место), комод съедят жуки-короеды. В конце концов, ты поменяешь квартиру. И что тогда? Ты меня забудешь?

— Останутся мои руки, которые тебя обнимали, мои губы, которые тебя целовали.

— Ты попадаешь, скажем, в неприятную ситуацию. Предположим, в очень неприятную ситуацию. Пожар! Ты обгорел, тебя спасли, но руки и губы обожжены.

— Халимар! Ты такие страхи рассказываешь! — ужаснулся Хома.

— Это я для наглядности, чтобы до тебя дошло. Так вот. Сгорели губы, отрезали руки. Ты забудешь меня?

— После этого точно никогда не забуду! Я буду вспоминать тебя, как автора ужастика «Сгорели губы, отрезали руки».

— Теперь ты понял, что память не нуждается в материальных доказательствах?

— Я буду помнить тебя, Халимар. Даже если я останусь без рук, которые тебя обнимали. Я буду помнить твою улыбку, твой голос, твой смех, твой запах.

— А, это я просто духи себе купила, — призналась Халимар.

— Почему ты все упрощаешь? — спросил Хома. — Я же имел в виду твой запах, а не твоих духов.

— А почему ты все усложняешь? И запах улетучится. Ты разве забудешь меня?

— Но что-то же должно остаться? — настаивал Хома.

— Вот это «что-то» и есть твоя память обо мне. Понял?

— Когда моя бессмертная душа к твоей душе внезапно прикоснется, я вспомню, как была ты хороша, и страсть земная вновь во мне проснется!

— Хома, вот сейчас, когда ты так настроен вдохновенно, приступай к работе.

Хома взял карандаш. Он усадил Халимар «в позу» на диване, а сам стал рисовать. Время от времени он отрывал взгляд от работы, чтобы взглянуть на оригинал. Прошло много времени, прежде чем Хома позволил Халимар оценить его творчество.

На листе была кошка. Конечно, это была уже не та кошка, что сидела в обнимку с котом на крыше. Это была бегущая кошка.

— А я купилась! Как я могла подумать, что ты рисуешь меня? — удивилась Халимар.

— Я думал о тебе!

— А почему же тогда получилась кошка?

— Это не кошка, это гепард! А что, похоже на кошку?

— Нет, что ты! Вылитый гепард! Только чуть-чуть доработать. Гепарды — это кошки, но в их анатомии есть что-то от собаки. Для того, чтобы это уловить, надо сходить в зоопарк, — посоветовала Халимар. — А на гепарде буду я?

— Нет, твоя бабушка! Я же не тебя видел на гепарде, а только бабушку твою. Но позировать мне будешь ты.

— Для гепарда позировала, а для бабушки тем более придется. Это будет потрясающая картина! Но я советую сначала поучиться у великих.

— Да, я помню. У Михайловича.

— Так вот, возьми какую-то его картину и повтори. А потом уже будешь писать свое.

Хома стал снова перелистывать альбом. Вдруг одна репродукция привлекла его внимание.

— Халимар, это же ты!

— Неужели? Да, есть некоторое сходство.

— Ты ему позировала?

— Конечно! Я же была его музой и его джинном. Только это не я. У меня носки на туфлях длиннее. И волосы у меня светлее. И наряд я такой никогда бы не надела. Нет, это не я. Хотя...

— Может, он хотел тебя видеть такой?

— Возможно, ты прав. Он добавил мне черты другой женщины. Потому так и получилось: я и не я. А вообще-то мне нравится картина. Можешь с нее начинать, — позволила Халимар.

— Тогда я изменю цвет волос девушке, удлиню носки ее туфелек. Чтобы придать ей большее сходство с тобой!

— Хорошо! — засмеялась Халимар. — А парню этому лицо срисуй со своей фотографии. Тогда это будем ты и я, летящие в Шотландию на ковре-самолете.

— Неплохая идея. Тогда я нарисую их в золотой лодке, и это будет уже не репродукция, а моя собственная картина.

— А как же бабушка на гепарде? Когда ты ею займешься?

— И бабушка на гепарде, и Халимар на бронтозавре — все будет. Я теперь много работать буду. Я знаю, что мне нужно! Я докажу тебе, что я чего-то стою.

«Мне ты можешь ничего не доказывать, — подумала Халимар. — Я и так знаю, что ты

лучше всех».

— Сначала себе докажи, а я подожду, — сказала вслух.

С этой самой минуты Хома все свое свободное время отдавал живописи. Если бы Халимар не заставляла его есть, спать и ходить на работу, он бы и об этом забывал. На то она и муза: все должна помнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ: ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ХОМЫ

«Теперь я знаю, что буду писать. Я видел Халимар на Эване. Счастливую и смеющуюся. Больше никто из ныне живущих людей не удостаивался такого зрелища. Я должен рассказать всем, что я видел».

— А стоит ли? — подслушала мысли Хомы Халимар. — Зачем показывать это миру? У мира есть другие заботы.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего конкретного. Но, глядя на обилие разноцветных лоскутков на улицах, можно предположить, что миру нет никакого дела до лох-несского чуда и до меня, девушки-джинна!

— Я не соглашусь с тобой! Это все — суета, а чудеса будут вечно. Как и ты, Халимар. Ты — самое большое чудо.

— Никакое я не чудо! Я самая обычная девушка-джинн.

— А Эван — самый обычный бронтозавр. А если вас объединить, то получится самая необычная картина.

— Ты помнишь, как выглядит Эван? Может, слетаем еще раз в Шотландию? За вдохновением!

— Ты права. Тебя я смогу нарисовать в любой момент, пока ты здесь. А вот Эвана, когда ты улетишь, я больше не смогу увидеть.

— А если я улечу, и ты не успеешь закончить картину? Кто же тогда будет тебе вместо меня позировать?

— Никто. Во-первых, у меня полно эскизов. Во-вторых, у меня уже есть готовая картина. А в-третьих, я вижу тебя, даже когда закрываю глаза.

— Но с закрытыми глазами рисовать неудобно, — заметила Халимар.

— Ну, что ж, тогда я буду смотреть на картину.

— Чудесная картина! Мне очень нравится. И совсем не видно, что ты бессовестно передрал сюжет у своего коллеги!

— Ничего я не передрал! Какой у него сюжет? У него просто «Ковер-самолет». А у меня — «Хома и Халимар летят в Шотландию».

— Хома! Ты настоящий художник! Я уверена, что если бы ты выставил это на продажу, отбоя не было бы от желающих приобрести.

— Я ни за что не соглашусь с ней расстаться! — твердо сказал Хома.

— Не хочешь продавать — подари кому-нибудь. Какому-то музею, театру, кинотеатру, школе! Все равно, кому! Главное, чтобы люди видели это! — настаивала Халимар.

— Может быть, когда-то я подарю ее, а может, даже и продам. Мне не нужно материальное подтверждение того, что ты есть в моей жизни. Но пока я хочу, чтобы картина оставалась в этой комнате.

— А как же слава, признание? Ты хотел этого.

— Хотел! Я хотел, чтобы на меня не смотрели, как на неудачника. Хотел нравиться

девушкам. Хотел иметь много денег.

— А сейчас?

— А сейчас мне все равно, кто обо мне что думает. Главное, чтобы ты восхищалась моими картинами. Мне это приятно.

— Ой, Хома! А мне как приятно это слышать! Я восхищаюсь твоими картинами, не побоюсь этого слова. А тобой я восхищаюсь еще больше! И чтобы полет в Шотландию не остался твоим единственным шедевром, полетели туда снова! Эвана срисовывать с натуры.

— Полетели! Только не очень быстро: полет сам по себе приятен, а не только конечная его цель, — вспомнил Хома слова Халимар.

— Наконец-то ты это понял, — обрадовалась Халимар.

Туфля стала медленно увеличиваться до размеров небольшой лодки.

— Садись, Хома! Пристегни привязные ремни! — скомандовала Халимар.

— Что-то новенькое! Раньше здесь этого не было! — заметил новшество Хома.

— А еще раньше и тебя не было.

— Тебя тоже когда-то не было, хоть ты и будешь жить вечно, — напомнил Хома.

— Это очень странно! Если я буду жить вечно, значит, я должна была бы быть всегда. Что-то не так. Где я была, когда меня не было?

— Наверное, там же, где и я. Летали бестелесными во Вселенной и ни разу не столкнулись...

— Лбами, — подсказала Халимар.

— Лбами, — повторил Хома. — У нас тогда просто лбов не было, а так бы обязательно столкнулись. Не может быть, чтобы мы с тобой раньше не встречались. Мне кажется, я знаю тебя давно, еще до того, как родился, — задумчиво сказал Хома. — Халимар!

— Что, Хома? — с надеждой спросила девушка.

— Только никакого воровства! Высади меня где-то у супермаркета, я куплю нам что-то поесть в дорогу.

— Ах, оставь! Я тебя сама накормлю. У тебя осталось только четыре желания. Не буду же я их забирать у тебя из-за какого-то угощения в лодке!

— Но забирала же! — напомнил Хома.

— Тогда я это делала специально, чтобы заставить тебя действовать решительно. А сейчас... Я хочу, чтобы ты поберег желания для чего-то важного, — сказала Халимар.

— Так я уже стал художником, — вспомнил Хома. — Мое желание исполнилось.

— Исполнилось, исполнилось, сообразительный господин мой.

Лодка стремительно мчалась в Шотландию. Сегодня учебник географии не понадобился. Хома уже запомнил, как называется ее столица. А больше ему и не надо знать: все, что будет интересно, можно спросить у Халимар. Она все равно болтает без умолку.

— Не болтает, а разговаривает. Наслаждаюсь речевой деятельностью. Скоро я вернусь в Страну Свободных Джиннов, там не очень-то поговоришь. Им лень рот открыть, только думают. Я понимаю, что потребность в языке отпадает, когда твои мысли читают. Но иногда так приятно слышать звуки!

— Так говори и там! Кто может тебе запретить? У вас же свободная страна, — подсказала Халимар.

— Да! Как я сразу до этого не додумалась? У нас же свободная страна! Захочу — и буду говорить. А еще я петь там буду! «Девушка Прасковья из Приднестровья...»

— А другие песни ты знаешь?

— Знаю, конечно. Но это первое, что в голову стукнуло.

— Хорошо, что не кирпич, — пошутил Хома.

— Шутник. Вылезай, приехали. Эван! Эван! — громко закричала Халимар, так, что эхо отозвалось в горах.

Хоме тоже захотелось громко закричать, услышать, как эхо отразит его голос.

— Халимар! — громко крикнул он, сложив у рта ладони. — Халимар! Я люблю тебя, Халимар!

И горы Шотландии повторили за ним: «Халимар! Я люблю тебя, Халимар!»

Возвращались поздно. Остановились недалеко от дома. Был восхитительный летний вечер. Теплый и ароматный, наполненный цветением каких-то деревьев.

— Давай посидим, — предложила Халимар.

Сели на скамейку в старом двореке, смотрели на окно комнаты Хома.

— Хома, — нарушила тишину Халимар. — У тебя осталось только четыре желания. Четыре желания — и я умчусь в Страну Свободных Джиннов.

— Ты очень хочешь туда? — спросил Хома.

— Конечно. Все джинны этого хотят. Там прекрасно! Ты был там, сам знаешь.

— Я хочу загадать желание прямо сейчас, — решительно сказал Хома.

— Да? Ты хорошо подумал? Помни: у тебя осталось только четыре, — предупредила Халимар.

— Я хочу, чтобы ты была свободной! — твердо сказал Хома. — Такое мое желание.

— Ты освобождаешь меня, Хома?! Ты хочешь, чтобы я умчалась от тебя в Страну Свободных Джиннов?!

— Мне повторить четыре раза?

— Нет. Не надо. Я пойду соберу свои вещи.

Халимар легко вбежала по ступенькам на третий этаж. Ключей у нее не было, но дверь послушно распахнулась перед ней. На девушке был темно-зеленый наряд из шелка: шаровары и блуза с пышными рукавами. А когда спускалась по лестнице вниз, была уже в платье и светлой трикотажной кофточке с пуговицами впереди.

— Моего здесь ничего нет. И дом не мой. И дети не мои, — грустно сказала Халимар, очень убедительно изображая персонаж Голди Хоун.

Вдруг зазвучала печальная музыка из фильма «За бортом».

— А ты тот самый потнющий плотник, который меня терпеть не может, — продолжила свое выступление Халимар.

— Я люблю тебя, Халимар, — тихо сказал Хома.

Он мог бы и не говорить этого, девушка читала это в его мыслях.

— Я люблю тебя, Халимар, — снова повторил он.

Музыка прекратилась. Наряд Халимар мгновенно сменился на прежний.

— Ты любишь меня, Хома? — недоверчиво спросила Халимар. — Ты любишь меня, Хома, и позволяешь мне улететь?

— Да, я люблю тебя, Халимар, и хочу, чтобы ты была свободной. И перестань дурачиться! Давай простимся, как люди.

Внезапно по щеке девушки покатилась слеза. Хома подошел к Халимар близко-близко и обнял ее за плечи. Обнял, прижал к себе, уткнулся лицом в ее мягкие волосы. Дышал глубоко, чтобы напоследок насладиться любимым ароматом.

— Прощай, — решительно убрал руки с плеч девушки.

— Прощай, Хома, — печально произнесла Халимар. — Я никогда тебя не забуду.

Она отошла на несколько шагов от Хома. Туфля ее стала медленно увеличиваться, наконец, стала размером с небольшую лодку и остановилась.

Лодка с Халимар поднялась в воздух.

— Не грусти, Хома! Рано или поздно это должно было случиться! — Халимар отправила Хоме прощальный воздушный поцелуй. — Прощай!

Золотая лодка поднималась в небо. Халимар, его любимая Халимар улетала от него в свою счастливую вечную жизнь. Она выйдет замуж, нарождает кучу маленьких джиннов. А самого старшего назовет Хомой. Будет единственный в Стране Свободных Джиннов джинн по имени Хома.

«Прощай, любимая! Я всего лишь маленький человек, встретившийся тебе в твоей вечной жизни. Скоро ты забудешь меня. Что моя жизнь по сравнению с вечностью?»

Хома почувствовал, что ему стало трудно дышать. Никогда еще ему не было так тяжело. «Может быть, я умираю?» — подумал он. Вспомнил бабушку, с которой не успел попрощаться. Она умерла, когда он учился на третьем курсе. Вспомнил родителей, осиротивших его одновременно. Когда родители погибли, Хоме было всего пять лет. «Мужчины не плачут», — твердила ему бабушка, потерявшая в тот день дочь и зятя. И он не плакал. Папа не справился с управлением на скользкой зимней дороге. Его машину вынесло на встречную полосу и бросило под колеса огромного «КАМАЗа». Папа спешил отвезти маму в город, в больницу. У нее отошли воды. Так они и погибли все вместе, в один миг: мама, папа и неродившийся братик Хома.

«Мужчины не плачут», — сказала бабушка Сереже. И он не плакал. Смотрел с каменным лицом, как засыпают могилу родителей, и не плакал. Все вокруг плакали, чужие люди рыдали. А он прижимался к бабушке и молчал. Люди плакали, глядя на застывшего от горя ребенка.

Внезапно Хома почувствовал, как слезы потекли из его глаз. Он не оплакал родителей, брата, бабушку. Тогда он не уронил ни слезинки. Слезы камнем лежали на его сердце, давили его. Запоздалые рыдания вырвались из его груди. Он вновь почувствовал себя маленьким мальчиком, пережил трагедию, обрушившуюся на него в пятилетнем возрасте.

Теперь дышать стало намного легче. Как будто тяжелый камень, давивший его много лет, свалился. Хома сел на скамейку, где целую вечность назад сидела Халимар. Нежно провел рукой по деревянной доске.

Кто-то бесшумно подошел сзади и закрыл ему руками глаза. Эти дивные пальчики он узнал бы и через тысячу лет.

— Хома! Ты плачешь, Хома? — на скамейку рядом с ним опустилась Халимар. — Вытри нос!

Халимар протянула ему носовой платок. Хома послушно высморкался. Платок куда-то исчез, как будто растворился.

— Халимар! Ты вернулась ко мне!

— Конечно! Я теперь свободный джинн! Где хочу, там и живу! Ты же освободил меня. Я могу жить здесь хоть сто лет. Ты рад?

— Не знаю, буду ли я рад, когда стану дряхлым стариком, но сейчас я рад безумно! Я чуть не умер от горя, когда ты улетела! — признался Хома.

— Пошли домой, — предложила Халимар.

— Пошли, — согласился послушно Хома. — Я так устал! На меня так много всего

навалилось сразу, и горе, и радость. А я всего лишь человек.

— Пойдем, любимый! Хотя ты мне больше не повелитель, я буду послушной, как прежде, — кротко сказала Халимар.

— С трудом, но верю, — сказал Хома. — И что мы будем делать дома?

Они поднялись по крутой лестнице на третий этаж и вошли в квартиру.

— Ты будешь спать, а я буду оберегать твой сон, — пообещала Халимар.

— А от кого его оберегать? Разве нам что-то угрожает?

— Надеюсь, что нет. После того, что случилось с Ибрагимом, он уже никогда не будет меня похищать. Может, у тебя есть тайные поклонницы, которые будут пытаться тебя украсть?

— Нет! — засмеялся Хома. — Никого у меня нет и никогда не будет. Мне нужна только ты.

— Ты абсолютно уверен в этом?

— Аб-со-лют-но!

— Тогда тебе придется купить новый диван. Спать с тобой на этой рухляди я не собираюсь, а в бутылке ночевать сегодня я тоже не хочу. Ведь я теперь свободный джинн!

— Халимар! Так поздно не работает ни один мебельный салон. Может, поспишь сегодня со мной на этом стареньком диване?

— Ни за что! Каким ты был, Хома, таким и остался. Тебя ничему не научило общение с джинном.

Внезапно посреди комнаты появился белый диван. Он занял все свободное место между продавленным диванчиком Хома и старым комодом.

— Халимар, почему ты не сделала это раньше? — удивился Хома.

— Это мое, — указала на белый диван Халимар. — А это — твое. Теперь ты мне не господин и повелитель, мы просто добрые соседи.

— Соседка! А можно, я приду к тебе сегодня в гости? — робко спросил Хома.

— Конечно! Конечно, приходи. Можешь сделать это прямо сейчас. Немедленно!

Хома прыгнул на белый диван. Откуда-то с потолка на него свалилось легкое одеяло. На голову упала подушка.

— Ты теперь всегда будешь со мной? — шептал Хома на ушко Халимар. — Ты не будешь убегать от меня в свою бутылку?

— Буду! Если ты будешь мне мешать спать! Закрывай глаза и спи. Мне завтра рано вставать.

— Вот как? А зачем тебе рано вставать? Признавайся! — потребовал Хома.

— Я хочу осуществить свою мечту. Буду писать учебник по джиннологии. Теперь я свободный джинн, могу делать все, что захочу. И еще я должна устроиться на работу.

— А работа тебе зачем? — удивился Хома. — Ты же можешь наколдовать себе все, что угодно! Зачем тебе работать?

— Просто так. Я не могу сидеть в четырех стенах. Я хочу общаться с людьми, — объяснила Халимар.

— И кем ты можешь работать? — спросил Хома.

— Вопрос поставлен неправильно. Я могу работать, кем угодно. Вопрос в том, кем я захочу быть. Я подумаю об этом утром, после того, как получу свой долгожданный кофе в постель.

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! Ты хитрая, знаешь, что, даже исполнив твои

тридцать три желания, я не улечу от тебя никуда.

— Я не только хитрая, — сонно сказала Халимар. — я еще и потрясающе красивая и невообразимо умная девушка.

Халимар крепко уснула в объятиях Хома. Хома поцеловал то, что оказалось у него рядом с губами (а это был нос девушки), и тоже крепко уснул, счастливо улыбаясь.

Когда Хома утром проснулся, Халимар возле него не было. «Чего она вскочила так рано?» — подумал он.

— Наконец-то! — воскликнула девушка. — Долго мне еще ждать мой завтрак в постель?

Она сидела перед зеркалом, которого раньше в комнате не было, и причесывалась. На ней был голубой кружевной халатик и золотые туфельки с загибающимися кверху носками.

— О завтраке мы не договаривались, ты говорила вчера только о кофе, — вспомнил Хома.

— Не ленись, Хома! Вчера клялся в вечной любви, когда я улетала, а сегодня не хочешь завтрак приготовить. Если ты будешь так себя вести, я буду улетать от тебя в Страну Свободных Джиннов каждый день, — пригрозила Халимар.

— Я согласен! Только и возвращайся тоже каждый день! Бегом в постель! Я принесу тебе завтрак.

— Я передумала, — сказала Халимар и сбросила халатик.

Хома закрыл глаза. Ему больно было смотреть на такую красоту. Халимар забралась к нему под одеяло. На ней сейчас были только золотые туфельки.

— Халимар, — шептал Хома, — я сейчас умру от счастья...

— Я сама тебя сейчас убью, Хома! Я так долго ждала. Я больше не твой джинн, я твоя Халимар... Я твоя, Хома...

И Хома сделал то, что на его месте сделал бы любой нормальный мужчина.

Потом они долго лежали, обнявшись.

— Хома! Ты жив?

— Кажется, жив.

— А я умерла и снова ожила, — призналась Халимар.

— Мы теперь всегда будем вместе? Ты не умчишься от меня в свою свободную страну?

— Зачем лететь в заоблачную страну, когда мое счастье здесь? Я люблю тебя, Хома. Я буду любить тебя вечно.

— Я тоже люблю тебя, Халимар. Я буду любить тебя до самой смерти.

— Ой, Хома! Ты снова оживаешь!

— Халимар! Когда ты станешь серьезной? Ты шутишь даже в самый неподходящий момент!

— Хома, я снова хочу умереть и ожить в твоих объятиях! — потребовала она.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил он.

В тот день Халимар так и не приступила к написанию учебника. Хома и Халимар просто не вылезали из постели.

И снова пришел восхитительный летний вечер, наполненный цветением каких-то деревьев. А Хома и Халимар так и не смогли оторваться друг от друга.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ: ОБРУЧЕНИЕ ХОМЫ И ХАЛИМАР

Утром Хома покрыл все тело Халимар поцелуями и умчался на работу. Часам к двенадцати к нему явилась его возлюбленная собственной персоной. Волосы собраны в тугой пучок, скромная облегающая маечка, джинсики. Не джинн, а прилежная студентка.

— Хома! Мне нужен компьютер. Я приступаю к работе над учебником, — объявила Халимар.

— Неужели? Всемогущему джинну понадобилось что-то от человечества? — улыбнулся Хома. — Выбирай все, что тебе понравится. Я оформлю кредит. Мне еще положена десятипроцентная скидка.

Хома обратился к администратору:

— Андрей Сергеевич! Я хочу купить компьютер жене, помогите ей разобраться. Все самого лучшего качества!

Администратор подкатил к Халимар. Он повел ее в отдел. Ей показывали вещи, в которых она ничего не смыслила. Она очень внимательно выслушала технические характеристики всех составляющих ее будущего персонального компьютера, а выбрала все исключительно по названиям. Если ей нравилось слово, она соглашалась купить.

— Лексмарк! Да, я беру это! Какое слово красивое!

Приблизительно так ею были куплены монитор, клавиатура, мышка. Только коврик она выбрала из-за картинки. На нем была изображена карта, похожая на пиратскую из мультфильма. Все приобретенное богатство Халимар пообещали привезти к пяти часам, а сама она отправилась домой налегке.

— Пока, Хома! Встретимся дома, — прошла мимо любимого, только помахав ему рукой.

«Могла бы и поцеловать, — обиделся Хома. — Не чужой человек!»

Еще никогда Хома не ждал с таким нетерпением конца рабочего дня. Скорее домой, заключить в объятия свою любимую, целовать ее, наслаждаться близостью. Он стоял у входа в магазин с блаженной улыбкой.

Его состояние заметили сослуживцы.

— Что ты сияешь, Хома? В лотерею выиграл?

— Ага! Еще лучше! Женился!

Он просто светился от счастья, и тем самым привлекал к себе любопытные взгляды. На счастливого человека всегда приятно смотреть. А от тоскующего хочется бежать за тридевять земель.

По дороге домой Хома заскочил в цветочный магазин. Надо купить Халимар цветы. Ведь сегодняшней день они будут праздновать теперь, как день создания их семьи.

«Поверить не могу! Халимар — моя жена! Мы живем с Халимар, как муж и жена. И пусть у нас нет никаких документов, мы все равно муж и жена. Моя жена джинн. Самая необычная девушка стала моей женой!»

Ему так нравилось повторять это слово, что он даже сказал вслух:

— Халимар — моя жена.

В магазине он долго выбирал цветы для своей любимой. Все они были не достаточно красивы для Халимар, так ему казалось.

Сначала он хотел купить одну большую розу. Самую красивую красную розу! Передумал. Потом решил купить много-много белых розочек. Огромный букет изящных белых роз! Передумал. Он вспомнил, что Халимар называла когда-то свои любимые цветы. Кажется, орхидеи.

— У вас есть орхидеи?

— Нет, орхидей у нас нет. Но у нас большой выбор других цветов. Вы на какую сумму рассчитываете?

«Черт! Я же забыл посмотреть, сколько у меня денег в кошельке! Выбрал бы сейчас огромный букет роз! Надо выйти и пересчитать деньги».

Хома вышел, раскрыл кошелек. Он еще не успел проверить его содержимое, как заметил женщину, продающую цветы прямо на улице. У нее было несколько букетиков фиалок.

«Где она взяла это весеннее чудо в самый разгар лета?» — подумал Хома.

Выбор был сделан. Хоме понравились фиалки. И цена понравилась тоже.

«Размер не имеет значения», — вспомнил Хома слова Халимар. Какая разница. Принесет он огромные розы или миниатюрные фиалки? Главное, он думал весь день о любимой.

Вышел из троллейбуса, быстро преодолел путь от остановки к дому, взлетел по лестнице на третий этаж, открыл дверь. Скорее обнять любимую! Но любимая висела в воздухе.

Она сидела, поджав под себя ноги, перед новеньким монитором, на котором непонятно каким образом возникали буквы и складывались в слова. Клавиатура не была подключена. Мышь бегала по столу и трогательно пищала. Хома подошел ближе.

— Халимар! Он же не подключен! — сказал Хома, имея в виду компьютер.

— А зачем? Так тоже неплохо!

— Как же появляются буквы на мониторе? — удивился Хома.

— Он читает мои мысли, — объяснила Халимар.

Халимар опустила вниз и обняла Хому. Новые буквы перестали появляться на мониторе. Хома прочел: «Параграф 7. Теория происхождения джи».

— Ого! Уже седьмой параграф! Ты делаешь успехи, — похвалил он свою любимую.

— Интересуешься? Можешь почитать.

Принтер заработал. Через несколько секунд Хома держал в руке лист с отпечатанным текстом, хотя Халимар не закладывала бумагу в лоток.

— Халимар, зачем тебе понадобился компьютер? Ты бы и без него справилась.

— Я современная девушка, мне нельзя без компьютера. Я же не в пещере родилась, — объяснила она Хоме.

Хома взял первый лист и начал читать.

«Введение в джиннологию, параграф 1.

Люди со второй группой крови ошибочно полагают, что этот учебник им ни к чему. Они думают, что знают о джиннах все. Забудьте обо всем, что вы узнали до этого момента, и отправляйтесь в увлекательный мир знаний! Никто не сможет рассказать вам о джиннах лучше меня!

Возьмем энциклопедический словарь и отыщем в нем букву «Д». Читаем: джинн — это бестелесное существо, дух. Ложь! Наглая, бессовестная ложь! На самом деле, джинн — это существо из плоти и крови, способное в случае необходимости становиться бестелесным духом. И это чистая правда!

Джинн в состоянии сделать со своим телом все, что угодно: липосакцию, подтяжку, устранение перхоти, морщин и целлюлита. Но в этом нет необходимости. У джиннов не бывает целлюлита, морщин, перхоти и кариеса. Лишних жировых отложений у джиннов тоже не бывает. Все джинны молоды, стройны и красивы. Такими остаются они на

протяжении целой вечности».

Халимар погладила мышку.

— Есть будешь?

— Буду! Конечно, буду, — ответил Хома.

— Я вообще-то мышку спрашивала. Но раз ты голодный, я тебя накормлю. Я должна о тебе заботиться.

Хома вспомнил, что забыл подарить Халимар цветы.

— Халимар! Я хочу, чтобы мы запомнили этот день, как день рождения нашей семьи. Теперь мы будем отмечать его ежегодно. Прими от меня эти цветы!

— Пятнадцатое июля! Очень красивая дата, — заметила Халимар. — Спасибо за цветы!

Они так пахнут! Подожди, у меня тоже есть для тебя подарок. Вот! Нравится?

Она протянула Хоме черепаху.

— Это мне? — удивился Хома. — Интересный подарок.

— Я хочу проверить, правда ли то, что эти милашки живут триста лет. Я назову ее Одесса. Когда мы улетим с ней в Страну Свободных Джиннов, она будет напоминать мне о тебе и твоём городе.

— Ты же утверждала, что тебе не нужны никакие предметы, чтобы помнить меня!

— Одесса — не предмет. Она — живое существо. Что плохого в том, что живое существо триста лет будет напоминать мне о сегодняшнем дне?

— Халимар! Я так счастлив, что ты со мной. Меня не пугает даже то, что когда-то меня не станет. Зато будешь ты, а значит, будет жить наша любовь.

— А чтобы тот день, когда тебя не станет, не наступил скоро, я предлагаю тебе поужинать, — напомнила Халимар.

— Сегодня — это самые приятные слова, что я от тебя слышал.

— То ли ещё будет! — пообещала Халимар.

После необычайно вкусного ужина, приготовленного собственноручно Халимар, Хому стало клонить в сон.

— Хома! Не спи, Хома! Жизнь человека так коротка. У меня целая вечность впереди, и то я не хочу терять ни мгновения попусту. Давай ещё сегодня слетаем в паб джиннов! Я хочу тебя познакомить с моими друзьями.

— С белыми джиннами? Мы знакомы!

— Раньше ты был временным владельцем моего зеленого флакона, а теперь ты постоянный владелец моей души и моего тела в придачу.

Хома был польщен. Ему сразу же расхотелось спать. Халимар взяла его крепко за руку — и в то же самое мгновение они вдвоем оказались в пабе джиннов.

— Друзья! — сказала Халимар вслух. — Хочу представить вам моего мужа. Сегодня мы с Хомой стали мужем и женой.

— Поздравляем! — послышалось отовсюду.

— Я знал, что этим все закончится, — сказал один джинн. — С самого начала было ясно, что вы — пара!

Теперь из уважения к Хоме джинны говорили вслух. К Хоме и Халимар подплыли и застыли в воздухе два бокала, наполненные каким-то прозрачным напитком. Только Хома захотел выпить, как Халимар остановила его.

— Подожди! Не сейчас, — тихо сказала она.

К счастливой паре подходили белые джинны. Каждый из них снимал с себя какое-то

золотое украшение и бросал в один из бокалов. Когда жидкость из бокалов стала выливаться через край, Халимар сказала:

— Пей!

Хома выпил. О, чудо! Вместо множества украшений в бокале оказалось только одно — золотой браслет. Точно такой же браслет был теперь и в бокале Халимар.

«Это же обручальные кольца джиннов!» — вспомнил Хома.

Халимар надела кольцо на запястье левой руки Хома. Хома надел свое кольцо Халимар. Он почувствовал, как плотно браслет обхватил его руку.

— Все! Теперь мы никогда уже не сможем их снять. И даже твоя смерть нас не сможет разлучить, — сказала Халимар. — А теперь ты скажи мне что-нибудь хорошее.

— Я... Я... Я... — только и смог пролепетать брачующийся.

Все белые джинны, включая Халимар, весело рассмеялись. У Хома был такой забавный растерянный вид!

— Можешь просто меня поцеловать, — подсказала Халимар. — Этого достаточно: твои мысли тут ни для кого не секрет.

Когда Хома и Халимар вернулись домой, ему совсем не хотелось спать. Халимар снова зависла у компьютера, а Хома читал те параграфы учебника, которые уже выдал принтер.

«Джинны могут легко и безболезненно изменить себе прическу, цвет глаз и волос, не прибегая к помощи стилиста или окулиста. Джинны могут увеличить свое тело до необходимого размера, и точно так же могут становиться безобидными крошками. Обратите внимание: девушки-джинны легко могут увеличить себе размер бюста, но никогда не делают этого. Девушки-джинны понимают, что сам по себе размер груди никого не сможет сделать счастливым или несчастным. Главное, что мы думаем по этому поводу.

Девушки-джинны любят косметику и украшения, хотя прекрасно могут обходиться как без одного, так и без другого.

Мода! Вот о чем стоит упомянуть в самом первом параграфе учебника. Девушки джинны любят натуральные ткани радостных оттенков. Все, что навеивает грусть и тоску, безжалостно уничтожается или дарится младшим сестрам. Пусть те сами уничтожат скучные вещи!

Девушки-джинны любят кошек.

Люди со второй группой крови могут решить, что им незачем читать этот учебник. Ошибаетесь, дорогие мои! Вам тоже будет интересно узнать!

Параграф 2.

Дети

Дети джиннов не растут на деревьях. Как, впрочем, и дети людей. Но люди почему-то своих детей называют то плодами, то цветами. «Ребенок — плод любви». «Дети — цветы жизни». Джинны никогда не позволяют себе такие высказывания. Маленькие джинны — не плоды, а тем более, не цветы. Это маленькие монстры с чудовищными, отвратительными характерами, способными вывести из равновесия самого уравновешенного взрослого джинна!

Маленьким джиннам разрешено делать все: портить мебель, одежду, писать натюрморты на новых обоях, съедать сразу по целой коробке шоколадных конфет, обстригать котам усы, а кошек дергать за хвосты. Детям позволяют делать все. И это не специальная педагогическая методика, это — жестокая необходимость. Детям просто ничего нельзя запретить. Бесполезно! Они вредные и непослушные. И только тогда, когда

они в изнеможении сваливаются от усталости и засыпают, не успев смыть со своих рук и лиц следы своей преступной деятельности, родители-джинны могут полюбоваться ими и рассмотреть, чьи черты унаследовали их малыши.

За пару секунд родители наводят порядок в разгромленном мире детей. Склеивают то, что еще можно склеить, чинят то, что еще можно починить, ремонтируют то, что еще поддается ремонту. И навсегда прощаются с теми предметами, которые уже не подлежат ремонту, починке, химической чистке и стирке.

Когда дети достигают, наконец, совершеннолетия, их одевают, обувают, находят для них подходящий сосуд — и отправляют на Землю, чтобы они пару веков учились уму-разуму и помогали людям осуществлять сокровенные мечты.

Самые смелые и дерзкие мечты, самые немыслимые желания помогают осуществить джинны тем людям, которые на некоторое время становятся обладателями чудесного сосуда.

Традиционная форма ответа на поставленную задачу — «Слушаю и повинуюсь, мой повелитель!»

После того, как юный джинн выполнит тридцать три желания тридцать третьего владельца своей бутылочки, он может вернуться в семью. Теперь он уже не шалит, ничего не портит, не разрушает, не разбивает и не рисует на самых неожиданных местах. Родители радостно заключают его в свои объятия.

Параграф 3.

Любовь и брак

Люди, имеющие вторую группу крови, считают, что браки на небесах завершаются. С полной ответственностью за свои слова заявляю: браки на небесах совершаются».

— Халимар! Мы только поженились, — не выдержал Хома, — а ведем себя так, будто живем вместе уже двадцать лет.

— Откуда тебе знать, как ведут себя люди, прожившие в браке двадцать лет?

— Ну, я так представляю: она печатает учебник, а он что-то читает.

— Это не о нас! Я сейчас тебе покажу, что мы будем делать через двадцать лет.

Халимар переместилась плавно по воздуху и нырнула под одеяло. Хома послушно оставил чтение и последовал ее примеру. С одной только разницей, что не прилетел, а пришел своим ходом. И совсем не для того, чтобы пожелать Халимар спокойной ночи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ОБ ИБРАГИМЕ

Ибрагим медленно шел по улице и думал, так ли он действительно любил Халимар. Он давно понял, что она никогда не ответит ему взаимностью. Еще тогда, когда она бегала с ободранными коленками по синей траве, Ибрагим знал, что она не для него. Вокруг нее всегда было полно друзей, она всегда была в центре внимания. Ибрагим, скорее всего, завидовал ей. Сам хотел быть лидером и заводилой, как Халимар. А с ним никто долго не выдерживал общения. Ни в какие игры не мог найти он себе партнера. Если кто-то играл хуже, чем он, Ибрагим смеялся и делал замечания. Если же кто-то играл лучше, Ибрагим злился и сам первый прекращал игру. Ему нравилось только побеждать. Скорее всего,

именно поэтому он и возжелал Халимар. Для него она просто стала воплощением его детской мечты о победе. Иметь возле себя Халимар в качестве послушной и заботливой жены — это означало для него утереть нос всем своим сверстникам.

Зачем она нужна была ему? Сейчас Ибрагим понимал, что у Халимар далеко не ангельский характер. Постоянные шуточки, розыгрыши! Характер несносный! С такой женой хлопот не оберешься. Зачем она нужна была ему? Если бы можно было все вернуть! Он бы ни за что не приблизился к ней, пусть бы морочила голову своему бездарному художнику.

«А я бы вернулся в Страну Свободных Джиннов, нашел бы подругу, женился и жил бы себе нормальной вечной жизнью. А что сейчас? Как я смогу вернуться в ССД обещанный? Как я взгляну в глаза своим родителям, сестрам и братьям? А как они потом будут смотреть на меня? Нет, лучше здесь!»

Ибрагим мог бы остаться жить у Аркадия. Но не захотел. Там все напоминало ему о том, что произошло. Ибрагим мог бы наколдовать себе все, что угодно. Ведь он по-прежнему оставался джинном. Но после того, как он лишился своих золотых туфель, что само по себе было большим позором для джинна, у него опустились руки. Ему ничего не хотелось. Махнул на себя рукой и стал потихоньку опускаться.

Был он по-прежнему молодым и красивым, как все джинны. Высокий брюнет с карими глазами, с чертами лица, способными свести с ума любую девушку на земле и на небесах. Но в старой одежде, босиком, с отросшими волосами, небритым лицом и тоской в глазах он вызывал только жалость и отвращение.

Он мог бы в одну секунду сменить одежду, сделать новую обувь вместо потерянных навсегда золотых туфель, но не хотел. Не ел, не пил. Просто ходил по улицам бесцельно или сидел в сквере на скамейке. Ел только тогда, когда случай посылал ему какую-нибудь добрую старушку, делившуюся с ним булочкой или пряником.

Ибрагим опустился на скамейку в парке. Его босые грязные ноги привлекали внимание и вызывали у людей недоумение. На его скамейку больше никто не садился. Он уже привык к этому. И даже рад был, что рядом никого нет. Вдруг на скамейку села чистенькая старушка, от которой так приятно пахло. Очень аккуратная старушка, модная старушка, в розовых брючках и бежевой блузе.

— Проблемы? — спросила она без предисловий. — Может, я смогу чем-то помочь?

— Ненавижу стариков и старух! — сказал Ибрагим.

— Я сама их ненавижу! — совсем не обиделась на него старая женщина. — Вечно жалуются на болезни, говорят только о своих внуках. Как будто в мире больше ничего интересного не осталось! Я, например, очень люблю ходить в кино, и делаю это регулярно, раз в неделю. Вы любите ходить в кино? Пожалуй, нет. Босиком в кинотеатр вряд ли пустят. А хотите, я куплю вам туфли? Тогда вы сможете сходить в кино!

— Мне уже никто и никогда не сможет вернуть мои туфли, — с горечью произнес Ибрагим.

— Ваши — нет. Но можно купить другие. Какой у вас размер обуви?

— Я не знаю, какой у меня размер. Для меня размер не имеет значения.

— Тогда вы посидите здесь, а я скоро вернусь!

«Зачем она делает это? Какое ей дело до того, что у меня нет обуви? Какое ей дело до того, что я голоден или мне холодно? Я ведь ясно дал ей понять, что ненавижу стариков, в том числе и ее.

Внезапно Ибрагиму в голову пришла мысль, что не так уж и уродливо морщинистое лицо. И выцветшие от старости глаза людей бывают добрыми и лучистыми.

Старушка вернулась через тридцать минут. В руках она держала картонную коробку.

— Вот! Нравятся? — она протянула Ибрагиму пару кожаных туфель. — Это еще не все. Вот носки, чтобы ноги не натирать. Надевай!

Старушка незаметно для себя перешла на «ты».

— Не стесняйся! Считай, что я даю это тебе в долг. Вернешь, когда сможешь. Ты теперь совсем другим человеком себя почувствуешь. Вот увидишь! Это волшебные туфли.

— Что ты знаешь о волшебных туфлях, старуха?! — горько рассмеялся Ибрагим впервые с того момента, как его прекрасные золотые туфли разлетелись вдребезги.

Тогда он собрал золотые осколки, сложил в мешочек и до сих пор носит его на груди.

— Да, да! Не смейся! Поверь, что чудо произойдет — и оно произойдет. У меня сын пропал. Три года его не было. Не звонил, писем не присылал. Я верила, что случится чудо, и он вернется. И что ты думаешь? Я была не права? Он вернулся! Оказывается, он отработал сезон в какой-то артели старателей. Плохой артели. Он отработал честно, а его выгнали и ни копейки не заплатили. Он три года домой шел! За тарелку похлебки на работу нанимался к людям. Некоторые люди жалели его, давали денег и кормили. Другие — в лицо плевали. Как будто не понимали, что жизнь может иногда человеку такой фокус показать! Никто не должен относиться к человеку жестоко! Жестокость может вернуться к тебе увеличенная во сто крат. И вот мой сын вернулся домой. Правда, жена его за три года себе другого нашла. Но это не страшно. Теперь у него новая жена. А у тебя есть жена? — спросила старушка?

— Была невеста. Но она другого полюбила. Бездарного художника.

— Ничего! Ты тоже встретишь девушку, которая будет тебя любить. Ты молодой, красивый. Только руки опустились у тебя. Тебе нужно найти работу. Будешь среди людей, люди помогут тебе снова на ноги подняться.

Ибрагим принял подарок молча, без благодарности.

«За что благодарить? За эти кожаные туфли, которые рано или поздно придут в негодность? Потом их все равно придется выбросить. Я столько времени служил людям, выполнял их желания. Могу я теперь хоть что-то получить от них?»

Старушка пожелала Ибрагиму всего хорошего и ушла. Она радовалась, что совершила такой благородный поступок: почти половину своей пенсии отдала человеку, нуждающемуся в ее помощи. Ведь счастливее всегда тот, кто совершает благодеяние, а не тот, что его получает.

«Ну, ничего! У меня сын есть, он мне поможет. А у этого бедняги, похоже, никого нет. Парень такой несчастный! Может, благодаря моей помощи и у него дела наладятся. Может, он работу себе найдет хоть какую-то. А пока он босиком, все на него смотрят, как на бродягу».

Ибрагим, могущественный джинн Ибрагим принял помощь старушки. Он мог бы сотворить для себя все, что угодно, но пережитое горе придавило его к земле.

Так случилось, сто именно те, кого он больше всего презирал, проявили к нему наибольшее сочувствие. Старушки делились с ним скудной едой, а старички давали деньги и свежие газеты для чтения.

Ибрагим, носивший на груди мешочек с золотом наивысшей пробы, брал монеты у стариков и складывал себе в карман. Он не тратил деньги, ему не хотелось ни есть, ни пить. Иногда только покупал себе мороженое.

В новых туфлях было жарко. Он снимал их и часами сидел в парке на скамейке, уставившись в одну точку.

Однажды какой-то старик опустился рядом с ним на скамейку.

— Ай-ай-ай! Нехорошо так опускаться. Такой молодой, а сидишь без дела. Я давно за тобой наблюдаю. Я старый, у меня сил нет трудиться, а то бы я здесь не сидел! А хочешь, я отвезу тебя к себе на дачу? Мне жена там всего-всего насадила, а сама умерла. Наверное, все сорняками заросло. Проведешь там лето, может, что из овощей поспело. Голодным не останешься!

Ибрагим молчал. Ему было все равно. У него не было никаких желаний.

— Посиди тут! — предупредил старик. — Я только ключ возьму от домика. И деньги на автобус.

Ибрагим ждал. А что ему оставалось делать? Он не знал, чем ему заняться и как жить дальше. Поэтому позволил решать за себя другим, в частности этому доброму старичку.

Старичок вернулся довольно скоро: он жил неподалеку.

— Поехали! Живи там хоть все лето! И осенью там можно жить. А если печку построить, то и зимой можно будет жить. Там посадка рядом, дров заготовишь, если захочешь. Все-таки не бездомный. Там моя жена насадила овощей, в саду что-то созреет. Голодать не будешь. А если соседи захотят, чтобы ты и за их дачами присматривал, они будут привозить тебе продукты. Знаешь, как обидно, когда что-то твое у тебя из-под носа тянут!

— Знаю.

Это было первое слово, сказанное Ибрагимом старичку.

— О! Заговорил! — обрадовался старик. — А я думал, что ты глухонемой.

Ехали на дачу долго. Минут тридцать. Ибрагим, привыкший передвигаться на огромные расстояния за несколько секунд, с интересом смотрел во время поездки в окно, рассматривал дома и деревья.

Вышли на нужной остановке, пошли пешком.

— Мне жаль расставаться с этой дачей. Мы ее купили с женой, когда были молодыми. И соседи у нас здесь хорошие. Но сил у меня уже нет землю обрабатывать. А дети далеко живут, им моя дача ни к чему. Не думал, что моя Надежда Петровна раньше меня уйдет: я на одиннадцать лет старше ее! А что с тобой произошло? Почему ты бродяжничаешь?

Ибрагим не отвечал.

— Не хочешь — не говори. Это твое право. Поживешь у меня на даче. Тебе понравится! Я буду тебя навещать иногда, — пообещал старик.

— Здравствуйте, Михаил Александрович! Давненько вы не приезжали, — поздоровался мужчина, поливавший помидоры на соседней грядке.

— Здравствуй, Леня! Горе у меня, Леня, один я остался. Умерла моя Надежда Петровна. Некому теперь будет за огородиком смотреть.

— Ой, а я не знал ничего! Простите! Думал, что это соседи не приезжают? Я ваш огород поливал. У вас так все взошло хорошо, жалко было, что пропадет.

— Спасибо, Леня! Вот родственник мой поживет пока на даче. Заодно и за твоей присмотрит, чтоб воры не лезли собирать твой урожай.

— Это хорошо! Я только раз в неделю приехать могу. Вот в отпуск пойду, тогда поживу здесь недели две. А родственника как зовут?

Старик ничего не мог ответить. Он даже не знал имени человека, которому почему-то

решил помочь. Но не мог же он сказать соседу, что привез к себе на дачу совершенно незнакомого человека, бродягу.

Старик посмотрел в глаза Ибрагиму. Ибрагим понял, что происходит в душе старика. Ведь джинн по-прежнему умел читать мысли.

— Ибрагим, — сжалился над стариком повергнутый джинн.

— А меня Леней зовут! Михаил Александрович, Ибрагим! Идемте ко мне пить пиво с сушеными кальмарами! Ибрагим, ты пиво любишь?

— Любит, любит! — обрадовался Михаил Александрович, что все обошлось.

Ибрагим, привыкший к благородным напиткам в квартире Аркадия, узнал, каким вкусным может быть охлажденное пиво. Сосед угостил их еще сорванными на грядке помидорами и огурцами и картофелем, сваренным в кожуре.

Ибрагим, привыкший к изысканным блюдам, не мог понять, почему ему так понравилась такая простая еда.

Когда старик уехал, Ибрагим решил последовать примеру соседа и повырывать сорняки на огороде. Работа эта была для него абсолютно новой. Как, кстати, любая другая. Ведь до этого Ибрагим вообще ничего не делал. Он просто творил чудеса. Сейчас он совершенно не чувствовал усталости, ведь был он могущественным джином. Ему по силам была любая работа, а он всего лишь рвал сорняки. Он так увлекся, что очистил от сорняков весь участок.

— Ибрагим! Побереги силы. Оставил бы что-то на завтра, — посоветовал Ленья.

Ленья уехал домой, а на следующий день Ибрагим взялся за его участок. Он истребил все сорняки на огороде соседа.

Через пару дней все соседи Михаила Александровича по даче уже знали, что у него живет родственник. Соседи приходили, приносили угощение и хлеб. Просили, чтобы Ибрагим присматривал и за их дачами.

Ибрагиму понравилось обрабатывать землю. Ему нравилось, что во время прополки и окучивания ему не надо смотреть в небо. Он работал, не покладая рук и не поднимая головы, чтобы не смотреть туда, в небо. Он не хотел вспоминать о Стране Свободных Джинов, в которую теперь путь ему был закрыт.

Ибрагим подружился с Леньей, который приезжал на дачу по субботам. Ленья подсказывал Ибрагиму, что нужно делать на огороде и в саду. Ленья рассказывал Ибрагиму о себе, о работе, о семье. Ибрагиму ничего не хотелось рассказывать о себе. Он только слушал.

Однажды Ленья приехал и привез бритвенный прибор и ножницы.

— Ибрагим! — сказал Ленья. — Твоя борода — это твое личное дело. Не хочешь от нее избавляться — не нужно. А вот волосы тебе надо обязательно подстричь. Здесь двух мнений быть не может.

Ибрагим согласился с этим. Конечно, Ленья не был профессиональным парикмахером. Но он умел делать элементарные мужские стрижки. У него была большая практика в этом деле, когда он был моряком. За шесть месяцев рейса он, моторист, успевал не раз подстричь всех членов экипажа. Все тридцать человек! От капитана до повара.

Теперь Ленья уже не ходил в рейсы, работал на буксире в порту, а свое умение делать мужские стрижки решил применить к Ибрагимовой голове.

Ленья очень хорошо сделал свою работу. Стрижка получилась отличной!

— Ну, что? Бороду брить будем? — спросил сосед.

— А! Ладно, брей, — согласился Ибрагим.

Над лицом Ибрагима Ленья трудился значительно дольше, чем над прической. Когда

работа была окончена, Леня сказал:

— Зачем тебе нужна была борода? Ты, наверное, скрываешься от кого-то? Иначе зачем прятать такое прекрасное лицо? Я думал, ты намного старше. Тебе никак не больше двадцати пяти лет!

— Да, — ухмыльнулся Ибрагим, — никак не больше двадцати пяти лет.

«Если бы знал этот смертный, сколько мне на самом деле лет. Как он был бы удивлен!» — подумал Ибрагим.

Теперь, когда связь Ибрагима с джиннами прервалась, волей-неволей приходилось довольствоваться обществом людей. Ему приятно было общество Лени, которому было сорок семь лет, у которого была жена и двое взрослых детей. У детей — своя жизнь, а у жены — своя. Она вдруг внезапно поняла, что от нее уходит молодость, увлеклась разными оздоровительными гимнастическими, омолаживающими чистками и массажами. А для мужа у нее оставалось все меньше и меньше времени.

А у Ибрагима — в целом мире никого. Вот эти двое мужчин и стали друзьями. И хотя Ибрагим по-прежнему ничего о себе не рассказывал, зато о Лене он уже знал абсолютно все. Даже то, о чем сосед ему и не сообщал: ведь джинны умеют читать мысли.

Еще что-то очень важное произошло в сознании Ибрагима. Он уже не считал, что старики уродливы и портят внешний вид города. Он вдруг осознал, что без стариков в мире была бы нарушена гармония.

«То, что произошло со мной — большое несчастье. Я никогда не смогу вернуться в Страну Свободных Джиннов. Живу, как самый обычный человек. Я даже чувствую себя иногда человеком! А много ли найдется джиннов, которые могут сказать о себе то же самое?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ: ХАЛИМАР В ПОИСКАХ РАБОТЫ

— Хома! Ты должен мне помочь найти работу! — решительно потребовала Халимар.

— А как я могу тебе помочь? — удивился Хома.

— Очень просто! Берешь телефон, звонишь своему доброму знакомому, который занимает высокий пост или у которого есть связи, и говоришь: «Алло! Привет, дружище! Ты не мог бы моей супруге подыскать работу? Так, чтобы она не сильно напрягалась, но чтобы зарплата была приличная!»

— У меня нет таких знакомых, — стал оправдываться Хома.

— Конечно, нет! Поэтому не задавай глупых вопросов! Как помочь устроиться на работу? Пойдем по городу, читаем объявления. Может, найдем что-то интересное.

В центр города добирались на троллейбусе. А дальше — пешком. От одного дома к другому, от одного квартала к третьему. В бары и рестораны требовались официанты, в магазины — продавцы. Вакансий было полно! Но Халимар искала что-то особенное, интересное. Правда, сама она не знала, чего хочет.

— Даже если мне и придется работать в магазине, я хочу, чтобы это был особенный магазин! Чтобы в нем что-то хорошее продавалось.

— Коврами-самолетами в Одессе не торгуют, — объяснил Хома. — Сапогами-скороходами и шапками-невидимками тоже!

— Ай-ай-ай! Как смешно! Как будто я не знаю. Хотя... Это хорошая идея. Я могу продавать обычные шляпки, но добавлять в них маленький секретик. По своему усмотрению.

Например, приносит девушка шляпку домой, надевает ее, ни о чем не догадываясь, хочет маме похвастаться — и вдруг исчезает! Вместе со шляпкой! Весело, правда?

— Не вижу в этом ничего веселого! Представь, как это будет неприятно маме девушки, — предположил Хома.

— Тебе не понравилась моя идея? Но почему, Хома? Ведь это так забавно!

— Как хочешь! — сказал Хома. — Решать тебе. Я за тебя работать не буду. Так что сама выбирай, что тебе интересно.

Как раз в этот момент они проходили мимо небольшого магазинчика со сказочным названием «Красная Шапочка». На двери висело объявление: «Магазину «Красная Шапочка» требуется продавец с опытом работы».

— Это судьба! — воскликнула Халимар. — Зайдем? Лучше шляпки продавать, чем морковь!

— Почему шапочки лучше, чем морковь? Не вижу существенной разницы, — сказал Хома.

— Шапочки взвешивать не надо, — аргументировала свою мысль Халимар.

— Здесь написано: с опытом работы. У тебя нет опыта работы в торговле, — напомнил Хома.

— Нет. Но обязательно будет. А считать я очень хорошо умею.

— Да, до тридцати трех, — пошутил Хома.

— Шутник! Не хочешь помогать мне — не надо. Я сама войду в этот магазин! Когда меня увидит его владелец, он такую очаровашку примет сразу, даже если я не до тридцати трех, а только до трех считать умею!

— Этого-то я как раз и боюсь, — признался Хома.

— Боишься — значит, стой и жди.

Халимар решительно открыла дверь магазина. Где же шляпки, шапочки, панамки, береты? Ничего этого в магазине не было.

— Здравствуйте! Это магазин «Красная Шапочка»? — вежливо спросила Халимар.

— Да, — тоже очень вежливо ответил продавец.

— А где же ваши шапочки? Почему у вас что-то непонятное продается? — спросила Халимар.

— У нас здесь нет ничего непонятного. У нас здесь корм для животных, — улыбаясь, ответил продавец.

— Корм для животных?! И вы называетесь «Красная Шапочка»?! — Халимар пулей вылетела из магазина.

Хома ждал ее на улице.

— Ну, как? Что-то ты очень быстро! Наверное, опыта работы не хватило? — спросил Хома.

— Чувства юмора не хватило, а не опыта работы! В магазине «Красная Шапочка» продают корм для животных! Для кошек, собак, хомячков, крыс, волков...

— Да, у владельца магазина своеобразное чувство юмора. Только здесь не продается корм для волков, волков дома не держат.

— Откуда тебе знать? Если ты не держишь, это не значит, что не держит никто. Никогда не говори того, в чем не уверен на сто процентов!

— А почему ты не захотела работать в этом магазине?

— Из-за названия. Это мне придется всем покупателям объяснять, что вкусные мясные

консервы для их питомцев сделаны не из Красной Шапочки. Не хочу я работать в этом магазине. Поищем что-то другое.

И снова квартал за кварталом, улица за улицей ходили Хома и Халимар по тротуарам города. Ничего интересного. Никто не ждал Халимар, никто не предлагал ей увлекательную работу. И вдруг...

— Нашла! Это то, что мне нужно! «Детскому саду № 245 на постоянную работу требуется няня-уборщица». Хома, записывай адрес! — потребовала Халимар.

— Но это же так далеко! Тебе придется два часа добираться утром на работу и столько же времени вечером домой. А у тебя молодой муж, ему нужны твои любовь и внимание, — напомнил Хома.

— С мужем я как-нибудь договорюсь. И с проездом можно уладить. Мне две-три секунды достаточно, чтобы переместиться куда угодно. Смущает меня только одно: как совместить одновременно две должности, и няни, и уборщицы? Это все равно, что в одно и то же время идти на два свидания. Даже джиннам это сложно.

— А людям, как видишь, не сложно!

— Поехали! Я хочу получить эту работу уже сегодня, — решила Халимар.

— Как хочешь. Пошли на автобусную остановку! Не перемещаться же нам чудесным способом среди белого дня.

— Какая разница! День, ночь, зима, лето... Дай мне руку, никто ничего не заметит!

Хома протянул руку жене.

— Стоп! Но я же представить не могу, что это за место! Я там никогда не была, — внезапно сообразила Халимар. — Придется ехать на автобусе.

— Вот как? Могущественный джинн испытывает трудности? — ехидно заметил Хома.

— Да! Какой маршрут автобуса?

— Двести сорок восемь, — подсказал Хома.

В ту же самую секунду автобус с тремя необходимыми цифрами опустился откуда-то с неба рядом с Хомой и Халимар. Автобус был с водителем. Водитель, похоже, был очень сильно удивлен, почему это его с остановки куда-то понесло.

— Нам к детскому саду № 245! Быстро! — Халимар назвала адрес, который был указан в объявлении. — У меня совсем нет времени, а у тебя есть секунды три, не больше.

Через три секунды автобус остановился у входа в детский сад.

— А теперь живо обратно! — скомандовала Халимар перепуганному водителю. — Люди ждут на остановке, а он разлетался тут!

Автобус мгновенно исчез, как будто растворился в воздухе.

— Вот, досада! — сказала Халимар. — Я за проезд забыла заплатить! Как ты думаешь, у нас не появятся заячьи уши?

— Не появятся, — успокоил жену Хома, — если только ты сама этого не захочешь. А ты так непредсказуема в своих желаниях!

В детском саду пахло подгоревшим молоком.

— Носом чую: здесь найдется для меня работенка! Только я смогу вернуть молоко в кастрюлю за секунду до того, как оно окажется на плите!

Хома и Халимар быстро сориентировались и нашли кабинет заведующей.

— Здравствуйте! — ослепительно улыбаясь, сказала Халимар. — Вам нужна опытная няня-уборщица?

— Здравствуйте, — ответила заведующая. — Вы работали няней-уборщицей?

— Нет, — призналась Халимар. — Но в глубоком детстве у меня были неплохие отношения с детьми.

— Иметь в детстве неплохие отношения с детьми — это очень важно, — согласилась заведующая. — Тогда во взрослой жизни удастся сохранять хорошие отношения со взрослыми. Только няня-уборщица не общается с детьми. Няня-уборщица моет все общие помещения, лестницу, коридоры. Мой кабинет, в конце концов.

— Неужели? А почему же она тогда называется няней? Кого она нянчит?

— Никого!

— Тогда мне эта работа не подходит! До свидания! Приятно было познакомиться!

— Подождите! — остановила ее заведующая. — Вы действительно хотите работать с детьми?

— Да! Хочу работать с детьми.

— Я беру вас помощником воспитателя в группу малышей! — решительно заявила заведующая.

— Вот как? — удивилась Халимар. — Я хотела только нянчить детей. А не воспитывать!

— Помощник воспитателя и няня — это одно и то же! Просто так называется, — объяснила заведующая.

— Я уже ничему не удивляюсь! Если уборщицу называют няней, почему бы няню ни назвать как-то по-другому? А воспитатели у вас помощники заведующей?

— Нет, — улыбнулась заведующая. — Воспитатели — просто воспитатели.

— Хорошо! Хотя с этим путаницы не будет, — обрадовалась Халимар.

— У вас документы с собой? — спросила заведующая.

— Документы? Конечно! То есть, они у меня есть, но только дома.

— Завтра утром приходите и приносите паспорт, трудовую книжку и документ об образовании. Я вас оформлю, а потом дам еще два дня на прохождение специальной медицинской комиссии.

Хома и Халимар вышли из детского сада.

— Хома! У тебя паспорт есть?

— А как же!

— А документ об образовании?

— Конечно! Диплом экономического университета.

— А трудовая книжка есть?

— Есть. Только она на работе.

— Срочно к тебе на работу! До завтра я должна сделать все документы. Ты покажешь мне трудовую книжку, я сделаю себе точно такую же.

— Придется ехать на троллейбусе, — сказал Хома. — Моя трудовая книжка не в магазине, а в отделе кадров охранного агентства.

— А ты не знаешь, как оно выглядит? — спросила Халимар.

— Знаю! Но этого не знаешь ты!

— Мы теперь с тобой одно целое. Дай мне руку и представь то место, в которое мы должны немедленно попасть. А я просто прочту твои мысли.

В ту же секунду Хома и Халимар оказались в том месте, в котором и планировали оказаться.

— Ура! Все получилось! — воскликнул радостно Хома. — Жди меня здесь! Я сейчас

быстро схожу за трудовой.

Халимар осталась ждать на улице. Прошло пятнадцать минут. Хома все не выходил. Прошло тридцать минут. Хома не было.

Наконец показался замученный Хома.

— Представляешь, я простоял в очереди целый час и десять минут! Ты не устала меня ждать?

— Не устала! Но у джиннов все делается значительно быстрее.

— Да, действительно. Казалось бы: куда спешить джиннам? У них же есть вечность!

— Но мы все равно быстро решаем все вопросы, — похвасталась Халимар.

— А у людей такая жизнь короткая, а еще приходится тратить столько времени в различных очередях за справками, — добавил Хома.

— Можем отправляться домой, — предложила Халимар. — Дай руку, Хома! Только никаких троллейбусов!

Дома Халимар потребовала:

— Показывай трудовую!

Хома протянул документ жене.

— Так. Понятно!

Откуда-то из воздуха Халимар достала точно такую же трудовую книжку, какая была у Хома, но только совсем без записей.

— Какую бы себе взять фамилию? — задумалась Халимар.

— Обижаешь! — сказал Хома. — Фамилию мужа, конечно!

— Да! Я чуть не забыла, что у вас так принято!

На чистой странице одна за другой стали появляться каллиграфические буквы. Хоменко Халимар.

— Еще отчество надо, — подсказал Хома. — Имя твоего отца.

— Знаю я, что такое отчество! Папа мой Хасан, а я — Халимар Хасановна.

— Не слишком ли много «х»? — спросил Хома.

— А что делать? Не могу же я из-за этого подписываться вымышленным отчеством! Я привыкла правду писать в своих документах! Кстати, документ об образовании у тебя дома?

— Конечно! Где же ему быть? Вот тебе мой диплом экономического университета.

Халимар повертела в руках документ.

— А такого образования достаточно, чтобы работать помощником воспитателя?

— Достаточно! Можешь не сомневаться: это один из самых престижных вузов Одессы, — гордо заявил Хома.

В ту же секунду в руках у Халимар оказалось два диплома. Один — подлинный, а другой — выписанный Хоменко Халимар Хасановне.

— Ух, ты! Я пять лет учился, чтобы такое у себя иметь, а тебе хватило пяти секунд, — восхитился Хома.

— Какая разница? Все равно ни твоя, ни моя работа абсолютно никакого отношения к международной экономике не имеет, — заметила Халимар.

— Ты права, Халимар. Тебе еще паспорт нужен? Держи! Но учти: ты в трудовой книжке себе год рождения написала, как у меня. Значит, в паспорт не забудь вклеить две фотографии, — подсказал Хома.

— Ага! А замуж за тебя я вышла еще в детском саду!

— Делай, как знаешь! Я хотел, чтоб все правильно было, — обиделся Хома.

— Спасибо. Я все сделаю правильно, — пообещала Халимар.

Наконец документы были готовы.

— Ты, конечно, как хочешь, Халимар, но, по-моему, это не очень хорошая идея, — сказал Хома.

— Ты о работе?

— Да. Сидела бы дома, ждала мужа с работы. А в мои выходные ходили бы вместе гулять по городу или летали бы куда-нибудь.

— Не волнуйся, я все успею. А полететь куда-нибудь мы можем в любой момент. Ты же знаешь, когда мы в моей туфле — время останавливается для нас. Кстати, о времени. Что у нас сейчас по расписанию?

— Не знаю. Может, ужин? — нерешительно предположил Хома.

— Хома! Ты как хомяк! У тебя все мысли только о еде! Ладно, будет тебе ужин. Только я совсем другое имела в виду.

— А что?

— Догадайся с трех раз!

Сообразительный Хома крепко обнял жену и поцеловал.

— Уже теплее! Но все равно, я имела в виду другое. Поехали к моим! Мы же еще не были у них, как стали мужем и женой. Пусть они поздравят нас.

— А тебя сильно будут ругать? — спросил Хома.

— За то, что замуж без спроса вышла? Или за то, что смертного предпочла бессмертному? Будут, обязательно будут! Но только один раз. Поэтому летим немедленно! Пусть уже отругают. Никуда от этого не денешься.

Золотая туфелька стала расти. Хома сел в нее и обнял жену за плечи.

— Как будем лететь? Медленно или мгновенно? — спросила Халимар.

— Мгновенно! — потребовал Хома. — Чтобы вернуться поскорее. Нас ждут дома интересные дела!

Лодка вылетела в окно и повисла над домом. Хома бросил взгляд на унылый дворик перед тем, как лодка стала набирать скорость. Так быстро они еще не летели в Страну Свободных Джиннов. Хоме показалось даже, что они не поднимаются вверх, а падают на огромной скорости вниз.

Вот и знакомый причал. Хома ступил на твердь. Халимар за ним. Уменьшила лодку до размеров туфли. Она уже не привязывала лодку, не оставляла ее у причала, а забирала с собой.

— Что-то родители задерживаются, не бегут нас встречать, — заметила Халимар. — Обиделись, наверное, что я без разрешения замуж вышла.

— А откуда они знают? — удивился Хома.

— Так они же постоянно с земли свежие новости получают. Газеты, журналы.

— А разве в газетах о нас писали?

— Писали. В обычных газетах, конечно, нет, а джинновские раструбили о нашем бракосочетании. Не так часто джинны выходят замуж за людей.

— Вот это да! У вас даже газеты свои выходят? — удивился Хома.

— Что тут удивительного? Было бы странно, если бы у нас не было своих газет и журналов. Ведь это удобный способ передавать информацию на большие расстояния, — объяснила Халимар.

— Нет, не обиделись! Смотри, как мчатся твои мама и папа! — радостно воскликнул

Хома.

Опережая друг друга, к ним бежали джинны.

— Халимар! Хома! Мы так рады вас видеть!

— Мама! Папа! Так вы не сердитесь на нас? — спросила сразу Халимар.

— За что? — удивилась мама.

— Так вы еще ничего не знаете? — обрадовалась Халимар. — Смотрите!!!

Она подняла высоко левую руку Хома своей левой рукой.

— Та-та-та-та! — пропела провинившаяся дочь какую-то торжественную мелодию.

Обручальные браслеты засверкали на солнце.

— Да знаем мы, знаем! Вся Страна Свободных Джиннов знает о твоём опрометчивом поступке! — засмеялась звонко мама. — Мы так рады за вас. Вы — прекрасная пара!

— Идемте в дом, — предложил папа. — Там поговорим.

— Папа немного сердит, — шепнула мама Халимар на ушко. — Ты же знаешь, как ему всегда Ибрагим нравился.

— Нравился, — согласился папа. — Но я белый джинн. Я за свободный выбор в любви. И если ты, дочка, выбрала Хому, значит, он действительно заслуживает это.

— Спасибо, папочка! — Халимар бросилась отцу на шею и поцеловала его. — Я рада, что ты не сердишься на меня!

— Не сержусь. Ну, рассказывай, чем же ты сейчас занимаешься? — поинтересовался папа.

— Я пишу учебник по джиннологии, — сообщила Халимар. — И еще я буду работать с группой детей.

— Бедняжка! Как я тебе сочувствую! — сказала мама. — А другой работы для тебя не нашлось? Ты же у нас такая красивая, талантливая, умная!

— Не надо ребенка разочаровывать! Работа с детьми — это достойное занятие для женщины. Педагоги всегда пользовались почетом и уважением в обществе, — сказал отец.

— Дорогой! Твои сведения давно устарели. Сейчас педагогами становятся только безнадежные альтруисты, — возразила мама.

— Ну, что ж! Это не самое плохое качество для белого джинна. Правда, дочь?

— Правда, папочка! Я еще ни дня не работала с детьми, но думаю, что у меня все получится!

— Смотри, не переусердствуй! — предупредила мама. — Помни, что у тебя есть муж. А это большая ответственность. Муж — это намного серьезнее, чем повелитель. Там желание выполнил — и отдыхай. А у мужа бывает по тридцать три желания в день. И в бутылку не спрячешься, надо выполнять! Конечно, я не думала, что ты так рано выскочишь замуж.

— Ну, мама!

— Все-все! Больше не буду! Это же твоя жизнь, ты сама решаешь, когда и что для тебя лучше. Хома! А твоя жена накормила тебя ужином?

Хома хотел соврать, чтобы Халимар не получила от мамы еще и за это. Но джинны умеют читать мысли, так что врать не пришлось.

— Вот и отлично! Я сама приготовлю сейчас для тебя вкусный ужин. Мне нравится, что у тебя хороший аппетит. А пока я буду готовить, папа пригласит гостей. Кого бы вы хотели видеть сегодня?

— Бабушку! Бабушку! — очень быстро ответил Хома.

Джинны рассмеялись.

— Хорошо, Хома! Бабушка сейчас придет! — пообещал папа. — А еще кого?

— Пусть сестры с мужьями и детьми придут.

— Халимар! Почему с детьми? С детьми — это уже не праздничный ужин! Тебе нужна практика? Запомни: дети людей — это цветочки! Их еще можно наказать или в угол поставить. А с нашими лучше не связываться. Нет, праздничный ужин должен быть без детей!

— Ладно, уболтали! Тогда пригласите кого-то из моих друзей детства. Я хочу Хомой похвастаться!

— Я тебе не плюшевый мишка, чтобы мной хвастаться, — обиделся Хома.

— Ты такой обидчивый, Хома! У нас не принято, чтобы мужчины обижались, — сказала Халимар.

— Знаю! Они у вас не обижаются, потому что вы их не обижаете! Вы со своими мужчинами, как с детьми маленькими обращаетесь. Я это еще давно заметил!

— А к тебе разве я плохо отношусь? Мама, мы только поженились, а он уже чем-то недоволен!

— Не жалуйся теперь! — сказала мама. — Никто не заставлял тебя так рано замуж выходить. Угождай теперь мужу и не обижай его!

— Поняла? — спросил Хома. — Слушайся маму, жена!

Праздничный ужин был готов. Стали прибывать гости. Бабушку примчалась первая. Она долго тискала внуку и что-то там шептала ей на ушко. Халимар густо покраснела.

«Интересно, — подумал Хома. — Чем можно так смутить мою женушку? Алеет, как маков цвет!»

— Хома, посмотри, что нам бабушка подарила! — Халимар раскрыла ладонь и приблизила ее к Хоме.

— А что это?

— Глупенький, внимательно посмотри! — настаивала Халимар.

— Что это за маленькая коробочка? — спросил Хома.

— Это не коробочка! Это детская кроватка из очень ценного дерева! В ней наш ребенок будет очень крепко спать.

— А как же в ней наш ребенок поместится? — удивился Хома.

— Как только мы вернемся домой, я увеличу кроватку!

— Зачем? У нас еще нет детей, пусть себе стоит на комоде кроватка. А когда дети появятся, тогда и увеличим, — решил Хома.

— Не увеличим, а увеличу! Ты же даже такого простого сделать без меня не сможешь!

— Уже упреки? Надо было замуж за джинна выходить! Я тебя силой не тянул! — снова обиделся Хома.

— Не тянул! Но ты чуть не умер от горя, когда я от тебя улетала! Забыл? И эта смерть была бы на моей совести!

— Ах, так? Значит, ты просто меня пожалела? И ты совсем меня не любишь? — разозлился Хома.

— Люблю! Очень люблю!

— А почему ты меня тогда дразнишь? — удивился Хома.

— Не знаю, просто так, из вредности, наверное.

Бабушка подошла к Хоме.

— У меня есть подарок лично для тебя. Я хочу подарить тебе коллекцию жуков из

бирюзы. Я не помню, сколько их, но не меньше двухсот. Помни: любая вещь, подаренная джином, может исполнить для тебя любое твоё желание, — напомнила бабушка.

— Спасибо! Это очень ценный подарок! Теперь, когда моя жена упрекнет меня, что я не умею творить чудеса, я тут же использую силу подарка.

— Я для того их тебе и дарю. Всем женщинам нравятся чудеса, а ты ведь всего лишь человек. Очень хороший человек, но только человек, — сказала бабушка и протянула небольшую коробку.

Сестры Халимар тоже дарили подарки лично Хоме.

— Зная твой характер, Халимар, мы решили помочь Хоме. Пусть творит чудеса для тебя с нашей помощью!

Когда вернулись домой, Хома взял в руки одного из бабушкиных жуков и что-то стал шептать ему. Получилось! Халимар обвила мужа руками и впилась губами в его губы. Потом с силой швырнула его на белый диван.

«Спасибо, бабушка», — подумал Хома.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ: ХАЛИМАР ХАСАНОВНА ДЕЛАЕТ УСПРЕХИ

— Дети, у нас новая нянечка, Халимар Хасановна! Посмотрите, какие у нее волосики красивые! Будете хорошо кушать кашу, и у вас вырастут такие же! — пообещала воспитательница.

И дети радостно заработали ложками. Всем захотелось иметь такие красивые волосы, как у новой няни. Только один мальчик не ел.

— Дениска, а ты почему не ешь? — спросила Халимар. — Каша не нравится?

— А я не хочу такие волосы! Я вырасту и буду дядей. А дядям такие волосы не нужны!

— Много ты понимаешь, — сказала Халимар. — Как раз дядям такие волосы и нужны. Если бы не дяди, я бы давно сделала себе короткую стрижку.

Мальчик, скорее всего, ничего не понял, из того, что ему сказала няня, но начал есть.

— Все поели? А теперь быстро идем мыть руки! — скомандовала воспитательница.

Малыши дружно побежали к умывальникам.

— Я не хочу идти пешком! Я хочу лететь на самолете! — снова закапризничал Денис.

В это время воспитательница вышла из группы. Халимар с чистой совестью подняла мальчика над полом и перенесла по воздуху к умывальнику.

«Обязательно найдется кто-то, кому чудеса подавай! — подумала она. — Как будто нельзя нормально своими ногами дойти!»

После умывания все дети получили по листку бумаги с аккуратно нарисованным облачком. Им оставалось дорисовать только капли дождя.

«Наверное, это скучно, когда за тебя кто-то уже нарисовал облако», — подумала Халимар.

Дети макали кисточки в синюю краску и водили ими по белой бумаге. Скоро почти все работы были готовы. Вдруг воспитательницу вызвала к себе заведующая.

— Халимар Хасановна! Вы остаетесь с детьми. Соберите, пожалуйста, работы и краски со столов, — распорядилась воспитательница.

Халимар послушалась, убрала все со столов. Внезапно перед каждым ребенком появился новый лист и баночки с разноцветными красками.

— Дети! Дождь прошел, теперь рисуем радость!

Дети опускали кисточки в разноцветные краски, рисовали радость в виде пятен, кругов, колец, полос. Баночки с водой летали к умывальнику, грязная вода сама выливалась, кран откручивался, наливал чистую воду.

— Я люблю рисовать! — радостно вопили дети.

Когда вернулась воспитательница, разноцветные картинки были уже разложены для просушки по всей группе. Краски были убраны, а бегающая по столу тряпка застыла на месте. Пришлось Халимар остальные столы вытирать без волшебства.

— Дети, идем на прогулку! — скомандовала воспитательница.

Дети построились парами и вышли из детского сада на площадку.

— Халимар Хасановна! Вы не могли бы за детьми на площадке присмотреть? — попросила воспитательница. — У меня есть кое-какие дела в группе.

«Без воспитательницы мне проще, — подумала Халимар. — Я сама легко справлюсь со всеми детьми».

Как только какой-нибудь малыш забегал далеко, Халимар тут же поднимала его на несколько сантиметров над землей и перемещала к остальным детям. Ни одному ребенку это не показалось подозрительным или странным. Отсюда следует сделать вывод, что чудеса так же естественны для людей, как способность говорить и ходить. Мы не удивляемся тому, что пятнадцатилетняя девочка, например, умеет делать «ладушки». Что тут удивительного? А если «ладушки» делает девочка в девять месяцев, мы умиляемся и восторженно восклицаем: «Ах! Какая же она у нас умница!» Так и с чудесами, только наоборот. Взрослые ими восхищаются, а для детей — это самое обычное дело.

Воспитательница очень часто оставляла Халимар одну с детьми. Няня была довольна: ведра с супом и кашей летали, становились на стол, разливная ложка выплясывала по группе, наливая суп по тарелкам. Чайник радостно подпрыгивал и щедро одаривал чашки в красный горошек сладкой жидкостью янтарного цвета. Ложки летали сами по группе и раскладывались по столикам. Хлеб нарезался кусочками, намазывался маслом и укладывался на тарелки. Котлетки кружились стайкой под потолком, а потом плавно, как нежные снежинки, опускались рядом с кашей.

Дети радовались! У них еще никогда не было такого веселого обеда. Все, прилетевшее в тарелку, было необычайно вкусно. Дети быстро расправились с едой, потом летели умываться, на горшки и в спальню. Здесь они моментально засыпали.

Работа няни нравилась Халимар все больше и больше. Главное, что воспитательница ни во что не вмешивалась.

«Доверяет», — радовалась Халимар.

Но она ошиблась: дело было вовсе не в доверии.

— Стоп! Я все знаю! Только ничего не надо делать с моей головой! — потребовала воспитательница, вошедшая внезапно в группу. — Я все видела, но никому ничего не скажу!

— Что же вы такое могли увидеть? — сделала удивленное лицо Халимар.

— Я видела, как рулоны туалетной бумаги гонялись за детьми и сами вытирали им попки!

— И вас это удивляет? — спросила Халимар.

— Удивляет? Нет, конечно. Я живу с джинном. Я такого насмотрелась! — призналась воспитательница.

— Живете с джинном? — теперь пришла очередь удивляться Халимар.

— Да, живу с джинном. А что? Я взрослая женщина, мне уже двадцать четыре года. Я

сама решаю, с кем мне жить, — гордо ответила воспитательница.

— Можете. Но...

— Хотите сказать, что это нехорошо? А может, я за него замуж выйду!

— Может, перейдем на «ты»? И поговорим спокойно, все обсудим.

— Хорошо, — сразу успокоилась воспитательница. — Называй меня просто Ирой.

— Ира, а почему ты сразу не сказала, что знаешь, кто я? — спросила Халимар.

— А зачем? Ты и так мои мысли читаешь!

— Как же я могла твои мысли прочесть, когда ты меня все время с детьми оставляешь, а сама куда-то уходишь? Так, значит, ты госпожа белого джинна?

— Нет, он не белый. Он брюнет с темно-зелеными глазами. И я совсем ему не госпожа. Я люблю его! Он лучше всех людей, которых я знаю.

Халимар пришлось объяснить в общих чертах, кто такие белые и черные джинны.

— Ой! А я не знала! Я не знаю, какой он. Думаю, что белый. Я никогда его ни о чем не расспрашивала, а он сам мне ничего не рассказывает. Мы вообще очень мало с ним говорим: он сказал, что джинны умеют читать мысли. А меня его мысли мало волнуют. Даже если он так же внезапно исчезнет из моей жизни, как и появился, я все равно буду вспоминать о нем, как о самом прекрасном, что у меня было. Он такой хороший! И такой красивый! Я когда впервые бутылочку потеряла — передо мной появился он. Я увидела — и обомлела! Знаешь, какое у меня сразу возникло желание?

— Догадываюсь, — улыбнулась Халимар.

— И он тоже догадался. И сразу же его исполнил. Мне так стыдно об этом рассказывать. Но это было такое блаженство!

— Ты попросила его об этом вслух? Джинны умеют читать мысли людей, но исполняют только желание, произнесенное вслух, — объяснила Халимар.

— Я не помню. Может быть, я и сказала ему об этом вслух. Представь: сижу одна вечером в комнате, читаю роман о любви. Расчувствовалась, в сумочку полезла за платочком, чтобы эмоции с носа стереть. А в сумочке какой-то пузырек лежит. Я его взяла, кручу в руках, буквы на нем обнаружила, потеряла — вдруг мужчина появился. Да такой красивый, как из девичьих грез. Может, я и сказала ему что-то неприличное. А может, он в голове моей желание прочел. Или в глазах. Я его об этом никогда не спрашивала. Вот так у нас и получилось: близость в первые же секунды знакомства, — грустно улыбнулась Ира.

— Любовь с первого взгляда! Это так называется, — объяснила Халимар. — И долги вы...

— Живем вместе? — подсказала Ира.

— Встречаетесь, — поправила воспитательницу Халимар.

— Встречаемся! Да какое там встречаемся! Живем, как муж и жена, все ночи напролет любим друг друга. Целый год почти, — призналась Ира.

— А замуж он тебе не предлагал? — спросила Халимар.

— А зачем? Мне печать не нужна. Я его и так всегда буду любить. Даже тогда, когда он улетит от меня в заоблачную страну. Я знаю, он говорил мне. И ты тоже бросишь этот детский сад и улетишь. Ведь правда же?

— Нет, не улечу. У меня тут муж. И я тоже его люблю с первой же секунды, как увидела. Как ты своего джинна. Только я замуж за него вышла, теперь могу никуда от него не улетать. Я потому и спросила тебя, звал он тебя замуж или не звал. Если твой возлюбленный белый джинн, то выходи и не сомневайся. Не пожалеешь! Его любовь со

временем только жарче и ярче!

— А как узнать, белый он или нет?

— А у тебя еще много желаний неиспользованных осталось?

— Я не знаю! Мы не ведем счет желаниям. Я у него еще ничего не просила. Только любовь. И только мысленно. А чаще я и подумать ничего не успею, как оказываюсь в его объятиях.

— Нет, это не то! Вслух о чем ты его просила?

— Ни о чем! Вслух я только говорю ему, как я его люблю. Какой он у меня нежный, милый... Зачем я тебе все это рассказываю? Почему ты выпытываешь все у меня? Почему я должна тебе доверять?

— Потому, что я белый джинн. И если твой друг — тоже, значит, все у тебя будет хорошо. Попроси у него к ужину бутылочку шотландского виски.

— И что? — удивилась Ира.

— Потом поймешь. Больше ничего не надо объяснять, ты сама все увидишь.

— Я попробую, — пообещала Ира, — а завтра все тебе расскажу.

— Хорошо, — согласилась Халимар.

— Не пора ли нам детей поднимать? Что-то они у нас спят долго, — заметила Ира.

— Ничего страшного! Это я им помогла уснуть. Сейчас они встанут и будут резвиться, как прежде. Я им совсем немножечко сонного дыма в спальню напустила. Он абсолютно безвреден! Им теперь сладкие сны снятся. У нас в Стране Свободных Джиннов часто так детей спать укладывают.

— А ты расскажешь мне о своей стране?

— Конечно, расскажу! Когда же тебе расспрашивать своего джинна, когда вы только любите друг друга непрерывно? — засмеялась Халимар. — Иду детей поднимать!

— Хорошо! А я вместо тебя еду для них получу на кухне, — сказала Ира.

— Спасибо! Я и сама все успею. Я же могущественный джинн.

— А я все равно пойду и получу чай и булочки. Мы же дружная команда, я помогаю тебе, а ты помогаешь мне!

Халимар удивило такое совпадение: только вышла на работу, и уже столкнулась с джинном. Вернее, не с самим джинном, а с его госпожой. Что в данной ситуации почти одно и то же.

«Интересно, — думала Халимар, — знакомы ли мы с другом Иры? Скорее всего, да. Ведь почти каждую ночь джинны собираются в пабе. А если он всю ночь занят с подружкой? Но хоть иногда он должен общаться с друзьями! А джинновских пабов всего раз-два и обчелся. Один — в Одессе, другой — в Шотландии. Еще у черных где-то своя туссовка».

Халимар накормила детей, вывела их на прогулку. Теперь она не боялась проявлять свои способности при Ире. Дети были в восторге от новой нянечки. Когда за кем-то приходили родители, они только и выслушивали, что о Халимар.

— У нас теперь Халимар!

— Я люблю Халимар!

— А Халимар пойдет с нами домой?

А один мальчик, Артем Штивельберг, заявил своим родителям:

— Когда вырасту, я женюсь на нашей нянечке!

Халимар была довольна своим первым рабочим днем. Ей понравилось работать с

детьми. А главное, у нее теперь появилась подружка в мире людей.

Дома ее ждал Хома.

— Как долго! Я весь день ждал тебя с работы! Даже ужин приготовил, — встретил радостно жену.

— Скучал? Занялся бы чем-то в свой выходной, ты же совсем большой мальчик. В конце концов, на рыбалку сходил бы с друзьями, — посоветовала Халимар.

— Я не люблю рыбалку, ты это знаешь! А друзья сегодня работают оба. Мы только вечерами можем встречаться или по воскресеньям. Зачем тебе понадобилось на работу идти? Не могу тебя понять! — возмущался Хома.

— Не понимаешь? Как раз для этого я и пошла работать, чтобы ты скучал по мне, пока меня дома нет, — призналась Халимар.

— Я и так скучаю! Я даже когда тебя вижу, все равно по тебе скучаю, — сказал Хома.

— Ну, это ты уже загнул! Как можно скучать, когда мы вместе? — удивилась Халимар. — Ты, наверное, что-то другое хотел сказать! Наверное, что любишь меня.

— Да, я хотел сказать, что люблю тебя, когда ты со мной. И люблю, когда тебя не вижу, — согласился Хома.

— А я сегодня познакомилась с девушкой, у которой возлюбленный ничего ей не говорит, а только действует.

— Понял.

Ужин пришлось в спешном порядке отменить.

На следующий день и Хома, и Халимар отправились на работу. Вместе вышли из дома, а потом разлетелись в разные стороны. Хома помчался к троллейбусной остановке, а Халимар чудесным образом переместилась к детскому саду. Здесь ее ждала неприятная новость: пришла заведующая и сообщила, что вместо Иры будет работать другая воспитательница, Елена Андреевна.

— А где же Ирина Александровна? — спросила Халимар.

— Позвонил ее муж и сказал, что она заболела, — объяснила заведующая. — Ее не будет недели две. Бронхит. Наверное, выпила чего-то холодного.

«Шотландского виски, — подумала Халимар. — После работы надо обязательно провести Иру».

Сегодняшний рабочий день понравился Халимар меньше. Елена Андреевна никуда не выходила, и Халимар вынуждена была все делать сама, не прибегая к чудесам. Несколько раз ей пришлось протирать пол, трижды она мыла посуду, после каждого приема пищи. Детей приходилось кормить ложками вручную, и даже в умывальник вместе с детьми пришла воспитательница. Даже краны нельзя было открыть так, как хочется, силой одного только желания! На прогулку с детьми она вообще не пошла, воспитательница велела ей оставаться в группе.

«Нет, — думала Халимар, — эта работа слишком сложна для меня, могущественного джинна. Какой смысл здесь оставаться, если я не могу пользоваться своими возможностями? Права была мама! Я оставляю на целый день мужа без присмотра, а мне не удается здесь сотворить хотя бы маленькое чудо! Ах, если бы воспитательницей была Ира! Как бы хорошо нам работалось вместе! Но ее не будет целых две недели. Я не хочу так долго ждать. Сегодня же сотру сведения обо мне из памяти заведующей. Даже не надо будет писать заявление об увольнении. Сделаю так, будто меня вообще здесь не было».

Уволившись по своему собственному желанию своим особым способом, Халимар

мчалась по адресу, который ей удалось выведать у заведующей. Вот улица Академика Филатова, дом с необходимым номером прямо перед глазами. Поднявшись на пятый этаж, Халимар позвонила. Дверь открылась сразу, как будто ее здесь уже ждали.

— Халимар! Я знал, что ты придешь, — мысленно обратился к ней знакомый белый джинн.

— Так вот почему ты так редко посещаешь паб! У тебя есть более важные дела по ночам, — так же мысленно ответила Халимар.

— Дорогой! Кто пришел? — спросила Ира из глубины квартиры.

— Перепутали этаж! — ответил громко джинн. — Халимар, Ира сейчас занята, так что приходи в другой раз.

Только джинн хотел захлопнуть перед носом Халимар дверь, из спальни выглянула закутанная в полотенце Ира. Ее необычайно обрадовал визит новой подруги.

— Халимар! Как хорошо, что ты пришла! Заходи, я сейчас оденусь.

— Вот видишь, что ты натворила. Она сейчас оденется! — мысленно сказал джинн гостье.

— Подождешь, ничего с тобой не случится! Это же надо так девочку замучил! Бронхит летом — как же разгорячиться надо было!

— Да нет у нее никакого бронхита! Просто я встать утром не могла. Фаткул в «скорую» позвонил, а когда врач приехал, у меня температура поднялась до сорока одного градуса, — объяснила Ира.

— Да, я немного перестарался. У врача глаза на лоб полезли. Говорит, за все время работы впервые у пациентов такая высокая температура. Даже хотел Иру сразу в больницу отвезти. А потом заставил меня расписку написать. «От госпитализации отказываюсь, ответственность за здоровье жены беру на себя».

— А сейчас как ты себя чувствуешь? — спросила Халимар.

— Хорошо. Только спать очень хочется. Мне сделали укол с димедролом.

— И теперь я целый день лечу Иру своими методами, — сказал джинн.

— Догадываюсь, что это у тебя за методы, — ответила Халимар.

— А если догадываешься, чего было приходиться? Позвонила бы и справилась о здоровье.

— А я так рада, что ты пришла, Халимар! Ты единственный человек, с которым я могу быть откровенной, — сказала Ира.

— Не человек, а джинн, — возразил Фаткул. — И не единственный. Со мной тоже можешь быть откровенной. А иначе нельзя! Я все равно узнаю, что ты думаешь.

— Узнаешь, узнаешь! У меня от тебя нет секретов, так что меня это совсем не беспокоит. Халимар, я хочу угостить тебя пирогом. Ты кофе пьешь или чай? — спросила Ира гостью.

— Мне все равно, спасибо. А когда ты еще и пироги успеваешь печь? Я своему Хоме готовлю, что попроще. И то не сама, а с волшебством.

— Может, соберемся как-нибудь все вместе? Я с Фаткулом, ты со своим мужем, — предложила Ира.

— И съездим на рыбалку! — добавил джинн.

— А мой Хома терпеть не может рыбалку. Давайте лучше вместе полетим в Шотландию, — предложила Халимар.

— В Шотландию? Так далеко? — удивилась Ира.

— Фаткул, ты не объяснил своей девушке ничего? — пришла очередь удивляться

Халимар. — За целый год вы ни разу не были с Ирой в Шотландии?

— Я и сам еще не был. А когда? У нас с Ирой совсем не остается свободного времени, она же еще на работу ходит, — пожаловался Фаткул.

— Надо учиться правильно распределять время. Мы с Хомой уже и в Шотландии побывали, и с моими родителями познакомились. Предлагаю полететь в Шотландию немедленно! Только за Хомой залетим на пару секунд.

— Ой, а тебе же завтра на работу! Я же на больничном, мне проще, — сказала Ира.

— А я вообще уволилась, мне еще проще, — сказала Халимар.

— Уволилась? Почему? Нам так хорошо работалось вместе! — огорчилась Ира.

— Не хочу работать с другой воспитательницей! Все приходится делать самой, без волшебства. Да и Хома без меня скучает. А мы только недавно поженились, ему внимание уделять нужно, — объяснила Халимар.

— Так на чем полетим? — спросил Фаткул.

— А, все равно! Хоть на этом диване. Вы, мужчины, любите летать на диванах.

— Любим, любим! Можно подумать, что вы, женщины, этого не любите!

— Я имела в виду полет в буквальном смысле. А ты о чем подумал? — спросила Халимар.

— На диване полетим в Шотландию? — удивилась Ира.

— А что? Очень удобно. И все поместимся. Ира, тебе одежду сменить не мешало бы. Кто же летает в Шотландию на диване в домашнем халате? Если бы в пижаме — тогда еще ничего. Но в халате! Это никуда не годится.

Ира послушалась, сменила домашний халат на шорты и майку.

— Теперь можем лететь за Хомой, — сказала Халимар.

Джинны посадили Иру посередине, диван вылетел в форточку и повис в воздухе.

— Ух, ты! Как красиво! Весь город, как на ладони! — визжала от восторга Ира.

Джинны молча улыбались. Им тоже нравилось летать, но они привыкли не выплескивать эмоции наружу, а держать их в себе.

— Вперед! — скомандовала Халимар.

Диван послушно двинулся вперед. Через несколько секунд он опустился в траву перед домиком Хома.

— Вы тут подождите, а я сбегаю за Хомой.

Халимар взлетела на третий этаж, распахнула дверь — и сразу же очутилась в объятиях мужа.

— Халимар! Любимая! Я так скучал! Сегодня никаких разговоров, никакого ужина. Только ты и я. Я так соскучился по запаху твоих волос! А завтра, пока ты будешь на работе, я начну писать твой портрет.

— Хома! Мне так понравилось то, что ты сказал! У меня есть для тебя две новости: хорошая и еще лучше! С какой начнем?

— С той, что еще лучше, — предложил Хома.

— Я уволилась с работы, буду сидеть дома и позировать тебе для портрета! Ты рад?

— Конечно! Я так рад! Дай я тебя зацелую!

— Зацелуешь потом, когда домой вернемся.

— Разве мы куда-то идем? — удивился Хома.

— Не идем, а летим! Это и есть моя хорошая новость. Мы летим в Шотландию! Не одни, а вместе с Ирой и ее возлюбленным, белым джинном Фаткулом. Ты рад?

Хома промолчал, но Халимар поняла из его мыслей, что у него на сегодняшний вечер были совсем другие планы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ: КАФЕ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФУТБОЛА

Все, что осталось от лета, Халимар посвятила Хоме. Больше не порывалась устроиться на работу, довольствовалась ролью жены, музы и натурщицы. После путешествия в Шотландию на диване Хома вновь вдохновился и стал писать картины. Уже были готовы такие шедевры: «Полет на диване в Шотландию» и «Трое на бронтозавре». Когда Эван подставил свою очаровательную спинку, предлагая прогулку по Лох-Несскому озеру, все согласились, кроме Хома. А Ира оказалась очень храброй, она захотела прокатиться на лох-несском чудовище. А может, она настолько доверяла своему возлюбленному, что даже не побоялась участвовать в таком экстремальном мероприятии. Только Хома сидел в гордом одиночестве на диване, зависшем над озером. И одна мысль не давала ему покоя: как бы дивану не надоело висеть в воздухе. Но дивану не надоело. Когда бронтозавр устал резвиться, Халимар, Ира и Фаткул вернулись к Хоме.

Потом они еще посетили один старинный замок, встретились с двоюродным братом Халимар. Ире очень понравилось путешествие. Она была в восторге от Шотландии и потребовала, чтобы Хома и Фаткул приобрели себе шотландские мужские юбки. Халимар поддержала подругу. Поддавшись уговорам, мужчины надели юбки, а жены любовались стройными, с буйной растительностью, ногами своих избранников.

Полет на диване в Шотландию сдружил обе пары. Теперь они виделись часто, почти каждый день. Ездили или летали друг к другу в гости, вместе ходили на море, в кино. Однажды, по просьбе Фаткула, были даже на рыбалке. Взяли обыкновенную лодку на прокат, терпеливо ждали, когда же Фаткул поймает рыбку. Вместо ожидаемой большой рыбы на крючок попало несколько глупых бычков, которые были отпущены на свободу в самом конце рыбалки. На этом мероприятие закончилось, все облегченно вздохнули. В воображаемом списке интересных дел напротив слова «рыбалка» теперь стояла большая, жирная галочка, напоминающая по форме сердце. К этому вопросу дружно решили больше никогда не возвращаться.

— Потерпи, Фаткул! — успокоила друга Халимар. — Вот вернешься в Страну Свободных Джиннов, будешь там участвовать в охоте на акул. Наверняка, ты будешь победителем!

— Бедняжка! — сочувственно пропела Ира. — Тебе придется пережить такие испытания в твоей стране? Как мне жаль тебя!

Джинны и Хома смеялись, ведь они знали, что означает охота на акул. Но Иру решили не посвящать в подробности этого действия. Зачем ее разочаровывать?

— Да. Мне придется пережить это, — говорил Фаткул. — Поэтому ты должна жалеть меня, беречь меня, заботиться обо мне сейчас, пока у тебя есть такая возможность.

Ира жалела, берегла, заботилась. Она с обожанием смотрела на Фаткула, выполняла все его просьбы. Иногда казалось со стороны, что она предугадывает его желания. Хотя это не может быть правдой, ведь люди не умеют читать мысли. А жаль! Иногда так хочется, чтобы тебя понимали без слов.

Часто к четверем друзьям присоединялись еще Вова и Сева. Они по-прежнему никак не могли найти себе хороших девчонок и очень завидовали Хоме. На частые просьбы Вовы и

Сева познакомить их с хорошими девушками, Халимар неизменно отвечала:

— Мальчики! Ко мне с такими просьбами не обращайтесь. Я не могу взять на себя роль судьбы!

От друзей Хомы тщательно скрывали, что Халимар и Фаткул — джинны. Поэтому совместные прогулки с ними были скучными, без волшебства. Но однажды Халимар не выдержала и сказала:

— Вова и Сева! Таких девушек, как я, вы не встретите! Поэтому ищите себе невест, пока не состарились. Таких, как я, больше не найдете! Ведь я джинн.

Сева и Вова расхохотались. Конечно, они не поверили Халимар.

Когда картины Хомы были полностью готовы, он предложил их одному художественному музею. Музей это время от времени организовывал выставки работ молодых талантливых художников. Картины Хомы имели потрясающий успех! Во-первых, Хоме предложили большие деньги за каждую из его работ. Но он не мог расстаться ни с одной. Правда, одну он все-таки подарил музею, и то, скрепя сердце. Ту, на которой они вдвоем с Халимар летят в золотой туфле в Шотландию.

О Хоме заговорили. О нем стали писать в газетах. А один гляцевый журнал опубликовал статью о молодом, подающем надежды художнике. В журнале были помещены цветные фото Хомы и Халимар, фотографии всех его картин.

Теперь Хоме можно было увольняться, наконец, из охранного агентства. У него столько было заказов, что работой он был обеспечен на год вперед. Но он все откладывал и откладывал свой уход из агентства. Когда к чему-то определенному привыкаешь, очень тяжело с этим расставаться, менять устоявшиеся привычки.

Халимар была рада, что Хома стал настоящим художником, нашел для себя дело всей жизни. Она старалась во все ему помогать, служила ему музой. И еще находила время, чтобы продолжать работу над учебником по джиннологии. Особенно много времени забрал у нее параграф о теориях происхождения джиннов.

«Существует множество теорий происхождения джиннов. Первая из них — джинны были всегда, никто их никогда не создавал, ниоткуда они не прилетали. Вторая теория — теологическая. Бог создал джиннов в первый день сотворения мира, когда отделил свет от тьмы. Вот здесь, между светом и тьмой и получилась сама собой незапланированно Страна Свободных Джиннов. Бог не заметил ее сразу, так как был увлечен сотворением мира. Обратил внимание на Страну Свободных Джиннов только в воскресенье, когда отдыхал от праведных дел. Тогда же он и наделил джиннов выдающимися способностями и потрясающей внешностью по образу и подобию своему.

Есть еще теория иногалактическая. Джинны — это потомки пришельцев с другой Галактики.

Существует и заслуживает внимания теория атлантическая. Когда-то давно была Атлантида, на ней жили атланты. Когда Атлантида ушла под воду, атланты переселились в заоблачную страну и дали начало новой расе — лучистому человечеству. Лучистое человечество — это и есть джинны».

Халимар перечитала параграф и осталась довольна собой.

— Что ж, работу продолжу позже. А сейчас — общаться с людьми. Когда вернусь в Страну Свободных Джиннов, буду писать учебник по человекологии. Хома! Пока ты занят своими делами, я могу заняться чем-нибудь по своему усмотрению?

— Сходи на пляж! Поныряй. Или побегай по воде. У тебя это отлично получается! —

предложил Хома.

— Не иронизируй, родной! У меня отлично получаются многие вещи, — обиделась Халимар.

— Ага! С волшебством! А без волшебства ты один день в детском саду не выдержала.

— Да? Ты думаешь, чудеса творить легко? Ну, попробуй, сотвори хоть одно! Почему не вижу чуда?

— Потому, что я человек, а не джинн. Чудо я могу сделать только своим трудолюбием и талантом, — ответил Хома.

— Ты о картинах? Вспомни, кто помог тебе стать художником? Разве не одна нежная девушка-джинн? Разве это не было волшебством? — напомнила Халимар.

— Да. Помню. Ты дала мне уверенность, а пишу картины я сам, никто не водит моей рукой помимо моей воли. Разве не так? — спросил Хома.

— Не так! Конечно, не так! Твоей рукой сейчас водит вдохновение! Хома, я люблю чудеса. Я всего лишь могущественный джинн, а не человек. Что плохого, если я совершу пару чудес в свободное от выполнения супружеского долга время? — трогательно похлопала ресницами Халимар.

— Ладно! Иди уже, — улыбнулся Хома. — Кого ты на этот раз решила осчастливить своими чудесами?

— Посетителей кафе! Я буду работать официанткой в кафе! Представляешь, как будет здорово: официант, являющийся в ту же самую секунду, как его позовешь!

— И как ты будешь объяснять свои чудеса?

— А никак! Скажу, что училась в цирковой школе.

— Так, может, сразу в цирк пойдешь? — предложил Хома. — Вот где простор для твоей фантазии!

— Нет, только не цирк! Это последнее, чем бы я хотела заняться в мире людей. И не надо спрашивать, почему. Подставляйся быстро для поцелуя! Я исчезаю!

Халимар поцеловала мужа и в ту же секунду исчезла. Куда? В какое кафе? Хома ничего не успел расспросить. Когда домой вернется? Очень хлопотно иметь жену джинна.

Хома работал над грандиозной картиной. Замысел ее подсознательно возник еще тогда, когда он впервые открыл дверь в паб джиннов. Столики. За столиками сидят женщины и мужчины не старше двадцати пяти лет. Все удивительно красивые. Женщины, в основном, блондинки с длинными волосами. Мужчины — жгучие брюнеты с черными, зелеными и голубыми глазами. У всех без исключения — сияющий цвет кожи. Лица сидящих повернуты в сторону вошедшего в паб человека. А человек в растерянности смотрит на обувь посетителей. У всех, абсолютно у всех посетителей золотые туфли без каблуков, с непомерно длинными, загнутыми кверху носками. Картину Хома решил назвать так: «Паб джиннов. Лучший джинн в Одессе». Ему позировали Фаткул, Володя, Севастьян. Лица друзей были теперь у джиннов на картине. У девушек-джиннов на переднем плане были лица Иры и Халимар. Хоме оставалось только изобразить себя. И это оказалось сложнее всего! Ему никак не удавалось передать во взгляде художника ту гамму чувств, что испытал он сам, войдя впервые в паб джиннов. Восторг, удивление, радость, сомнение, страх. (А вдруг это черные джинны?) Вот над этим Хома сейчас трудился. Так что Халимар вполне могла исчезнуть из дома, когда ей заблагорассудится.

Она давно облюбовала небольшое уютное кафе, в котором собирались любители смотреть футбол по телевизору. Огромный плазменный телевизор висел в таком удобном

месте, что отовсюду было видно, что происходит на поле во время матча. Казалось, что футболисты бегают тут, рядом, в кафе.

Халимар уже несколько раз была здесь одна, без Хомы. Пока муж занимался живописью, жена пила кофе и смотрела футбол по телевизору. Все, как в нормальной, самой обычной семье.

Сегодня Халимар решила предложить себя в качестве официантки.

— Единственное условие: я буду работать так, как хочу. Просьба ничему не удивляться: я училась в цирковом училище, — предупредила Халимар.

Для работы Халимар выбрала наряд, наиболее гармонирующий с ее золотыми туфельками. Это была шелковая полупрозрачная блуза с пышными рукавами бирюзового цвета и такие же шелковые шаровары. Волосы были аккуратно собраны под тюрбан оранжевого цвета.

Халимар приняла заказ, а когда снова шла к посетителям, ее появление было встречено громом аплодисментов. Она продвигалась медленно к столику, а за ней по воздухуплыли сами по себе тарелки с заказанными блюдами. Тарелки изобразили в воздухе незамысловатый танец и осторожно опустились на стол. Клиенты остались очень довольны, еще никогда и нигде их не обслуживали таким оригинальным способом.

Известие о красивой официантке, которая к тому же показывает фокусы, быстро разлетелось по городу. Спортивное кафе в один момент превратилось в самое популярное и посещаемое.

Владелец кафе захотел сразу же изменить интерьер в угоду Халимар, преобразовав его из спортивного в восточное. Но Халимар сказала:

— Шеф, у вас великолепный вкус! Все эти велосипеды, мячи и ракетки смотрятся прекрасно! Не нужно ничего менять. А если вам так уж хочется добавить восточного колорита — пожалуйста! Вы можете обе комнаты для посетителей, желающих уединиться, оборудовать в восточном стиле, если хотите.

— Спасибо за подсказку! Я так и сделаю, — обрадовался хозяин.

Он пригласил дизайнера, и комнаты преобразились. Теперь здесь были розовые с золотом подушки на низких диванах и стеклянные столики. А если добавить к этому, что обслуживать посетителей здесь будет девушка в шелковых шароварах и с тюрбаном на голове — картина получится полная.

— Халимар! Благодаря тебе мое кафе станет процветающим. Я хочу сделать тебе подарок. Проси, что хочешь, я все исполню, — пообещал хозяин.

— Я столько раз в своей жизни произносила эти слова! Мне странно слышать их от кого-то другого. Я даже не знаю, что попросить. Можно, я посоветуюсь с мужем? — спросила Халимар.

— Ты замужем? — удивился хозяин.

— А что здесь странного? Разве такой девушке трудно выйти замуж? Я умная и красивая!

— Вот как раз умным и красивым сложнее всего найти себе достойного спутника жизни. Хотел бы я увидеть того парня, который имеет счастье называться твоим мужем! — воскликнул хозяин.

— Ладно, я вас сейчас познакомлю.

В ту же секунду посреди кафе появился Хома вместе с мольбертом, красками и незавершенной картиной. Хозяин раскрыл рот от удивления. В его глазах читались

удивление, восторг, радость, страх — все то, что хотел изобразить Хома на своей картине.

— Эврика! — воскликнул Хома радостно. — Я нашел! Стой! Не двигайся! Так и смотри на меня!

Замерли все посетители кафе, сотрудники, хозяин, Халимар. Только Хома трудился. Ему хватило часа для того, чтобы завершить картину. И целый час все терпеливо ждали.

— Все! Готово! — сказал Хома.

Теперь все подходили к картине, восторгались, восхищались, пожимали художнику руки, поздравляли его. А Халимар сказала хозяину:

— Это и есть мой муж. Познакомьтесь! Я сейчас посоветуюсь с ним на счет вашего предложения. Хома, ты не против, если одна из твоих работ будет висеть в этом кафе? Сам решай, какая именно! Здесь бывает всегда так много людей, а твое имя уже известно всей Одессе.

— А будет известно не только Одессе! К нам заходят и приезжие. С дальнего и ближнего, — поспешил добавить хозяин.

— Соглашайся, Хома! Это и есть слава, когда твое имя знают многие люди. Ты же хотел стать известным художником?

— Соглашайся, Хома! — поддержал Халимар хозяин. — Я куплю любую из твоих картин.

— Нет, я подарю любую из картин, кроме той, где моя жена на бронтозавре.

— Почему? Мне как раз и хотелось, чтобы нас с Эваном увидели люди!

— Мне жалко расставаться с ней!

— Глупенький! Я же всегда буду с тобой! Ты сможешь видеть меня всегда. Я всегда буду такой, как сейчас. Не хочешь отдавать меня, отдай бабушку!

— Бабушку на гепарде?! Никогда в жизни! Бабушка будет всегда висеть в моей комнате. Я ни за что не соглашусь с ней расстаться!

— Ага! Значит, придется отдавать меня. Побудь здесь, я сейчас вернусь. Да, кстати, — обратилась Халимар к хозяину, — вы поняли, я надеюсь, в чем состоит суть моей просьбы?

— Да-да! Конечно! Картина твоего мужа займет достойное место в нашем кафе! — поспешно согласился хозяин.

— Ну, тогда я полетела.

И Халимар исчезла. Ровно через пять секунд она вернулась. В руках у нее была картина «Халимар на бронтозавре». И снова восторженные возгласы посетителей и персонала.

— Хома! Видишь, как людям нравятся твои работы? — сказала Халимар мужу. — Ты можешь гордиться собой. А теперь отправляйся домой и гордись собой. Нет, сначала пообедай. Меня долго не будет сегодня, а ты без меня забудешь поесть. Девушки! Обслужите, пожалуйста, моего мужа!

Коллеги Халимар, две молоденькие официантки, не заставили себя уговаривать. Они поспешили выполнить просьбу Халимар.

«Скоро нас уволят, — подумала одна, проходя мимо Халимар. — Эта странная девушка-циркачка сама справится с каким угодно количеством посетителей. Зачем мы здесь?»

«Какой муж красивый у новой официантки! — подумала другая. — Вот повезло! Мне бы такого. Я бы никому не позволила заботиться о нем, сама бежала бы вприпрыжку, чтобы его обслужить!»

— Девчонки! — сказала Халимар. — У меня только что возникла идея. Давайте будем работать так: вы подходите к клиенту, принимаете заказ, а я отправляю ему все, что он

заказал, своим ходом, по воздуху. А мы вместе будем сидеть здесь и любоваться нашей дружной работой. Согласны?

— Согласны! Конечно, согласны!

«А она классная! Теперь нас точно не уволят», — подумала одна.

«Вот если бы мне такой нарядик, как у Халимар», — подумала другая.

В ту же секунду обе официантки с удивлением рассматривали оказавшиеся на них шаровары из шелка бирюзового цвета и блузы с широкими рукавами. Вот только золотых туфель на них не было.

— Спасибо, Халимар! Как это красиво!

— Девчонки, а вам очень идет эта одежда. Скажите честно, у вас есть женихи?

— У меня нет, — быстро ответила Оля.

— А у меня был парень, но мы с ним недавно расстались, — ответила Оксана.

— Вы не против, если я вас познакомлю с двумя классными парнями? Это друзья моего мужа. Они мне уже все уши прожужжали, чтобы я их познакомила со своими подружками. И моему мужу покоя не дают. Так вы не против?

Обе девушки пожали плечами с равнодушным видом, но Халимар прочла их мысли.

«Конечно! Очень хочу познакомиться с другом этого симпатичного художника!» — подумала Оля.

«Надеюсь, что друзья у ее мужа такие же лапочки, как и он сам», — подумала Оксана.

— Лапочки, лапочки! — подтвердила Халимар. — Еще какие лапочки!

Она взяла телефон, сначала позвонила Вове, потом Севе.

— Я хочу познакомить тебя со своей ближайшей подругой, — обещала она каждому. — Приходи вечером в кафе «Старт» на Садовой! Ровно в девять.

Парни явились точно в назначенное время. Как на свидание! Когда Вова и Сева увидели Халимар в обществе двух прекрасных девушек в бирюзовых шелках, они обомлели.

— Пацаны! — сказала Халимар, очень любившая употреблять экспрессивную лексику. — После работы моих подружек некому проводить домой! Посидите вот за этим столиком, пока мы с Олей и Оксаной будем обслуживать клиентов. Кстати, а что принести вам?

Через пару секунд коньяк, оливки и лимон плавно пролетели через весь зал к тому столику, который приютил Севу и Вову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ: ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ХОМЫ

«Теперь я знаю, что буду писать. Я видел Халимар на Эване. Счастливую и смеющуюся. Больше никто из ныне живущих людей не удостаивался такого зрелища. Я должен рассказать всем, что я видел».

— А стоит ли? — подслушала мысли Хомы Халимар. — Зачем показывать это миру? У мира есть другие заботы.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего конкретного. Но, глядя на обилие разноцветных лоскутков на улицах, можно предположить, что миру нет никакого дела до лох-несского чуда и до меня, девушки-джинна!

— Я не соглашусь с тобой! Это все — суета, а чудеса будут вечно. Как и ты, Халимар. Ты — самое большое чудо.

— Никакое я не чудо! Я самая обычная девушка-джинн.

— А Эван — самый обычный бронтозавр. А если вас объединить, то получится самая необычная картина.

— Ты помнишь, как выглядит Эван? Может, слетаем еще раз в Шотландию? За вдохновением!

— Ты права. Тебя я смогу нарисовать в любой момент, пока ты здесь. А вот Эвана, когда ты улетишь, я больше не смогу увидеть.

— А если я улечу, и ты не успеешь закончить картину? Кто же тогда будет тебе вместо меня позировать?

— Никто. Во-первых, у меня полно эскизов. Во-вторых, у меня уже есть готовая картина. А в-третьих, я вижу тебя, даже когда закрываю глаза.

— Но с закрытыми глазами рисовать неудобно, — заметила Халимар.

— Ну, что ж, тогда я буду смотреть на картину.

— Чудесная картина! Мне очень нравится. И совсем не видно, что ты бессовестно передрал сюжет у своего коллеги!

— Ничего я не передрал! Какой у него сюжет? У него просто «Ковер-самолет». А у меня — «Хома и Халимар летят в Шотландию».

— Хома! Ты настоящий художник! Я уверена, что если бы ты выставил это на продажу, отбоя не было бы от желающих приобрести.

— Я ни за что не соглашусь с ней расстаться! — твердо сказал Хома.

— Не хочешь продавать — подари кому-нибудь. Какому-то музею, театру, кинотеатру, школе! Все равно, кому! Главное, чтобы люди видели это! — настаивала Халимар.

— Может быть, когда-то я подарю ее, а может, даже и продам. Мне не нужно материальное подтверждение того, что ты есть в моей жизни. Но пока я хочу, чтобы картина оставалась в этой комнате.

— А как же слава, признание? Ты хотел этого.

— Хотел! Я хотел, чтобы на меня не смотрели, как на неудачника. Хотел нравиться

девушкам. Хотел иметь много денег.

— А сейчас?

— А сейчас мне все равно, кто обо мне что думает. Главное, чтобы ты восхищалась моими картинами. Мне это приятно.

— Ой, Хома! А мне как приятно это слышать! Я восхищаюсь твоими картинами, не побоюсь этого слова. А тобой я восхищаюсь еще больше! И чтобы полет в Шотландию не остался твоим единственным шедевром, полетели туда снова! Эвана срисовывать с натуры.

— Полетели! Только не очень быстро: полет сам по себе приятен, а не только конечная его цель, — вспомнил Хома слова Халимар.

— Наконец-то ты это понял, — обрадовалась Халимар.

Туфля стала медленно увеличиваться до размеров небольшой лодки.

— Садись, Хома! Пристегни привязные ремни! — скомандовала Халимар.

— Что-то новенькое! Раньше здесь этого не было! — заметил новшество Хома.

— А еще раньше и тебя не было.

— Тебя тоже когда-то не было, хоть ты и будешь жить вечно, — напомнил Хома.

— Это очень странно! Если я буду жить вечно, значит, я должна была бы быть всегда. Что-то не так. Где я была, когда меня не было?

— Наверное, там же, где и я. Летали бестелесными во Вселенной и ни разу не столкнулись...

— Лбами, — подсказала Халимар.

— Лбами, — повторил Хома. — У нас тогда просто лбов не было, а так бы обязательно столкнулись. Не может быть, чтобы мы с тобой раньше не встречались. Мне кажется, я знаю тебя давно, еще до того, как родился, — задумчиво сказал Хома. — Халимар!

— Что, Хома? — с надеждой спросила девушка.

— Только никакого воровства! Высади меня где-то у супермаркета, я куплю нам что-то поесть в дорогу.

— Ах, оставь! Я тебя сама накормлю. У тебя осталось только четыре желания. Не буду же я их забирать у тебя из-за какого-то угощения в лодке!

— Но забирала же! — напомнил Хома.

— Тогда я это делала специально, чтобы заставить тебя действовать решительно. А сейчас... Я хочу, чтобы ты поберег желания для чего-то важного, — сказала Халимар.

— Так я уже стал художником, — вспомнил Хома. — Мое желание исполнилось.

— Исполнилось, исполнилось, сообразительный господин мой.

Лодка стремительно мчалась в Шотландию. Сегодня учебник географии не понадобился. Хома уже запомнил, как называется ее столица. А больше ему и не надо знать: все, что будет интересно, можно спросить у Халимар. Она все равно болтает без умолку.

— Не болтает, а разговаривает. Наслаждаюсь речевой деятельностью. Скоро я вернусь в Страну Свободных Джиннов, там не очень-то поговоришь. Им лень рот открыть, только думают. Я понимаю, что потребность в языке отпадает, когда твои мысли читают. Но иногда так приятно слышать звуки!

— Так говори и там! Кто может тебе запретить? У вас же свободная страна, — подсказала Халимар.

— Да! Как я сразу до этого не додумалась? У нас же свободная страна! Захочу — и буду говорить. А еще я петь там буду! «Девушка Прасковья из Приднестровья...»

— А другие песни ты знаешь?

— Знаю, конечно. Но это первое, что в голову стукнуло.

— Хорошо, что не кирпич, — пошутил Хома.

— Шутник. Вылезай, приехали. Эван! Эван! — громко закричала Халимар, так, что эхо отозвалось в горах.

Хоме тоже захотелось громко закричать, услышать, как эхо отразит его голос.

— Халимар! — громко крикнул он, сложив у рта ладони. — Халимар! Я люблю тебя, Халимар!

И горы Шотландии повторили за ним: «Халимар! Я люблю тебя, Халимар!»

Возвращались поздно. Остановились недалеко от дома. Был восхитительный летний вечер. Теплый и ароматный, наполненный цветением каких-то деревьев.

— Давай посидим, — предложила Халимар.

Сели на скамейку в старом двореке, смотрели на окно комнаты Хома.

— Хома, — нарушила тишину Халимар. — У тебя осталось только четыре желания. Четыре желания — и я умчусь в Страну Свободных Джиннов.

— Ты очень хочешь туда? — спросил Хома.

— Конечно. Все джинны этого хотят. Там прекрасно! Ты был там, сам знаешь.

— Я хочу загадать желание прямо сейчас, — решительно сказал Хома.

— Да? Ты хорошо подумал? Помни: у тебя осталось только четыре, — предупредила Халимар.

— Я хочу, чтобы ты была свободной! — твердо сказал Хома. — Такое мое желание.

— Ты освобождаешь меня, Хома?! Ты хочешь, чтобы я умчалась от тебя в Страну Свободных Джиннов?!

— Мне повторить четыре раза?

— Нет. Не надо. Я пойду соберу свои вещи.

Халимар легко вбежала по ступенькам на третий этаж. Ключей у нее не было, но дверь послушно распахнулась перед ней. На девушке был темно-зеленый наряд из шелка: шаровары и блуза с пышными рукавами. А когда спускалась по лестнице вниз, была уже в платье и светлой трикотажной кофточке с пуговицами впереди.

— Моего здесь ничего нет. И дом не мой. И дети не мои, — грустно сказала Халимар, очень убедительно изображая персонаж Голди Хоун.

Вдруг зазвучала печальная музыка из фильма «За бортом».

— А ты тот самый потнющий плотник, который меня терпеть не может, — продолжила свое выступление Халимар.

— Я люблю тебя, Халимар, — тихо сказал Хома.

Он мог бы и не говорить этого, девушка читала это в его мыслях.

— Я люблю тебя, Халимар, — снова повторил он.

Музыка прекратилась. Наряд Халимар мгновенно сменился на прежний.

— Ты любишь меня, Хома? — недоверчиво спросила Халимар. — Ты любишь меня, Хома, и позволяешь мне улететь?

— Да, я люблю тебя, Халимар, и хочу, чтобы ты была свободной. И перестань дурачиться! Давай простимся, как люди.

Внезапно по щеке девушки покатилась слеза. Хома подошел к Халимар близко-близко и обнял ее за плечи. Обнял, прижал к себе, уткнулся лицом в ее мягкие волосы. Дышал глубоко, чтобы напоследок насладиться любимым ароматом.

— Прощай, — решительно убрал руки с плеч девушки.

— Прощай, Хома, — печально произнесла Халимар. — Я никогда тебя не забуду.

Она отошла на несколько шагов от Хома. Туфля ее стала медленно увеличиваться, наконец, стала размером с небольшую лодку и остановилась.

Лодка с Халимар поднялась в воздух.

— Не грусти, Хома! Рано или поздно это должно было случиться! — Халимар отправила Хоме прощальный воздушный поцелуй. — Прощай!

Золотая лодка поднималась в небо. Халимар, его любимая Халимар улетала от него в свою счастливую вечную жизнь. Она выйдет замуж, нарождает кучу маленьких джиннов. А самого старшего назовет Хомой. Будет единственный в Стране Свободных Джиннов джинн по имени Хома.

«Прощай, любимая! Я всего лишь маленький человек, встретившийся тебе в твоей вечной жизни. Скоро ты забудешь меня. Что моя жизнь по сравнению с вечностью?»

Хома почувствовал, что ему стало трудно дышать. Никогда еще ему не было так тяжело. «Может быть, я умираю?» — подумал он. Вспомнил бабушку, с которой не успел попрощаться. Она умерла, когда он учился на третьем курсе. Вспомнил родителей, осиротивших его одновременно. Когда родители погибли, Хоме было всего пять лет. «Мужчины не плачут», — твердила ему бабушка, потерявшая в тот день дочь и зятя. И он не плакал. Папа не справился с управлением на скользкой зимней дороге. Его машину вынесло на встречную полосу и бросило под колеса огромного «КАМАЗа». Папа спешил отвезти маму в город, в больницу. У нее отошли воды. Так они и погибли все вместе, в один миг: мама, папа и неродившийся братик Хома.

«Мужчины не плачут», — сказала бабушка Сереже. И он не плакал. Смотрел с каменным лицом, как засыпают могилу родителей, и не плакал. Все вокруг плакали, чужие люди рыдали. А он прижимался к бабушке и молчал. Люди плакали, глядя на застывшего от горя ребенка.

Внезапно Хома почувствовал, как слезы потекли из его глаз. Он не оплакал родителей, брата, бабушку. Тогда он не уронил ни слезинки. Слезы камнем лежали на его сердце, давили его. Запоздалые рыдания вырвались из его груди. Он вновь почувствовал себя маленьким мальчиком, пережил трагедию, обрушившуюся на него в пятилетнем возрасте.

Теперь дышать стало намного легче. Как будто тяжелый камень, давивший его много лет, свалился. Хома сел на скамейку, где целую вечность назад сидела Халимар. Нежно провел рукой по деревянной доске.

Кто-то бесшумно подошел сзади и закрыл ему руками глаза. Эти дивные пальчики он узнал бы и через тысячу лет.

— Хома! Ты плачешь, Хома? — на скамейку рядом с ним опустилась Халимар. — Вытри нос!

Халимар протянула ему носовой платок. Хома послушно высморкался. Платок куда-то исчез, как будто растворился.

— Халимар! Ты вернулась ко мне!

— Конечно! Я теперь свободный джинн! Где хочу, там и живу! Ты же освободил меня. Я могу жить здесь хоть сто лет. Ты рад?

— Не знаю, буду ли я рад, когда стану дряхлым стариком, но сейчас я рад безумно! Я чуть не умер от горя, когда ты улетела! — признался Хома.

— Пошли домой, — предложила Халимар.

— Пошли, — согласился послушно Хома. — Я так устал! На меня так много всего

навалилось сразу, и горе, и радость. А я всего лишь человек.

— Пойдем, любимый! Хотя ты мне больше не повелитель, я буду послушной, как прежде, — кротко сказала Халимар.

— С трудом, но верю, — сказал Хома. — И что мы будем делать дома?

Они поднялись по крутой лестнице на третий этаж и вошли в квартиру.

— Ты будешь спать, а я буду оберегать твой сон, — пообещала Халимар.

— А от кого его оберегать? Разве нам что-то угрожает?

— Надеюсь, что нет. После того, что случилось с Ибрагимом, он уже никогда не будет меня похищать. Может, у тебя есть тайные поклонницы, которые будут пытаться тебя украсть?

— Нет! — засмеялся Хома. — Никого у меня нет и никогда не будет. Мне нужна только ты.

— Ты абсолютно уверен в этом?

— Аб-со-лют-но!

— Тогда тебе придется купить новый диван. Спать с тобой на этой рухляди я не собираюсь, а в бутылке ночевать сегодня я тоже не хочу. Ведь я теперь свободный джинн!

— Халимар! Так поздно не работает ни один мебельный салон. Может, поспишь сегодня со мной на этом стареньком диване?

— Ни за что! Каким ты был, Хома, таким и остался. Тебя ничему не научило общение с джинном.

Внезапно посреди комнаты появился белый диван. Он занял все свободное место между продавленным диванчиком Хома и старым комодом.

— Халимар, почему ты не сделала это раньше? — удивился Хома.

— Это мое, — указала на белый диван Халимар. — А это — твое. Теперь ты мне не господин и повелитель, мы просто добрые соседи.

— Соседка! А можно, я приду к тебе сегодня в гости? — робко спросил Хома.

— Конечно! Конечно, приходи. Можешь сделать это прямо сейчас. Немедленно!

Хома прыгнул на белый диван. Откуда-то с потолка на него свалилось легкое одеяло. На голову упала подушка.

— Ты теперь всегда будешь со мной? — шептал Хома на ушко Халимар. — Ты не будешь убегать от меня в свою бутылку?

— Буду! Если ты будешь мне мешать спать! Закрывай глаза и спи. Мне завтра рано вставать.

— Вот как? А зачем тебе рано вставать? Признавайся! — потребовал Хома.

— Я хочу осуществить свою мечту. Буду писать учебник по джиннологии. Теперь я свободный джинн, могу делать все, что захочу. И еще я должна устроиться на работу.

— А работа тебе зачем? — удивился Хома. — Ты же можешь наколдовать себе все, что угодно! Зачем тебе работать?

— Просто так. Я не могу сидеть в четырех стенах. Я хочу общаться с людьми, — объяснила Халимар.

— И кем ты можешь работать? — спросил Хома.

— Вопрос поставлен неправильно. Я могу работать, кем угодно. Вопрос в том, кем я захочу быть. Я подумаю об этом утром, после того, как получу свой долгожданный кофе в постель.

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! Ты хитрая, знаешь, что, даже исполнив твои

тридцать три желания, я не улечу от тебя никуда.

— Я не только хитрая, — сонно сказала Халимар. — я еще и потрясающе красивая и невообразимо умная девушка.

Халимар крепко уснула в объятиях Хома. Хома поцеловал то, что оказалось у него рядом с губами (а это был нос девушки), и тоже крепко уснул, счастливо улыбаясь.

Когда Хома утром проснулся, Халимар возле него не было. «Чего она вскочила так рано?» — подумал он.

— Наконец-то! — воскликнула девушка. — Долго мне еще ждать мой завтрак в постель?

Она сидела перед зеркалом, которого раньше в комнате не было, и причесывалась. На ней был голубой кружевной халатик и золотые туфельки с загибающимися кверху носками.

— О завтраке мы не договаривались, ты говорила вчера только о кофе, — вспомнил Хома.

— Не ленись, Хома! Вчера клялся в вечной любви, когда я улетала, а сегодня не хочешь завтрак приготовить. Если ты будешь так себя вести, я буду улетать от тебя в Страну Свободных Джиннов каждый день, — пригрозила Халимар.

— Я согласен! Только и возвращайся тоже каждый день! Бегом в постель! Я принесу тебе завтрак.

— Я передумала, — сказала Халимар и сбросила халатик.

Хома закрыл глаза. Ему больно было смотреть на такую красоту. Халимар забралась к нему под одеяло. На ней сейчас были только золотые туфельки.

— Халимар, — шептал Хома, — я сейчас умру от счастья...

— Я сама тебя сейчас убью, Хома! Я так долго ждала. Я больше не твой джинн, я твоя Халимар... Я твоя, Хома...

И Хома сделал то, что на его месте сделал бы любой нормальный мужчина.

Потом они долго лежали, обнявшись.

— Хома! Ты жив?

— Кажется, жив.

— А я умерла и снова ожила, — призналась Халимар.

— Мы теперь всегда будем вместе? Ты не умчишься от меня в свою свободную страну?

— Зачем лететь в заоблачную страну, когда мое счастье здесь? Я люблю тебя, Хома. Я буду любить тебя вечно.

— Я тоже люблю тебя, Халимар. Я буду любить тебя до самой смерти.

— Ой, Хома! Ты снова оживаешь!

— Халимар! Когда ты станешь серьезной? Ты шутишь даже в самый неподходящий момент!

— Хома, я снова хочу умереть и ожить в твоих объятиях! — потребовала она.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил он.

В тот день Халимар так и не приступила к написанию учебника. Хома и Халимар просто не вылезали из постели.

И снова пришел восхитительный летний вечер, наполненный цветением каких-то деревьев. А Хома и Халимар так и не смогли оторваться друг от друга.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ: ОБРУЧЕНИЕ ХОМЫ И ХАЛИМАР

Утром Хома покрыв все тело Халимар поцелуями и умчался на работу. Часам к двенадцати к нему явилась его возлюбленная собственной персоной. Волосы собраны в тугой пучок, скромная облегающая маечка, джинсики. Не джинн, а прилежная студентка.

— Хома! Мне нужен компьютер. Я приступаю к работе над учебником, — объявила Халимар.

— Неужели? Всемогущему джинну понадобилось что-то от человечества? — улыбнулся Хома. — Выбирай все, что тебе понравится. Я оформлю кредит. Мне еще положена десятипроцентная скидка.

Хома обратился к администратору:

— Андрей Сергеевич! Я хочу купить компьютер жене, помогите ей разобраться. Все самого лучшего качества!

Администратор подкатил к Халимар. Он повел ее в отдел. Ей показывали вещи, в которых она ничего не смыслила. Она очень внимательно выслушала технические характеристики всех составляющих ее будущего персонального компьютера, а выбрала все исключительно по названиям. Если ей нравилось слово, она соглашалась купить.

— Лексмарк! Да, я беру это! Какое слово красивое!

Приблизительно так ею были куплены монитор, клавиатура, мышка. Только коврик она выбрала из-за картинки. На нем была изображена карта, похожая на пиратскую из мультфильма. Все приобретенное богатство Халимар пообещали привезти к пяти часам, а сама она отправилась домой налегке.

— Пока, Хома! Встретимся дома, — прошла мимо любимого, только помахав ему рукой.

«Могла бы и поцеловать, — обиделся Хома. — Не чужой человек!»

Еще никогда Хома не ждал с таким нетерпением конца рабочего дня. Скорее домой, заключить в объятия свою любимую, целовать ее, наслаждаться близостью. Он стоял у входа в магазин с блаженной улыбкой.

Его состояние заметили сослуживцы.

— Что ты сияешь, Хома? В лотерею выиграл?

— Ага! Еще лучше! Женился!

Он просто светился от счастья, и тем самым привлекал к себе любопытные взгляды. На счастливого человека всегда приятно смотреть. А от тоскующего хочется бежать за тридевять земель.

По дороге домой Хома заскочил в цветочный магазин. Надо купить Халимар цветы. Ведь сегодняшний день они будут праздновать теперь, как день создания их семьи.

«Поверить не могу! Халимар — моя жена! Мы живем с Халимар, как муж и жена. И пусть у нас нет никаких документов, мы все равно муж и жена. Моя жена джинн. Самая необычная девушка стала моей женой!»

Ему так нравилось повторять это слово, что он даже сказал вслух:

— Халимар — моя жена.

В магазине он долго выбирал цветы для своей любимой. Все они были не достаточно красивы для Халимар, так ему казалось.

Сначала он хотел купить одну большую розу. Самую красивую красную розу! Передумал. Потом решил купить много-много белых розочек. Огромный букет изящных белых роз! Передумал. Он вспомнил, что Халимар называла когда-то свои любимые цветы. Кажется, орхидеи.

— У вас есть орхидеи?

— Нет, орхидей у нас нет. Но у нас большой выбор других цветов. Вы на какую сумму рассчитываете?

«Черт! Я же забыл посмотреть, сколько у меня денег в кошельке! Выбрал бы сейчас огромный букет роз! Надо выйти и пересчитать деньги».

Хома вышел, раскрыл кошелек. Он еще не успел проверить его содержимое, как заметил женщину, продающую цветы прямо на улице. У нее было несколько букетиков фиалок.

«Где она взяла это весеннее чудо в самый разгар лета?» — подумал Хома.

Выбор был сделан. Хоме понравились фиалки. И цена понравилась тоже.

«Размер не имеет значения», — вспомнил Хома слова Халимар. Какая разница. Принесет он огромные розы или миниатюрные фиалки? Главное, он думал весь день о любимой.

Вышел из троллейбуса, быстро преодолел путь от остановки к дому, взлетел по лестнице на третий этаж, открыл дверь. Скорее обнять любимую! Но любимая висела в воздухе.

Она сидела, поджав под себя ноги, перед новеньким монитором, на котором непонятно каким образом возникали буквы и складывались в слова. Клавиатура не была подключена. Мышь бегала по столу и трогательно пищала. Хома подошел ближе.

— Халимар! Он же не подключен! — сказал Хома, имея в виду компьютер.

— А зачем? Так тоже неплохо!

— Как же появляются буквы на мониторе? — удивился Хома.

— Он читает мои мысли, — объяснила Халимар.

Халимар опустила вниз и обняла Хому. Новые буквы перестали появляться на мониторе. Хома прочел: «Параграф 7. Теория происхождения джи».

— Ого! Уже седьмой параграф! Ты делаешь успехи, — похвалил он свою любимую.

— Интересуешься? Можешь почитать.

Принтер заработал. Через несколько секунд Хома держал в руке лист с отпечатанным текстом, хотя Халимар не закладывала бумагу в лоток.

— Халимар, зачем тебе понадобился компьютер? Ты бы и без него справилась.

— Я современная девушка, мне нельзя без компьютера. Я же не в пещере родилась, — объяснила она Хоме.

Хома взял первый лист и начал читать.

«Введение в джиннологию, параграф 1.

Люди со второй группой крови ошибочно полагают, что этот учебник им ни к чему. Они думают, что знают о джиннах все. Забудьте обо всем, что вы узнали до этого момента, и отправляйтесь в увлекательный мир знаний! Никто не сможет рассказать вам о джиннах лучше меня!

Возьмем энциклопедический словарь и отыщем в нем букву «Д». Читаем: джинн — это бестелесное существо, дух. Ложь! Наглая, бессовестная ложь! На самом деле, джинн — это существо из плоти и крови, способное в случае необходимости становиться бестелесным духом. И это чистая правда!

Джинн в состоянии сделать со своим телом все, что угодно: липосакцию, подтяжку, устранение перхоти, морщин и целлюлита. Но в этом нет необходимости. У джиннов не бывает целлюлита, морщин, перхоти и кариеса. Лишних жировых отложений у джиннов тоже не бывает. Все джинны молоды, стройны и красивы. Такими остаются они на

протяжении целой вечности».

Халимар погладила мышку.

— Есть будешь?

— Буду! Конечно, буду, — ответил Хома.

— Я вообще-то мышку спрашивала. Но раз ты голодный, я тебя накормлю. Я должна о тебе заботиться.

Хома вспомнил, что забыл подарить Халимар цветы.

— Халимар! Я хочу, чтобы мы запомнили этот день, как день рождения нашей семьи. Теперь мы будем отмечать его ежегодно. Прими от меня эти цветы!

— Пятнадцатое июля! Очень красивая дата, — заметила Халимар. — Спасибо за цветы! Они так пахнут! Подожди, у меня тоже есть для тебя подарок. Вот! Нравится?

Она протянула Хоме черепаху.

— Это мне? — удивился Хома. — Интересный подарок.

— Я хочу проверить, правда ли то, что эти милашки живут триста лет. Я назову ее Одесса. Когда мы улетим с ней в Страну Свободных Джиннов, она будет напоминать мне о тебе и твоём городе.

— Ты же утверждала, что тебе не нужны никакие предметы, чтобы помнить меня!

— Одесса — не предмет. Она — живое существо. Что плохого в том, что живое существо триста лет будет напоминать мне о сегодняшнем дне?

— Халимар! Я так счастлив, что ты со мной. Меня не пугает даже то, что когда-то меня не станет. Зато будешь ты, а значит, будет жить наша любовь.

— А чтобы тот день, когда тебя не станет, не наступил скоро, я предлагаю тебе поужинать, — напомнила Халимар.

— Сегодня — это самые приятные слова, что я от тебя слышал.

— То ли ещё будет! — пообещала Халимар.

После необычайно вкусного ужина, приготовленного собственноручно Халимар, Хому стало клонить в сон.

— Хома! Не спи, Хома! Жизнь человека так коротка. У меня целая вечность впереди, и то я не хочу терять ни мгновения попусту. Давай ещё сегодня слетаем в паб джиннов! Я хочу тебя познакомить с моими друзьями.

— С белыми джиннами? Мы знакомы!

— Раньше ты был временным владельцем моего зеленого флакона, а теперь ты постоянный владелец моей души и моего тела в придачу.

Хома был польщен. Ему сразу же расхотелось спать. Халимар взяла его крепко за руку — и в то же самое мгновение они вдвоем оказались в пабе джиннов.

— Друзья! — сказала Халимар вслух. — Хочу представить вам моего мужа. Сегодня мы с Хомой стали мужем и женой.

— Поздравляем! — послышалось отовсюду.

— Я знал, что этим все закончится, — сказал один джинн. — С самого начала было ясно, что вы — пара!

Теперь из уважения к Хоме джинны говорили вслух. К Хоме и Халимар подплыли и застыли в воздухе два бокала, наполненные каким-то прозрачным напитком. Только Хома захотел выпить, как Халимар остановила его.

— Подожди! Не сейчас, — тихо сказала она.

К счастливой паре подходили белые джинны. Каждый из них снимал с себя какое-то

золотое украшение и бросал в один из бокалов. Когда жидкость из бокалов стала выливаться через край, Халимар сказала:

— Пей!

Хома выпил. О, чудо! Вместо множества украшений в бокале оказалось только одно — золотой браслет. Точно такой же браслет был теперь и в бокале Халимар.

«Это же обручальные кольца джиннов!» — вспомнил Хома.

Халимар надела кольцо на запястье левой руки Хома. Хома надел свое кольцо Халимар. Он почувствовал, как плотно браслет обхватил его руку.

— Все! Теперь мы никогда уже не сможем их снять. И даже твоя смерть нас не сможет разлучить, — сказала Халимар. — А теперь ты скажи мне что-нибудь хорошее.

— Я... Я... Я... — только и смог пролепетать брачующийся.

Все белые джинны, включая Халимар, весело рассмеялись. У Хома был такой забавный растерянный вид!

— Можешь просто меня поцеловать, — подсказала Халимар. — Этого достаточно: твои мысли тут ни для кого не секрет.

Когда Хома и Халимар вернулись домой, ему совсем не хотелось спать. Халимар снова зависла у компьютера, а Хома читал те параграфы учебника, которые уже выдал принтер.

«Джинны могут легко и безболезненно изменить себе прическу, цвет глаз и волос, не прибегая к помощи стилиста или окулиста. Джинны могут увеличить свое тело до необходимого размера, и точно так же могут становиться безобидными крошками. Обратите внимание: девушки-джинны легко могут увеличить себе размер бюста, но никогда не делают этого. Девушки-джинны понимают, что сам по себе размер груди никого не сможет сделать счастливым или несчастным. Главное, что мы думаем по этому поводу.

Девушки-джинны любят косметику и украшения, хотя прекрасно могут обходиться как без одного, так и без другого.

Мода! Вот о чем стоит упомянуть в самом первом параграфе учебника. Девушки джинны любят натуральные ткани радостных оттенков. Все, что навеивает грусть и тоску, безжалостно уничтожается или дарится младшим сестрам. Пусть те сами уничтожат скучные вещи!

Девушки-джинны любят кошек.

Люди со второй группой крови могут решить, что им незачем читать этот учебник. Ошибаетесь, дорогие мои! Вам тоже будет интересно узнать!

Параграф 2.

Дети

Дети джиннов не растут на деревьях. Как, впрочем, и дети людей. Но люди почему-то своих детей называют то плодами, то цветами. «Ребенок — плод любви». «Дети — цветы жизни». Джинны никогда не позволяют себе такие высказывания. Маленькие джинны — не плоды, а тем более, не цветы. Это маленькие монстры с чудовищными, отвратительными характерами, способными вывести из равновесия самого уравновешенного взрослого джинна!

Маленьким джиннам разрешено делать все: портить мебель, одежду, писать натюрморты на новых обоях, съедать сразу по целой коробке шоколадных конфет, обстригать котам усы, а кошек дергать за хвосты. Детям позволяют делать все. И это не специальная педагогическая методика, это — жестокая необходимость. Детям просто ничего нельзя запретить. Бесполезно! Они вредные и непослушные. И только тогда, когда

они в изнеможении сваливаются от усталости и засыпают, не успев смыть со своих рук и лиц следы своей преступной деятельности, родители-джинны могут полюбоваться ими и рассмотреть, чьи черты унаследовали их малыши.

За пару секунд родители наводят порядок в разгромленном мире детей. Склеивают то, что еще можно склеить, чинят то, что еще можно починить, ремонтируют то, что еще поддается ремонту. И навсегда прощаются с теми предметами, которые уже не подлежат ремонту, починке, химической чистке и стирке.

Когда дети достигают, наконец, совершеннолетия, их одевают, обувают, находят для них подходящий сосуд — и отправляют на Землю, чтобы они пару веков учились уму-разуму и помогали людям осуществлять сокровенные мечты.

Самые смелые и дерзкие мечты, самые немыслимые желания помогают осуществить джинны тем людям, которые на некоторое время становятся обладателями чудесного сосуда.

Традиционная форма ответа на поставленную задачу — «Слушаю и повинуюсь, мой повелитель!»

После того, как юный джинн выполнит тридцать три желания тридцать третьего владельца своей бутылочки, он может вернуться в семью. Теперь он уже не шалит, ничего не портит, не разрушает, не разбивает и не рисует на самых неожиданных местах. Родители радостно заключают его в свои объятия.

Параграф 3.

Любовь и брак

Люди, имеющие вторую группу крови, считают, что браки на небесах завершаются. С полной ответственностью за свои слова заявляю: браки на небесах совершаются».

— Халимар! Мы только поженились, — не выдержал Хома, — а ведем себя так, будто живем вместе уже двадцать лет.

— Откуда тебе знать, как ведут себя люди, прожившие в браке двадцать лет?

— Ну, я так представляю: она печатает учебник, а он что-то читает.

— Это не о нас! Я сейчас тебе покажу, что мы будем делать через двадцать лет.

Халимар переместилась плавно по воздуху и нырнула под одеяло. Хома послушно оставил чтение и последовал ее примеру. С одной только разницей, что не прилетел, а пришел своим ходом. И совсем не для того, чтобы пожелать Халимар спокойной ночи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: ОБ ИБРАГИМЕ

Ибрагим медленно шел по улице и думал, так ли он действительно любил Халимар. Он давно понял, что она никогда не ответит ему взаимностью. Еще тогда, когда она бегала с ободранными коленками по синей траве, Ибрагим знал, что она не для него. Вокруг нее всегда было полно друзей, она всегда была в центре внимания. Ибрагим, скорее всего, завидовал ей. Сам хотел быть лидером и заводилой, как Халимар. А с ним никто долго не выдерживал общения. Ни в какие игры не мог найти он себе партнера. Если кто-то играл хуже, чем он, Ибрагим смеялся и делал замечания. Если же кто-то играл лучше, Ибрагим злился и сам первый прекращал игру. Ему нравилось только побеждать. Скорее всего,

именно поэтому он и возжелал Халимар. Для него она просто стала воплощением его детской мечты о победе. Иметь возле себя Халимар в качестве послушной и заботливой жены — это означало для него утереть нос всем своим сверстникам.

Зачем она нужна была ему? Сейчас Ибрагим понимал, что у Халимар далеко не ангельский характер. Постоянные шуточки, розыгрыши! Характер несносный! С такой женой хлопот не оберешься. Зачем она нужна была ему? Если бы можно было все вернуть! Он бы ни за что не приблизился к ней, пусть бы морочила голову своему бездарному художнику.

«А я бы вернулся в Страну Свободных Джиннов, нашел бы подругу, женился и жил бы себе нормальной вечной жизнью. А что сейчас? Как я смогу вернуться в ССД обещанный? Как я взгляну в глаза своим родителям, сестрам и братьям? А как они потом будут смотреть на меня? Нет, лучше здесь!»

Ибрагим мог бы остаться жить у Аркадия. Но не захотел. Там все напоминало ему о том, что произошло. Ибрагим мог бы наколдовать себе все, что угодно. Ведь он по-прежнему оставался джинном. Но после того, как он лишился своих золотых туфель, что само по себе было большим позором для джинна, у него опустились руки. Ему ничего не хотелось. Махнул на себя рукой и стал потихоньку опускаться.

Был он по-прежнему молодым и красивым, как все джинны. Высокий брюнет с карими глазами, с чертами лица, способными свести с ума любую девушку на земле и на небесах. Но в старой одежде, босиком, с отросшими волосами, небритым лицом и тоской в глазах он вызывал только жалость и отвращение.

Он мог бы в одну секунду сменить одежду, сделать новую обувь вместо потерянных навсегда золотых туфель, но не хотел. Не ел, не пил. Просто ходил по улицам бесцельно или сидел в сквере на скамейке. Ел только тогда, когда случай посылал ему какую-нибудь добрую старушку, делившуюся с ним булочкой или пряником.

Ибрагим опустился на скамейку в парке. Его босые грязные ноги привлекали внимание и вызывали у людей недоумение. На его скамейку больше никто не садился. Он уже привык к этому. И даже рад был, что рядом никого нет. Вдруг на скамейку села чистенькая старушка, от которой так приятно пахло. Очень аккуратная старушка, модная старушка, в розовых брючках и бежевой блузе.

— Проблемы? — спросила она без предисловий. — Может, я смогу чем-то помочь?

— Ненавижу стариков и старух! — сказал Ибрагим.

— Я сама их ненавижу! — совсем не обиделась на него старая женщина. — Вечно жалуются на болезни, говорят только о своих внуках. Как будто в мире больше ничего интересного не осталось! Я, например, очень люблю ходить в кино, и делаю это регулярно, раз в неделю. Вы любите ходить в кино? Пожалуй, нет. Босиком в кинотеатр вряд ли пустят. А хотите, я куплю вам туфли? Тогда вы сможете сходить в кино!

— Мне уже никто и никогда не сможет вернуть мои туфли, — с горечью произнес Ибрагим.

— Ваши — нет. Но можно купить другие. Какой у вас размер обуви?

— Я не знаю, какой у меня размер. Для меня размер не имеет значения.

— Тогда вы посидите здесь, а я скоро вернусь!

«Зачем она делает это? Какое ей дело до того, что у меня нет обуви? Какое ей дело до того, что я голоден или мне холодно? Я ведь ясно дал ей понять, что ненавижу стариков, в том числе и ее.

Внезапно Ибрагиму в голову пришла мысль, что не так уж и уродливо морщинистое лицо. И выцветшие от старости глаза людей бывают добрыми и лучистыми.

Старушка вернулась через тридцать минут. В руках она держала картонную коробку.

— Вот! Нравятся? — она протянула Ибрагиму пару кожаных туфель. — Это еще не все. Вот носки, чтобы ноги не натирать. Надевай!

Старушка незаметно для себя перешла на «ты».

— Не стесняйся! Считай, что я даю это тебе в долг. Вернешь, когда сможешь. Ты теперь совсем другим человеком себя почувствуешь. Вот увидишь! Это волшебные туфли.

— Что ты знаешь о волшебных туфлях, старуха?! — горько рассмеялся Ибрагим впервые с того момента, как его прекрасные золотые туфли разлетелись вдребезги.

Тогда он собрал золотые осколки, сложил в мешочек и до сих пор носит его на груди.

— Да, да! Не смейся! Поверь, что чудо произойдет — и оно произойдет. У меня сын пропал. Три года его не было. Не звонил, писем не присылал. Я верила, что случится чудо, и он вернется. И что ты думаешь? Я была не права? Он вернулся! Оказывается, он отработал сезон в какой-то артели старателей. Плохой артели. Он отработал честно, а его выгнали и ни копейки не заплатили. Он три года домой шел! За тарелку похлебки на работу нанимался к людям. Некоторые люди жалели его, давали денег и кормили. Другие — в лицо плевали. Как будто не понимали, что жизнь может иногда человеку такой фокус показать! Никто не должен относиться к человеку жестоко! Жестокость может вернуться к тебе увеличенная во сто крат. И вот мой сын вернулся домой. Правда, жена его за три года себе другого нашла. Но это не страшно. Теперь у него новая жена. А у тебя есть жена? — спросила старушка?

— Была невеста. Но она другого полюбила. Бездарного художника.

— Ничего! Ты тоже встретишь девушку, которая будет тебя любить. Ты молодой, красивый. Только руки опустились у тебя. Тебе нужно найти работу. Будешь среди людей, люди помогут тебе снова на ноги подняться.

Ибрагим принял подарок молча, без благодарности.

«За что благодарить? За эти кожаные туфли, которые рано или поздно придут в негодность? Потом их все равно придется выбросить. Я столько времени служил людям, выполнял их желания. Могу я теперь хоть что-то получить от них?»

Старушка пожелала Ибрагиму всего хорошего и ушла. Она радовалась, что совершила такой благородный поступок: почти половину своей пенсии отдала человеку, нуждающемуся в ее помощи. Ведь счастливее всегда тот, кто совершает благодеяние, а не тот, что его получает.

«Ну, ничего! У меня сын есть, он мне поможет. А у этого бедняги, похоже, никого нет. Парень такой несчастный! Может, благодаря моей помощи и у него дела наладятся. Может, он работу себе найдет хоть какую-то. А пока он босиком, все на него смотрят, как на бродягу».

Ибрагим, могущественный джинн Ибрагим принял помощь старушки. Он мог бы сотворить для себя все, что угодно, но пережитое горе придавило его к земле.

Так случилось, сто именно те, кого он больше всего презирал, проявили к нему наибольшее сочувствие. Старушки делились с ним скудной едой, а старички давали деньги и свежие газеты для чтения.

Ибрагим, носивший на груди мешочек с золотом наивысшей пробы, брал монеты у стариков и складывал себе в карман. Он не тратил деньги, ему не хотелось ни есть, ни пить. Иногда только покупал себе мороженое.

В новых туфлях было жарко. Он снимал их и часами сидел в парке на скамейке, уставившись в одну точку.

Однажды какой-то старик опустился рядом с ним на скамейку.

— Ай-ай-ай! Нехорошо так опускаться. Такой молодой, а сидишь без дела. Я давно за тобой наблюдаю. Я старый, у меня сил нет трудиться, а то бы я здесь не сидел! А хочешь, я отвезу тебя к себе на дачу? Мне жена там всего-всего насадила, а сама умерла. Наверное, все сорняками заросло. Проведешь там лето, может, что из овощей поспело. Голодным не останешься!

Ибрагим молчал. Ему было все равно. У него не было никаких желаний.

— Посиди тут! — предупредил старик. — Я только ключ возьму от домика. И деньги на автобус.

Ибрагим ждал. А что ему оставалось делать? Он не знал, чем ему заняться и как жить дальше. Поэтому позволил решать за себя другим, в частности этому доброму старичку.

Старичок вернулся довольно скоро: он жил неподалеку.

— Поехали! Живи там хоть все лето! И осенью там можно жить. А если печку построить, то и зимой можно будет жить. Там посадка рядом, дров заготовишь, если захочешь. Все-таки не бездомный. Там моя жена насадила овощей, в саду что-то созреет. Голодать не будешь. А если соседи захотят, чтобы ты и за их дачами присматривал, они будут привозить тебе продукты. Знаешь, как обидно, когда что-то твое у тебя из-под носа тянут!

— Знаю.

Это было первое слово, сказанное Ибрагимом старичку.

— О! Заговорил! — обрадовался старик. — А я думал, что ты глухонемой.

Ехали на дачу долго. Минут тридцать. Ибрагим, привыкший передвигаться на огромные расстояния за несколько секунд, с интересом смотрел во время поездки в окно, рассматривал дома и деревья.

Вышли на нужной остановке, пошли пешком.

— Мне жаль расставаться с этой дачей. Мы ее купили с женой, когда были молодыми. И соседи у нас здесь хорошие. Но сил у меня уже нет землю обрабатывать. А дети далеко живут, им моя дача ни к чему. Не думал, что моя Надежда Петровна раньше меня уйдет: я на одиннадцать лет старше ее! А что с тобой произошло? Почему ты бродяжничаешь?

Ибрагим не отвечал.

— Не хочешь — не говори. Это твое право. Поживешь у меня на даче. Тебе понравится! Я буду тебя навещать иногда, — пообещал старик.

— Здравствуйте, Михаил Александрович! Давненько вы не приезжали, — поздоровался мужчина, поливавший помидоры на соседней грядке.

— Здравствуй, Леня! Горе у меня, Леня, один я остался. Умерла моя Надежда Петровна. Некому теперь будет за огородиком смотреть.

— Ой, а я не знал ничего! Простите! Думал, что это соседи не приезжают? Я ваш огород поливал. У вас так все взошло хорошо, жалко было, что пропадет.

— Спасибо, Леня! Вот родственник мой поживет пока на даче. Заодно и за твоей присмотрит, чтоб воры не лезли собирать твой урожай.

— Это хорошо! Я только раз в неделю приехать могу. Вот в отпуск пойду, тогда поживу здесь недели две. А родственника как зовут?

Старик ничего не мог ответить. Он даже не знал имени человека, которому почему-то

решил помочь. Но не мог же он сказать соседу, что привез к себе на дачу совершенно незнакомого человека, бродягу.

Старик посмотрел в глаза Ибрагиму. Ибрагим понял, что происходит в душе старика. Ведь джинн по-прежнему умел читать мысли.

— Ибрагим, — сжалился над стариком повергнутый джинн.

— А меня Леней зовут! Михаил Александрович, Ибрагим! Идемте ко мне пить пиво с сушеными кальмарами! Ибрагим, ты пиво любишь?

— Любит, любит! — обрадовался Михаил Александрович, что все обошлось.

Ибрагим, привыкший к благородным напиткам в квартире Аркадия, узнал, каким вкусным может быть охлажденное пиво. Сосед угостил их еще сорванными на грядке помидорами и огурцами и картофелем, сваренным в кожуре.

Ибрагим, привыкший к изысканным блюдам, не мог понять, почему ему так понравилась такая простая еда.

Когда старик уехал, Ибрагим решил последовать примеру соседа и повырывать сорняки на огороде. Работа эта была для него абсолютно новой. Как, кстати, любая другая. Ведь до этого Ибрагим вообще ничего не делал. Он просто творил чудеса. Сейчас он совершенно не чувствовал усталости, ведь был он могущественным джином. Ему по силам была любая работа, а он всего лишь рвал сорняки. Он так увлекся, что очистил от сорняков весь участок.

— Ибрагим! Побереги силы. Оставил бы что-то на завтра, — посоветовал Ленья.

Ленья уехал домой, а на следующий день Ибрагим взялся за его участок. Он истребил все сорняки на огороде соседа.

Через пару дней все соседи Михаила Александровича по даче уже знали, что у него живет родственник. Соседи приходили, приносили угощение и хлеб. Просили, чтобы Ибрагим присматривал и за их дачами.

Ибрагиму понравилось обрабатывать землю. Ему нравилось, что во время прополки и окучивания ему не надо смотреть в небо. Он работал, не покладая рук и не поднимая головы, чтобы не смотреть туда, в небо. Он не хотел вспоминать о Стране Свободных Джинов, в которую теперь путь ему был закрыт.

Ибрагим подружился с Леньей, который приезжал на дачу по субботам. Ленья подсказывал Ибрагиму, что нужно делать на огороде и в саду. Ленья рассказывал Ибрагиму о себе, о работе, о семье. Ибрагиму ничего не хотелось рассказывать о себе. Он только слушал.

Однажды Ленья приехал и привез бритвенный прибор и ножницы.

— Ибрагим! — сказал Ленья. — Твоя борода — это твое личное дело. Не хочешь от нее избавляться — не нужно. А вот волосы тебе надо обязательно подстричь. Здесь двух мнений быть не может.

Ибрагим согласился с этим. Конечно, Ленья не был профессиональным парикмахером. Но он умел делать элементарные мужские стрижки. У него была большая практика в этом деле, когда он был моряком. За шесть месяцев рейса он, моторист, успевал не раз подстричь всех членов экипажа. Все тридцать человек! От капитана до повара.

Теперь Ленья уже не ходил в рейсы, работал на буксире в порту, а свое умение делать мужские стрижки решил применить к Ибрагимовой голове.

Ленья очень хорошо сделал свою работу. Стрижка получилась отличной!

— Ну, что? Бороду брить будем? — спросил сосед.

— А! Ладно, брей, — согласился Ибрагим.

Над лицом Ибрагима Ленья трудился значительно дольше, чем над прической. Когда

работа была окончена, Леня сказал:

— Зачем тебе нужна была борода? Ты, наверное, скрываешься от кого-то? Иначе зачем прятать такое прекрасное лицо? Я думал, ты намного старше. Тебе никак не больше двадцати пяти лет!

— Да, — ухмыльнулся Ибрагим, — никак не больше двадцати пяти лет.

«Если бы знал этот смертный, сколько мне на самом деле лет. Как он был бы удивлен!» — подумал Ибрагим.

Теперь, когда связь Ибрагима с джиннами прервалась, волей-неволей приходилось довольствоваться обществом людей. Ему приятно было общество Лени, которому было сорок семь лет, у которого была жена и двое взрослых детей. У детей — своя жизнь, а у жены — своя. Она вдруг внезапно поняла, что от нее уходит молодость, увлеклась разными оздоровительными гимнастиками, омолаживающими чистками и массажами. А для мужа у нее оставалось все меньше и меньше времени.

А у Ибрагима — в целом мире никого. Вот эти двое мужчин и стали друзьями. И хотя Ибрагим по-прежнему ничего о себе не рассказывал, зато о Лене он уже знал абсолютно все. Даже то, о чем сосед ему и не сообщал: ведь джинны умеют читать мысли.

Еще что-то очень важное произошло в сознании Ибрагима. Он уже не считал, что старики уродливы и портят внешний вид города. Он вдруг осознал, что без стариков в мире была бы нарушена гармония.

«То, что произошло со мной — большое несчастье. Я никогда не смогу вернуться в Страну Свободных Джиннов. Живу, как самый обычный человек. Я даже чувствую себя иногда человеком! А много ли найдется джиннов, которые могут сказать о себе то же самое?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ: ХАЛИМАР В ПОИСКАХ РАБОТЫ

— Хома! Ты должен мне помочь найти работу! — решительно потребовала Халимар.

— А как я могу тебе помочь? — удивился Хома.

— Очень просто! Берешь телефон, звонишь своему доброму знакомому, который занимает высокий пост или у которого есть связи, и говоришь: «Алло! Привет, дружище! Ты не мог бы моей супруге подыскать работу? Так, чтобы она не сильно напрягалась, но чтобы зарплата была приличная!»

— У меня нет таких знакомых, — стал оправдываться Хома.

— Конечно, нет! Поэтому не задавай глупых вопросов! Как помочь устроиться на работу? Пойдем по городу, прочитаем объявления. Может, найдем что-то интересное.

В центр города добирались на троллейбусе. А дальше — пешком. От одного дома к другому, от одного квартала к третьему. В бары и рестораны требовались официанты, в магазины — продавцы. Вакансий было полно! Но Халимар искала что-то особенное, интересное. Правда, сама она не знала, чего хочет.

— Даже если мне и придется работать в магазине, я хочу, чтобы это был особенный магазин! Чтобы в нем что-то хорошее продавалось.

— Коврами-самолетами в Одессе не торгуют, — объяснил Хома. — Сапогами-скороходами и шапками-невидимками тоже!

— Ай-ай-ай! Как смешно! Как будто я не знаю. Хотя... Это хорошая идея. Я могу продавать обычные шляпки, но добавлять в них маленький секретик. По своему усмотрению.

Например, приносит девушка шляпку домой, надевает ее, ни о чем не догадываясь, хочет маме похвастаться — и вдруг исчезает! Вместе со шляпкой! Весело, правда?

— Не вижу в этом ничего веселого! Представь, как это будет неприятно маме девушки, — предположил Хома.

— Тебе не понравилась моя идея? Но почему, Хома? Ведь это так забавно!

— Как хочешь! — сказал Хома. — Решать тебе. Я за тебя работать не буду. Так что сама выбирай, что тебе интересно.

Как раз в этот момент они проходили мимо небольшого магазинчика со сказочным названием «Красная Шапочка». На двери висело объявление: «Магазину «Красная Шапочка» требуется продавец с опытом работы».

— Это судьба! — воскликнула Халимар. — Зайдем? Лучше шляпки продавать, чем морковь!

— Почему шапочки лучше, чем морковь? Не вижу существенной разницы, — сказал Хома.

— Шапочки взвешивать не надо, — аргументировала свою мысль Халимар.

— Здесь написано: с опытом работы. У тебя нет опыта работы в торговле, — напомнил Хома.

— Нет. Но обязательно будет. А считать я очень хорошо умею.

— Да, до тридцати трех, — пошутил Хома.

— Шутник! Не хочешь помогать мне — не надо. Я сама войду в этот магазин! Когда меня увидит его владелец, он такую очаровашку примет сразу, даже если я не до тридцати трех, а только до трех считать умею!

— Этого-то я как раз и боюсь, — признался Хома.

— Боишься — значит, стой и жди.

Халимар решительно открыла дверь магазина. Где же шляпки, шапочки, панамки, береты? Ничего этого в магазине не было.

— Здравствуйте! Это магазин «Красная Шапочка»? — вежливо спросила Халимар.

— Да, — тоже очень вежливо ответил продавец.

— А где же ваши шапочки? Почему у вас что-то непонятное продается? — спросила Халимар.

— У нас здесь нет ничего непонятного. У нас здесь корм для животных, — улыбаясь, ответил продавец.

— Корм для животных?! И вы называетесь «Красная Шапочка»?! — Халимар пулей вылетела из магазина.

Хома ждал ее на улице.

— Ну, как? Что-то ты очень быстро! Наверное, опыта работы не хватило? — спросил Хома.

— Чувства юмора не хватило, а не опыта работы! В магазине «Красная Шапочка» продают корм для животных! Для кошек, собак, хомячков, крыс, волков...

— Да, у владельца магазина своеобразное чувство юмора. Только здесь не продается корм для волков, волков дома не держат.

— Откуда тебе знать? Если ты не держишь, это не значит, что не держит никто. Никогда не говори того, в чем не уверен на сто процентов!

— А почему ты не захотела работать в этом магазине?

— Из-за названия. Это мне придется всем покупателям объяснять, что вкусные мясные

консервы для их питомцев сделаны не из Красной Шапочки. Не хочу я работать в этом магазине. Поищем что-то другое.

И снова квартал за кварталом, улица за улицей ходили Хома и Халимар по тротуарам города. Ничего интересного. Никто не ждал Халимар, никто не предлагал ей увлекательную работу. И вдруг...

— Нашла! Это то, что мне нужно! «Детскому саду № 245 на постоянную работу требуется няня-уборщица». Хома, записывай адрес! — потребовала Халимар.

— Но это же так далеко! Тебе придется два часа добираться утром на работу и столько же времени вечером домой. А у тебя молодой муж, ему нужны твои любовь и внимание, — напомнил Хома.

— С мужем я как-нибудь договорюсь. И с проездом можно уладить. Мне две-три секунды достаточно, чтобы переместиться куда угодно. Смущает меня только одно: как совместить одновременно две должности, и няни, и уборщицы? Это все равно, что в одно и то же время идти на два свидания. Даже джиннам это сложно.

— А людям, как видишь, не сложно!

— Поехали! Я хочу получить эту работу уже сегодня, — решила Халимар.

— Как хочешь. Пошли на автобусную остановку! Не перемещаться же нам чудесным способом среди белого дня.

— Какая разница! День, ночь, зима, лето... Дай мне руку, никто ничего не заметит!

Хома протянул руку жене.

— Стоп! Но я же представить не могу, что это за место! Я там никогда не была, — внезапно сообразила Халимар. — Придется ехать на автобусе.

— Вот как? Могущественный джинн испытывает трудности? — ехидно заметил Хома.

— Да! Какой маршрут автобуса?

— Двести сорок восемь, — подсказал Хома.

В ту же самую секунду автобус с тремя необходимыми цифрами опустился откуда-то с неба рядом с Хомой и Халимар. Автобус был с водителем. Водитель, похоже, был очень сильно удивлен, почему это его с остановки куда-то понесло.

— Нам к детскому саду № 245! Быстро! — Халимар назвала адрес, который был указан в объявлении. — У меня совсем нет времени, а у тебя есть секунды три, не больше.

Через три секунды автобус остановился у входа в детский сад.

— А теперь живо обратно! — скомандовала Халимар перепуганному водителю. — Люди ждут на остановке, а он разлетался тут!

Автобус мгновенно исчез, как будто растворился в воздухе.

— Вот, досада! — сказала Халимар. — Я за проезд забыла заплатить! Как ты думаешь, у нас не появятся заячьи уши?

— Не появятся, — успокоил жену Хома, — если только ты сама этого не захочешь. А ты так непредсказуема в своих желаниях!

В детском саду пахло подгоревшим молоком.

— Носом чую: здесь найдется для меня работенка! Только я смогу вернуть молоко в кастрюлю за секунду до того, как оно окажется на плите!

Хома и Халимар быстро сориентировались и нашли кабинет заведующей.

— Здравствуйте! — ослепительно улыбаясь, сказала Халимар. — Вам нужна опытная няня-уборщица?

— Здравствуйте, — ответила заведующая. — Вы работали няней-уборщицей?

— Нет, — призналась Халимар. — Но в глубоком детстве у меня были неплохие отношения с детьми.

— Иметь в детстве неплохие отношения с детьми — это очень важно, — согласилась заведующая. — Тогда во взрослой жизни удастся сохранять хорошие отношения со взрослыми. Только няня-уборщица не общается с детьми. Няня-уборщица моет все общие помещения, лестницу, коридоры. Мой кабинет, в конце концов.

— Неужели? А почему же она тогда называется няней? Кого она нянчит?

— Никого!

— Тогда мне эта работа не подходит! До свидания! Приятно было познакомиться!

— Подождите! — остановила ее заведующая. — Вы действительно хотите работать с детьми?

— Да! Хочу работать с детьми.

— Я беру вас помощником воспитателя в группу малышей! — решительно заявила заведующая.

— Вот как? — удивилась Халимар. — Я хотела только нянчить детей. А не воспитывать!

— Помощник воспитателя и няня — это одно и то же! Просто так называется, — объяснила заведующая.

— Я уже ничему не удивляюсь! Если уборщицу называют няней, почему бы няню ни назвать как-то по-другому? А воспитатели у вас помощники заведующей?

— Нет, — улыбнулась заведующая. — Воспитатели — просто воспитатели.

— Хорошо! Хотя с этим путаницы не будет, — обрадовалась Халимар.

— У вас документы с собой? — спросила заведующая.

— Документы? Конечно! То есть, они у меня есть, но только дома.

— Завтра утром приходите и приносите паспорт, трудовую книжку и документ об образовании. Я вас оформлю, а потом дам еще два дня на прохождение специальной медицинской комиссии.

Хома и Халимар вышли из детского сада.

— Хома! У тебя паспорт есть?

— А как же!

— А документ об образовании?

— Конечно! Диплом экономического университета.

— А трудовая книжка есть?

— Есть. Только она на работе.

— Срочно к тебе на работу! До завтра я должна сделать все документы. Ты покажешь мне трудовую книжку, я сделаю себе точно такую же.

— Придется ехать на троллейбусе, — сказал Хома. — Моя трудовая книжка не в магазине, а в отделе кадров охранного агентства.

— А ты не знаешь, как оно выглядит? — спросила Халимар.

— Знаю! Но этого не знаешь ты!

— Мы теперь с тобой одно целое. Дай мне руку и представь то место, в которое мы должны немедленно попасть. А я просто прочту твои мысли.

В ту же секунду Хома и Халимар оказались в том месте, в котором и планировали оказаться.

— Ура! Все получилось! — воскликнул радостно Хома. — Жди меня здесь! Я сейчас

быстро схожу за трудовой.

Халимар осталась ждать на улице. Прошло пятнадцать минут. Хома все не выходил. Прошло тридцать минут. Хома не было.

Наконец показался замученный Хома.

— Представляешь, я простоял в очереди целый час и десять минут! Ты не устала меня ждать?

— Не устала! Но у джиннов все делается значительно быстрее.

— Да, действительно. Казалось бы: куда спешить джиннам? У них же есть вечность!

— Но мы все равно быстро решаем все вопросы, — похвасталась Халимар.

— А у людей такая жизнь короткая, а еще приходится тратить столько времени в различных очередях за справками, — добавил Хома.

— Можем отправляться домой, — предложила Халимар. — Дай руку, Хома! Только никаких троллейбусов!

Дома Халимар потребовала:

— Показывай трудовую!

Хома протянул документ жене.

— Так. Понятно!

Откуда-то из воздуха Халимар достала точно такую же трудовую книжку, какая была у Хома, но только совсем без записей.

— Какую бы себе взять фамилию? — задумалась Халимар.

— Обижаешь! — сказал Хома. — Фамилию мужа, конечно!

— Да! Я чуть не забыла, что у вас так принято!

На чистой странице одна за другой стали появляться каллиграфические буквы. Хоменко Халимар.

— Еще отчество надо, — подсказал Хома. — Имя твоего отца.

— Знаю я, что такое отчество! Папа мой Хасан, а я — Халимар Хасановна.

— Не слишком ли много «х»? — спросил Хома.

— А что делать? Не могу же я из-за этого подписываться вымышленным отчеством! Я привыкла правду писать в своих документах! Кстати, документ об образовании у тебя дома?

— Конечно! Где же ему быть? Вот тебе мой диплом экономического университета.

Халимар повертела в руках документ.

— А такого образования достаточно, чтобы работать помощником воспитателя?

— Достаточно! Можешь не сомневаться: это один из самых престижных вузов Одессы, — гордо заявил Хома.

В ту же секунду в руках у Халимар оказалось два диплома. Один — подлинный, а другой — выписанный Хоменко Халимар Хасановне.

— Ух, ты! Я пять лет учился, чтобы такое у себя иметь, а тебе хватило пяти секунд, — восхитился Хома.

— Какая разница? Все равно ни твоя, ни моя работа абсолютно никакого отношения к международной экономике не имеет, — заметила Халимар.

— Ты права, Халимар. Тебе еще паспорт нужен? Держи! Но учти: ты в трудовой книжке себе год рождения написала, как у меня. Значит, в паспорт не забудь вклеить две фотографии, — подсказал Хома.

— Ага! А замуж за тебя я вышла еще в детском саду!

— Делай, как знаешь! Я хотел, чтоб все правильно было, — обиделся Хома.

— Спасибо. Я все сделаю правильно, — пообещала Халимар.

Наконец документы были готовы.

— Ты, конечно, как хочешь, Халимар, но, по-моему, это не очень хорошая идея, — сказал Хома.

— Ты о работе?

— Да. Сидела бы дома, ждала мужа с работы. А в мои выходные ходили бы вместе гулять по городу или летали бы куда-нибудь.

— Не волнуйся, я все успею. А полететь куда-нибудь мы можем в любой момент. Ты же знаешь, когда мы в моей туфле — время останавливается для нас. Кстати, о времени. Что у нас сейчас по расписанию?

— Не знаю. Может, ужин? — нерешительно предположил Хома.

— Хома! Ты как хомяк! У тебя все мысли только о еде! Ладно, будет тебе ужин. Только я совсем другое имела в виду.

— А что?

— Догадайся с трех раз!

Сообразительный Хома крепко обнял жену и поцеловал.

— Уже теплее! Но все равно, я имела в виду другое. Поехали к моим! Мы же еще не были у них, как стали мужем и женой. Пусть они поздравят нас.

— А тебя сильно будут ругать? — спросил Хома.

— За то, что замуж без спроса вышла? Или за то, что смертного предпочла бессмертному? Будут, обязательно будут! Но только один раз. Поэтому летим немедленно! Пусть уже отругают. Никуда от этого не денешься.

Золотая туфелька стала расти. Хома сел в нее и обнял жену за плечи.

— Как будем лететь? Медленно или мгновенно? — спросила Халимар.

— Мгновенно! — потребовал Хома. — Чтобы вернуться поскорее. Нас ждут дома интересные дела!

Лодка вылетела в окно и повисла над домом. Хома бросил взгляд на унылый дворик перед тем, как лодка стала набирать скорость. Так быстро они еще не летели в Страну Свободных Джиннов. Хоме показалось даже, что они не поднимаются вверх, а падают на огромной скорости вниз.

Вот и знакомый причал. Хома ступил на твердь. Халимар за ним. Уменьшила лодку до размеров туфли. Она уже не привязывала лодку, не оставляла ее у причала, а забирала с собой.

— Что-то родители задерживаются, не бегут нас встречать, — заметила Халимар. — Обиделись, наверное, что я без разрешения замуж вышла.

— А откуда они знают? — удивился Хома.

— Так они же постоянно с земли свежие новости получают. Газеты, журналы.

— А разве в газетах о нас писали?

— Писали. В обычных газетах, конечно, нет, а джинновские раструбили о нашем бракосочетании. Не так часто джинны выходят замуж за людей.

— Вот это да! У вас даже газеты свои выходят? — удивился Хома.

— Что тут удивительного? Было бы странно, если бы у нас не было своих газет и журналов. Ведь это удобный способ передавать информацию на большие расстояния, — объяснила Халимар.

— Нет, не обиделись! Смотри, как мчатся твои мама и папа! — радостно воскликнул

Хома.

Опережая друг друга, к ним бежали джинны.

— Халимар! Хома! Мы так рады вас видеть!

— Мама! Папа! Так вы не сердитесь на нас? — спросила сразу Халимар.

— За что? — удивилась мама.

— Так вы еще ничего не знаете? — обрадовалась Халимар. — Смотрите!!!

Она подняла высоко левую руку Хома своей левой рукой.

— Та-та-та-та! — пропела провинившаяся дочь какую-то торжественную мелодию.

Обручальные браслеты засверкали на солнце.

— Да знаем мы, знаем! Вся Страна Свободных Джиннов знает о твоём опрометчивом поступке! — засмеялась звонко мама. — Мы так рады за вас. Вы — прекрасная пара!

— Идемте в дом, — предложил папа. — Там поговорим.

— Папа немного сердит, — шепнула мама Халимар на ушко. — Ты же знаешь, как ему всегда Ибрагим нравился.

— Нравился, — согласился папа. — Но я белый джинн. Я за свободный выбор в любви. И если ты, дочка, выбрала Хому, значит, он действительно заслуживает это.

— Спасибо, папочка! — Халимар бросилась отцу на шею и поцеловала его. — Я рада, что ты не сердишься на меня!

— Не сержусь. Ну, рассказывай, чем же ты сейчас занимаешься? — поинтересовался папа.

— Я пишу учебник по джиннологии, — сообщила Халимар. — И еще я буду работать с группой детей.

— Бедняжка! Как я тебе сочувствую! — сказала мама. — А другой работы для тебя не нашлось? Ты же у нас такая красивая, талантливая, умная!

— Не надо ребенка разочаровывать! Работа с детьми — это достойное занятие для женщины. Педагоги всегда пользовались почетом и уважением в обществе, — сказал отец.

— Дорогой! Твои сведения давно устарели. Сейчас педагогами становятся только безнадёжные альтруисты, — возразила мама.

— Ну, что ж! Это не самое плохое качество для белого джинна. Правда, дочь?

— Правда, папочка! Я еще ни дня не работала с детьми, но думаю, что у меня все получится!

— Смотри, не переусердствуй! — предупредила мама. — Помни, что у тебя есть муж. А это большая ответственность. Муж — это намного серьезнее, чем повелитель. Там желание выполнил — и отдыхай. А у мужа бывает по тридцать три желания в день. И в бутылку не спрячешься, надо выполнять! Конечно, я не думала, что ты так рано выскочишь замуж.

— Ну, мама!

— Все-все! Больше не буду! Это же твоя жизнь, ты сама решаешь, когда и что для тебя лучше. Хома! А твоя жена накормила тебя ужином?

Хома хотел соврать, чтобы Халимар не получила от мамы еще и за это. Но джинны умеют читать мысли, так что врать не пришлось.

— Вот и отлично! Я сама приготовлю сейчас для тебя вкусный ужин. Мне нравится, что у тебя хороший аппетит. А пока я буду готовить, папа пригласит гостей. Кого бы вы хотели видеть сегодня?

— Бабушку! Бабушку! — очень быстро ответил Хома.

Джинны рассмеялись.

— Хорошо, Хома! Бабушка сейчас придет! — пообещал папа. — А еще кого?

— Пусть сестры с мужьями и детьми придут.

— Халимар! Почему с детьми? С детьми — это уже не праздничный ужин! Тебе нужна практика? Запомни: дети людей — это цветочки! Их еще можно наказать или в угол поставить. А с нашими лучше не связываться. Нет, праздничный ужин должен быть без детей!

— Ладно, уболтали! Тогда пригласите кого-то из моих друзей детства. Я хочу Хомой похвастаться!

— Я тебе не плюшевый мишка, чтобы мной хвастаться, — обиделся Хома.

— Ты такой обидчивый, Хома! У нас не принято, чтобы мужчины обижались, — сказала Халимар.

— Знаю! Они у вас не обижаются, потому что вы их не обижаете! Вы со своими мужчинами, как с детьми маленькими обращаетесь. Я это еще давно заметил!

— А к тебе разве я плохо отношусь? Мама, мы только поженились, а он уже чем-то недоволен!

— Не жалуйся теперь! — сказала мама. — Никто не заставлял тебя так рано замуж выходить. Угождай теперь мужу и не обижай его!

— Поняла? — спросил Хома. — Слушайся маму, жена!

Праздничный ужин был готов. Стали прибывать гости. Бабушку примчалась первая. Она долго тискала внуку и что-то там шептала ей на ушко. Халимар густо покраснела.

«Интересно, — подумал Хома. — Чем можно так смутить мою женушку? Алеет, как маков цвет!»

— Хома, посмотри, что нам бабушка подарила! — Халимар раскрыла ладонь и приблизила ее к Хоме.

— А что это?

— Глупенький, внимательно посмотри! — настаивала Халимар.

— Что это за маленькая коробочка? — спросил Хома.

— Это не коробочка! Это детская кроватка из очень ценного дерева! В ней наш ребенок будет очень крепко спать.

— А как же в ней наш ребенок поместится? — удивился Хома.

— Как только мы вернемся домой, я увеличу кроватку!

— Зачем? У нас еще нет детей, пусть себе стоит на комодке кроватка. А когда дети появятся, тогда и увеличим, — решил Хома.

— Не увеличим, а увеличу! Ты же даже такого простого сделать без меня не сможешь!

— Уже упреки? Надо было замуж за джинна выходить! Я тебя силой не тянул! — снова обиделся Хома.

— Не тянул! Но ты чуть не умер от горя, когда я от тебя улетала! Забыл? И эта смерть была бы на моей совести!

— Ах, так? Значит, ты просто меня пожалела? И ты совсем меня не любишь? — разозлился Хома.

— Люблю! Очень люблю!

— А почему ты меня тогда дразнишь? — удивился Хома.

— Не знаю, просто так, из вредности, наверное.

Бабушка подошла к Хоме.

— У меня есть подарок лично для тебя. Я хочу подарить тебе коллекцию жуков из

бирюзы. Я не помню, сколько их, но не меньше двухсот. Помни: любая вещь, подаренная джином, может исполнить для тебя любое твоё желание, — напомнила бабушка.

— Спасибо! Это очень ценный подарок! Теперь, когда моя жена упрекнет меня, что я не умею творить чудеса, я тут же использую силу подарка.

— Я для того их тебе и дарю. Всем женщинам нравятся чудеса, а ты ведь всего лишь человек. Очень хороший человек, но только человек, — сказала бабушка и протянула небольшую коробку.

Сестры Халимар тоже дарили подарки лично Хоме.

— Зная твой характер, Халимар, мы решили помочь Хоме. Пусть творит чудеса для тебя с нашей помощью!

Когда вернулись домой, Хома взял в руки одного из бабушкиных жуков и что-то стал шептать ему. Получилось! Халимар обвила мужа руками и впилась губами в его губы. Потом с силой швырнула его на белый диван.

«Спасибо, бабушка», — подумал Хома.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ: ХАЛИМАР ХАСАНОВНА ДЕЛАЕТ УСПРЕХИ

— Дети, у нас новая нянечка, Халимар Хасановна! Посмотрите, какие у нее волосики красивые! Будете хорошо кушать кашу, и у вас вырастут такие же! — пообещала воспитательница.

И дети радостно заработали ложками. Всем захотелось иметь такие красивые волосы, как у новой няни. Только один мальчик не ел.

— Дениска, а ты почему не ешь? — спросила Халимар. — Каша не нравится?

— А я не хочу такие волосы! Я вырасту и буду дядей. А дядям такие волосы не нужны!

— Много ты понимаешь, — сказала Халимар. — Как раз дядям такие волосы и нужны. Если бы не дяди, я бы давно сделала себе короткую стрижку.

Мальчик, скорее всего, ничего не понял, из того, что ему сказала няня, но начал есть.

— Все поели? А теперь быстро идем мыть руки! — скомандовала воспитательница.

Малыши дружно побежали к умывальникам.

— Я не хочу идти пешком! Я хочу лететь на самолете! — снова закапризничал Денис.

В это время воспитательница вышла из группы. Халимар с чистой совестью подняла мальчика над полом и перенесла по воздуху к умывальнику.

«Обязательно найдется кто-то, кому чудеса подавай! — подумала она. — Как будто нельзя нормально своими ногами дойти!»

После умывания все дети получили по листку бумаги с аккуратно нарисованным облачком. Им оставалось дорисовать только капли дождя.

«Наверное, это скучно, когда за тебя кто-то уже нарисовал облако», — подумала Халимар.

Дети макали кисточки в синюю краску и водили ими по белой бумаге. Скоро почти все работы были готовы. Вдруг воспитательницу вызвала к себе заведующая.

— Халимар Хасановна! Вы остаетесь с детьми. Соберите, пожалуйста, работы и краски со столов, — распорядилась воспитательница.

Халимар послушалась, убрала все со столов. Внезапно перед каждым ребенком появился новый лист и баночки с разноцветными красками.

— Дети! Дождь прошел, теперь рисуем радость!

Дети опускали кисточки в разноцветные краски, рисовали радость в виде пятен, кругов, колец, полос. Баночки с водой летали к умывальнику, грязная вода сама выливалась, кран откручивался, наливал чистую воду.

— Я люблю рисовать! — радостно вопили дети.

Когда вернулась воспитательница, разноцветные картинки были уже разложены для просушки по всей группе. Краски были убраны, а бегающая по столу тряпка застыла на месте. Пришлось Халимар остальные столы вытирать без волшебства.

— Дети, идем на прогулку! — скомандовала воспитательница.

Дети построились парами и вышли из детского сада на площадку.

— Халимар Хасановна! Вы не могли бы за детьми на площадке присмотреть? — попросила воспитательница. — У меня есть кое-какие дела в группе.

«Без воспитательницы мне проще, — подумала Халимар. — Я сама легко справлюсь со всеми детьми».

Как только какой-нибудь малыш забегал далеко, Халимар тут же поднимала его на несколько сантиметров над землей и перемещала к остальным детям. Ни одному ребенку это не показалось подозрительным или странным. Отсюда следует сделать вывод, что чудеса так же естественны для людей, как способность говорить и ходить. Мы не удивляемся тому, что пятнадцатилетняя девочка, например, умеет делать «ладушки». Что тут удивительного? А если «ладушки» делает девочка в девять месяцев, мы умиляемся и восторженно восклицаем: «Ах! Какая же она у нас умница!» Так и с чудесами, только наоборот. Взрослые ими восхищаются, а для детей — это самое обычное дело.

Воспитательница очень часто оставляла Халимар одну с детьми. Няня была довольна: ведра с супом и кашей летали, становились на стол, разливная ложка выплясывала по группе, наливая суп по тарелкам. Чайник радостно подпрыгивал и щедро одаривал чашки в красный горошек сладкой жидкостью янтарного цвета. Ложки летали сами по группе и раскладывались по столикам. Хлеб нарезался кусочками, намазывался маслом и укладывался на тарелки. Котлетки кружились стайкой под потолком, а потом плавно, как нежные снежинки, опускались рядом с кашей.

Дети радовались! У них еще никогда не было такого веселого обеда. Все, прилетевшее в тарелку, было необычайно вкусно. Дети быстро расправились с едой, потом летели умываться, на горшки и в спальню. Здесь они моментально засыпали.

Работа няни нравилась Халимар все больше и больше. Главное, что воспитательница ни во что не вмешивалась.

«Доверяет», — радовалась Халимар.

Но она ошиблась: дело было вовсе не в доверии.

— Стоп! Я все знаю! Только ничего не надо делать с моей головой! — потребовала воспитательница, вошедшая внезапно в группу. — Я все видела, но никому ничего не скажу!

— Что же вы такое могли увидеть? — сделала удивленное лицо Халимар.

— Я видела, как рулоны туалетной бумаги гонялись за детьми и сами вытирали им попки!

— И вас это удивляет? — спросила Халимар.

— Удивляет? Нет, конечно. Я живу с джинном. Я такого насмотрелась! — призналась воспитательница.

— Живете с джинном? — теперь пришла очередь удивляться Халимар.

— Да, живу с джинном. А что? Я взрослая женщина, мне уже двадцать четыре года. Я

сама решаю, с кем мне жить, — гордо ответила воспитательница.

— Можете. Но...

— Хотите сказать, что это нехорошо? А может, я за него замуж выйду!

— Может, перейдем на «ты»? И поговорим спокойно, все обсудим.

— Хорошо, — сразу успокоилась воспитательница. — Называй меня просто Ирой.

— Ира, а почему ты сразу не сказала, что знаешь, кто я? — спросила Халимар.

— А зачем? Ты и так мои мысли читаешь!

— Как же я могла твои мысли прочесть, когда ты меня все время с детьми оставляешь, а сама куда-то уходишь? Так, значит, ты госпожа белого джинна?

— Нет, он не белый. Он брюнет с темно-зелеными глазами. И я совсем ему не госпожа. Я люблю его! Он лучше всех людей, которых я знаю.

Халимар пришлось объяснить в общих чертах, кто такие белые и черные джинны.

— Ой! А я не знала! Я не знаю, какой он. Думаю, что белый. Я никогда его ни о чем не расспрашивала, а он сам мне ничего не рассказывает. Мы вообще очень мало с ним говорим: он сказал, что джинны умеют читать мысли. А меня его мысли мало волнуют. Даже если он так же внезапно исчезнет из моей жизни, как и появился, я все равно буду вспоминать о нем, как о самом прекрасном, что у меня было. Он такой хороший! И такой красивый! Я когда впервые бутылочку потеряла — передо мной появился он. Я увидела — и обомлела! Знаешь, какое у меня сразу возникло желание?

— Догадываюсь, — улыбнулась Халимар.

— И он тоже догадался. И сразу же его исполнил. Мне так стыдно об этом рассказывать. Но это было такое блаженство!

— Ты попросила его об этом вслух? Джинны умеют читать мысли людей, но исполняют только желание, произнесенное вслух, — объяснила Халимар.

— Я не помню. Может быть, я и сказала ему об этом вслух. Представь: сижу одна вечером в комнате, читаю роман о любви. Расчувствовалась, в сумочку полезла за платочком, чтобы эмоции с носа стереть. А в сумочке какой-то пузырек лежит. Я его взяла, кручу в руках, буквы на нем обнаружила, потеряла — вдруг мужчина появился. Да такой красивый, как из девичьих грез. Может, я и сказала ему что-то неприличное. А может, он в голове моей желание прочел. Или в глазах. Я его об этом никогда не спрашивала. Вот так у нас и получилось: близость в первые же секунды знакомства, — грустно улыбнулась Ира.

— Любовь с первого взгляда! Это так называется, — объяснила Халимар. — И долги вы...

— Живем вместе? — подсказала Ира.

— Встречаетесь, — поправила воспитательницу Халимар.

— Встречаемся! Да какое там встречаемся! Живем, как муж и жена, все ночи напролет любим друг друга. Целый год почти, — призналась Ира.

— А замуж он тебе не предлагал? — спросила Халимар.

— А зачем? Мне печать не нужна. Я его и так всегда буду любить. Даже тогда, когда он улетит от меня в заоблачную страну. Я знаю, он говорил мне. И ты тоже бросишь этот детский сад и улетишь. Ведь правда же?

— Нет, не улечу. У меня тут муж. И я тоже его люблю с первой же секунды, как увидела. Как ты своего джинна. Только я замуж за него вышла, теперь могу никуда от него не улетать. Я потому и спросила тебя, звал он тебя замуж или не звал. Если твой возлюбленный белый джинн, то выходи и не сомневайся. Не пожалеешь! Его любовь со

временем только жарче и ярче!

— А как узнать, белый он или нет?

— А у тебя еще много желаний неиспользованных осталось?

— Я не знаю! Мы не ведем счет желаниям. Я у него еще ничего не просила. Только любовь. И только мысленно. А чаще я и подумать ничего не успею, как оказываюсь в его объятиях.

— Нет, это не то! Вслух о чем ты его просила?

— Ни о чем! Вслух я только говорю ему, как я его люблю. Какой он у меня нежный, милый... Зачем я тебе все это рассказываю? Почему ты выпытываешь все у меня? Почему я должна тебе доверять?

— Потому, что я белый джинн. И если твой друг — тоже, значит, все у тебя будет хорошо. Попроси у него к ужину бутылочку шотландского виски.

— И что? — удивилась Ира.

— Потом поймешь. Больше ничего не надо объяснять, ты сама все увидишь.

— Я попробую, — пообещала Ира, — а завтра все тебе расскажу.

— Хорошо, — согласилась Халимар.

— Не пора ли нам детей поднимать? Что-то они у нас спят долго, — заметила Ира.

— Ничего страшного! Это я им помогла уснуть. Сейчас они встанут и будут резвиться, как прежде. Я им совсем немножечко сонного дыма в спальню напустила. Он абсолютно безвреден! Им теперь сладкие сны снятся. У нас в Стране Свободных Джиннов часто так детей спать укладывают.

— А ты расскажешь мне о своей стране?

— Конечно, расскажу! Когда же тебе расспрашивать своего джинна, когда вы только любите друг друга непрерывно? — засмеялась Халимар. — Иду детей поднимать!

— Хорошо! А я вместо тебя еду для них получу на кухне, — сказала Ира.

— Спасибо! Я и сама все успею. Я же могущественный джинн.

— А я все равно пойду и получу чай и булочки. Мы же дружная команда, я помогаю тебе, а ты помогаешь мне!

Халимар удивило такое совпадение: только вышла на работу, и уже столкнулась с джинном. Вернее, не с самим джинном, а с его госпожой. Что в данной ситуации почти одно и то же.

«Интересно, — думала Халимар, — знакомы ли мы с другом Иры? Скорее всего, да. Ведь почти каждую ночь джинны собираются в пабе. А если он всю ночь занят с подружкой? Но хоть иногда он должен общаться с друзьями! А джинновских пабов всего раз-два и обчелся. Один — в Одессе, другой — в Шотландии. Еще у черных где-то своя туссовка».

Халимар накормила детей, вывела их на прогулку. Теперь она не боялась проявлять свои способности при Ире. Дети были в восторге от новой нянечки. Когда за кем-то приходили родители, они только и выслушивали, что о Халимар.

— У нас теперь Халимар!

— Я люблю Халимар!

— А Халимар пойдет с нами домой?

А один мальчик, Артем Штивельберг, заявил своим родителям:

— Когда вырасту, я женюсь на нашей нянечке!

Халимар была довольна своим первым рабочим днем. Ей понравилось работать с

детьми. А главное, у нее теперь появилась подружка в мире людей.

Дома ее ждал Хома.

— Как долго! Я весь день ждал тебя с работы! Даже ужин приготовил, — встретил радостно жену.

— Скучал? Занялся бы чем-то в свой выходной, ты же совсем большой мальчик. В конце концов, на рыбалку сходил бы с друзьями, — посоветовала Халимар.

— Я не люблю рыбалку, ты это знаешь! А друзья сегодня работают оба. Мы только вечерами можем встречаться или по воскресеньям. Зачем тебе понадобилось на работу идти? Не могу тебя понять! — возмущался Хома.

— Не понимаешь? Как раз для этого я и пошла работать, чтобы ты скучал по мне, пока меня дома нет, — призналась Халимар.

— Я и так скучаю! Я даже когда тебя вижу, все равно по тебе скучаю, — сказал Хома.

— Ну, это ты уже загнул! Как можно скучать, когда мы вместе? — удивилась Халимар. — Ты, наверное, что-то другое хотел сказать! Наверное, что любишь меня.

— Да, я хотел сказать, что люблю тебя, когда ты со мной. И люблю, когда тебя не вижу, — согласился Хома.

— А я сегодня познакомилась с девушкой, у которой возлюбленный ничего ей не говорит, а только действует.

— Понял.

Ужин пришлось в спешном порядке отменить.

На следующий день и Хома, и Халимар отправились на работу. Вместе вышли из дома, а потом разлетелись в разные стороны. Хома помчался к троллейбусной остановке, а Халимар чудесным образом переместилась к детскому саду. Здесь ее ждала неприятная новость: пришла заведующая и сообщила, что вместо Иры будет работать другая воспитательница, Елена Андреевна.

— А где же Ирина Александровна? — спросила Халимар.

— Позвонил ее муж и сказал, что она заболела, — объяснила заведующая. — Ее не будет недели две. Бронхит. Наверное, выпила чего-то холодного.

«Шотландского виски, — подумала Халимар. — После работы надо обязательно провести Иру».

Сегодняшний рабочий день понравился Халимар меньше. Елена Андреевна никуда не выходила, и Халимар вынуждена была все делать сама, не прибегая к чудесам. Несколько раз ей пришлось протирать пол, трижды она мыла посуду, после каждого приема пищи. Детей приходилось кормить ложками вручную, и даже в умывальник вместе с детьми пришла воспитательница. Даже краны нельзя было открыть так, как хочется, силой одного только желания! На прогулку с детьми она вообще не пошла, воспитательница велела ей оставаться в группе.

«Нет, — думала Халимар, — эта работа слишком сложна для меня, могущественного джинна. Какой смысл здесь оставаться, если я не могу пользоваться своими возможностями? Права была мама! Я оставляю на целый день мужа без присмотра, а мне не удается здесь сотворить хотя бы маленькое чудо! Ах, если бы воспитательницей была Ира! Как бы хорошо нам работалось вместе! Но ее не будет целых две недели. Я не хочу так долго ждать. Сегодня же сотру сведения обо мне из памяти заведующей. Даже не надо будет писать заявление об увольнении. Сделаю так, будто меня вообще здесь не было».

Уволившись по своему собственному желанию своим особенным способом, Халимар

мчалась по адресу, который ей удалось выведать у заведующей. Вот улица Академика Филатова, дом с необходимым номером прямо перед глазами. Поднявшись на пятый этаж, Халимар позвонила. Дверь открылась сразу, как будто ее здесь уже ждали.

— Халимар! Я знал, что ты придешь, — мысленно обратился к ней знакомый белый джинн.

— Так вот почему ты так редко посещаешь паб! У тебя есть более важные дела по ночам, — так же мысленно ответила Халимар.

— Дорогой! Кто пришел? — спросила Ира из глубины квартиры.

— Перепутали этаж! — ответил громко джинн. — Халимар, Ира сейчас занята, так что приходи в другой раз.

Только джинн хотел хлопнуть перед носом Халимар дверь, из спальни выглянула закутанная в полотенце Ира. Ее необычайно обрадовал визит новой подруги.

— Халимар! Как хорошо, что ты пришла! Заходи, я сейчас оденусь.

— Вот видишь, что ты натворила. Она сейчас оденется! — мысленно сказал джинн гостье.

— Подождешь, ничего с тобой не случится! Это же надо так девочку замучил! Бронхит летом — как же разгорячиться надо было!

— Да нет у нее никакого бронхита! Просто я встать утром не могла. Фаткул в «скорую» позвонил, а когда врач приехал, у меня температура поднялась до сорока одного градуса, — объяснила Ира.

— Да, я немного перестарался. У врача глаза на лоб полезли. Говорит, за все время работы впервые у пациентов такая высокая температура. Даже хотел Иру сразу в больницу отвезти. А потом заставил меня расписку написать. «От госпитализации отказываюсь, ответственность за здоровье жены беру на себя».

— А сейчас как ты себя чувствуешь? — спросила Халимар.

— Хорошо. Только спать очень хочется. Мне сделали укол с димедролом.

— И теперь я целый день лечу Иру своими методами, — сказал джинн.

— Догадываюсь, что это у тебя за методы, — ответила Халимар.

— А если догадываешься, чего было приходиться? Позвонила бы и справилась о здоровье.

— А я так рада, что ты пришла, Халимар! Ты единственный человек, с которым я могу быть откровенной, — сказала Ира.

— Не человек, а джинн, — возразил Фаткул. — И не единственный. Со мной тоже можешь быть откровенной. А иначе нельзя! Я все равно узнаю, что ты думаешь.

— Узнаешь, узнаешь! У меня от тебя нет секретов, так что меня это совсем не беспокоит. Халимар, я хочу угостить тебя пирогом. Ты кофе пьешь или чай? — спросила Ира гостью.

— Мне все равно, спасибо. А когда ты еще и пироги успеваешь печь? Я своему Хоме готовлю, что попроще. И то не сама, а с волшебством.

— Может, соберемся как-нибудь все вместе? Я с Фаткулом, ты со своим мужем, — предложила Ира.

— И съездим на рыбалку! — добавил джинн.

— А мой Хома терпеть не может рыбалку. Давайте лучше вместе полетим в Шотландию, — предложила Халимар.

— В Шотландию? Так далеко? — удивилась Ира.

— Фаткул, ты не объяснил своей девушке ничего? — пришла очередь удивляться

Халимар. — За целый год вы ни разу не были с Ирой в Шотландии?

— Я и сам еще не был. А когда? У нас с Ирой совсем не остается свободного времени, она же еще на работу ходит, — пожаловался Фаткул.

— Надо учиться правильно распределять время. Мы с Хомой уже и в Шотландии побывали, и с моими родителями познакомились. Предлагаю полететь в Шотландию немедленно! Только за Хомой залетим на пару секунд.

— Ой, а тебе же завтра на работу! Я же на больничном, мне проще, — сказала Ира.

— А я вообще уволилась, мне еще проще, — сказала Халимар.

— Уволилась? Почему? Нам так хорошо работалось вместе! — огорчилась Ира.

— Не хочу работать с другой воспитательницей! Все приходится делать самой, без волшебства. Да и Хома без меня скучает. А мы только недавно поженились, ему внимание уделять нужно, — объяснила Халимар.

— Так на чем полетим? — спросил Фаткул.

— А, все равно! Хоть на этом диване. Вы, мужчины, любите летать на диванах.

— Любим, любим! Можно подумать, что вы, женщины, этого не любите!

— Я имела в виду полет в буквальном смысле. А ты о чем подумал? — спросила Халимар.

— На диване полетим в Шотландию? — удивилась Ира.

— А что? Очень удобно. И все поместимся. Ира, тебе одежду сменить не мешало бы. Кто же летает в Шотландию на диване в домашнем халате? Если бы в пижаме — тогда еще ничего. Но в халате! Это никуда не годится.

Ира послушалась, сменила домашний халат на шорты и майку.

— Теперь можем лететь за Хомой, — сказала Халимар.

Джинны посадили Иру посередине, диван вылетел в форточку и повис в воздухе.

— Ух, ты! Как красиво! Весь город, как на ладони! — визжала от восторга Ира.

Джинны молча улыбались. Им тоже нравилось летать, но они привыкли не выплескивать эмоции наружу, а держать их в себе.

— Вперед! — скомандовала Халимар.

Диван послушно двинулся вперед. Через несколько секунд он опустился в траву перед домиком Хома.

— Вы тут подождите, а я сбегаю за Хомой.

Халимар взлетела на третий этаж, распахнула дверь — и сразу же очутилась в объятиях мужа.

— Халимар! Любимая! Я так скучал! Сегодня никаких разговоров, никакого ужина. Только ты и я. Я так соскучился по запаху твоих волос! А завтра, пока ты будешь на работе, я начну писать твой портрет.

— Хома! Мне так понравилось то, что ты сказал! У меня есть для тебя две новости: хорошая и еще лучше! С какой начнем?

— С той, что еще лучше, — предложил Хома.

— Я уволилась с работы, буду сидеть дома и позировать тебе для портрета! Ты рад?

— Конечно! Я так рад! Дай я тебя зацелую!

— Зацелуешь потом, когда домой вернемся.

— Разве мы куда-то идем? — удивился Хома.

— Не идем, а летим! Это и есть моя хорошая новость. Мы летим в Шотландию! Не одни, а вместе с Ирой и ее возлюбленным, белым джинном Фаткулом. Ты рад?

Хома промолчал, но Халимар поняла из его мыслей, что у него на сегодняшний вечер были совсем другие планы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ: КАФЕ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФУТБОЛА

Все, что осталось от лета, Халимар посвятила Хоме. Больше не порывалась устроиться на работу, довольствовалась ролью жены, музы и натурщицы. После путешествия в Шотландию на диване Хома вновь вдохновился и стал писать картины. Уже были готовы такие шедевры: «Полет на диване в Шотландию» и «Трое на бронтозавре». Когда Эван подставил свою очаровательную спинку, предлагая прогулку по Лох-Несскому озеру, все согласились, кроме Хома. А Ира оказалась очень храброй, она захотела прокатиться на лох-несском чудовище. А может, она настолько доверяла своему возлюбленному, что даже не побоялась участвовать в таком экстремальном мероприятии. Только Хома сидел в гордом одиночестве на диване, зависшем над озером. И одна мысль не давала ему покоя: как бы дивану не надоело висеть в воздухе. Но дивану не надоело. Когда бронтозавр устал резвиться, Халимар, Ира и Фаткул вернулись к Хоме.

Потом они еще посетили один старинный замок, встретились с двоюродным братом Халимар. Ире очень понравилось путешествие. Она была в восторге от Шотландии и потребовала, чтобы Хома и Фаткул приобрели себе шотландские мужские юбки. Халимар поддержала подругу. Поддавшись уговорам, мужчины надели юбки, а жены любовались стройными, с буйной растительностью, ногами своих избранников.

Полет на диване в Шотландию сдружил обе пары. Теперь они виделись часто, почти каждый день. Ездили или летали друг к другу в гости, вместе ходили на море, в кино. Однажды, по просьбе Фаткула, были даже на рыбалке. Взяли обыкновенную лодку на прокат, терпеливо ждали, когда же Фаткул поймает рыбку. Вместо ожидаемой большой рыбы на крючок попало несколько глупых бычков, которые были отпущены на свободу в самом конце рыбалки. На этом мероприятие закончилось, все облегченно вздохнули. В воображаемом списке интересных дел напротив слова «рыбалка» теперь стояла большая, жирная галочка, напоминающая по форме сердце. К этому вопросу дружно решили больше никогда не возвращаться.

— Потерпи, Фаткул! — успокоила друга Халимар. — Вот вернешься в Страну Свободных Джиннов, будешь там участвовать в охоте на акул. Наверняка, ты будешь победителем!

— Бедняжка! — сочувственно пропела Ира. — Тебе придется пережить такие испытания в твоей стране? Как мне жаль тебя!

Джинны и Хома смеялись, ведь они знали, что означает охота на акул. Но Иру решили не посвящать в подробности этого действия. Зачем ее разочаровывать?

— Да. Мне придется пережить это, — говорил Фаткул. — Поэтому ты должна жалеть меня, беречь меня, заботиться обо мне сейчас, пока у тебя есть такая возможность.

Ира жалела, берегла, заботилась. Она с обожанием смотрела на Фаткула, выполняла все его просьбы. Иногда казалось со стороны, что она предугадывает его желания. Хотя это не может быть правдой, ведь люди не умеют читать мысли. А жаль! Иногда так хочется, чтобы тебя понимали без слов.

Часто к четверем друзьям присоединялись еще Вова и Сева. Они по-прежнему никак не могли найти себе хороших девчонок и очень завидовали Хоме. На частые просьбы Вовы и

Сева познакомить их с хорошими девушками, Халимар неизменно отвечала:

— Мальчики! Ко мне с такими просьбами не обращайтесь. Я не могу взять на себя роль судьбы!

От друзей Хомы тщательно скрывали, что Халимар и Фаткул — джинны. Поэтому совместные прогулки с ними были скучными, без волшебства. Но однажды Халимар не выдержала и сказала:

— Вова и Сева! Таких девушек, как я, вы не встретите! Поэтому ищите себе невест, пока не состарились. Таких, как я, больше не найдете! Ведь я джинн.

Сева и Вова расхохотались. Конечно, они не поверили Халимар.

Когда картины Хомы были полностью готовы, он предложил их одному художественному музею. Музей это время от времени организовывал выставки работ молодых талантливых художников. Картины Хомы имели потрясающий успех! Во-первых, Хоме предложили большие деньги за каждую из его работ. Но он не мог расстаться ни с одной. Правда, одну он все-таки подарил музею, и то, скрепя сердце. Ту, на которой они вдвоем с Халимар летят в золотой туфле в Шотландию.

О Хоме заговорили. О нем стали писать в газетах. А один гляцевый журнал опубликовал статью о молодом, подающем надежды художнике. В журнале были помещены цветные фото Хомы и Халимар, фотографии всех его картин.

Теперь Хоме можно было увольняться, наконец, из охранного агентства. У него столько было заказов, что работой он был обеспечен на год вперед. Но он все откладывал и откладывал свой уход из агентства. Когда к чему-то определенному привыкаешь, очень тяжело с этим расставаться, менять устоявшиеся привычки.

Халимар была рада, что Хома стал настоящим художником, нашел для себя дело всей жизни. Она старалась во все ему помогать, служила ему музой. И еще находила время, чтобы продолжать работу над учебником по джиннологии. Особенно много времени забрал у нее параграф о теориях происхождения джиннов.

«Существует множество теорий происхождения джиннов. Первая из них — джинны были всегда, никто их никогда не создавал, ниоткуда они не прилетали. Вторая теория — теологическая. Бог создал джиннов в первый день сотворения мира, когда отделил свет от тьмы. Вот здесь, между светом и тьмой и получилась сама собой незапланированно Страна Свободных Джиннов. Бог не заметил ее сразу, так как был увлечен сотворением мира. Обратил внимание на Страну Свободных Джиннов только в воскресенье, когда отдыхал от праведных дел. Тогда же он и наделил джиннов выдающимися способностями и потрясающей внешностью по образу и подобию своему.

Есть еще теория иногалактическая. Джинны — это потомки пришельцев с другой Галактики.

Существует и заслуживает внимания теория атлантическая. Когда-то давно была Атлантида, на ней жили атланты. Когда Атлантида ушла под воду, атланты переселились в заоблачную страну и дали начало новой расе — лучистому человечеству. Лучистое человечество — это и есть джинны».

Халимар перечитала параграф и осталась довольна собой.

— Что ж, работу продолжу позже. А сейчас — общаться с людьми. Когда вернусь в Страну Свободных Джиннов, буду писать учебник по человекологии. Хома! Пока ты занят своими делами, я могу заняться чем-нибудь по своему усмотрению?

— Сходи на пляж! Поныряй. Или побегай по воде. У тебя это отлично получается! —

предложил Хома.

— Не иронизируй, родной! У меня отлично получаются многие вещи, — обиделась Халимар.

— Ага! С волшебством! А без волшебства ты один день в детском саду не выдержала.

— Да? Ты думаешь, чудеса творить легко? Ну, попробуй, сотвори хоть одно! Почему не вижу чуда?

— Потому, что я человек, а не джинн. Чудо я могу сделать только своим трудолюбием и талантом, — ответил Хома.

— Ты о картинах? Вспомни, кто помог тебе стать художником? Разве не одна нежная девушка-джинн? Разве это не было волшебством? — напомнила Халимар.

— Да. Помню. Ты дала мне уверенность, а пишу картины я сам, никто не водит моей рукой помимо моей воли. Разве не так? — спросил Хома.

— Не так! Конечно, не так! Твоей рукой сейчас водит вдохновение! Хома, я люблю чудеса. Я всего лишь могущественный джинн, а не человек. Что плохого, если я совершу пару чудес в свободное от выполнения супружеского долга время? — трогательно похлопала ресницами Халимар.

— Ладно! Иди уже, — улыбнулся Хома. — Кого ты на этот раз решила осчастливить своими чудесами?

— Посетителей кафе! Я буду работать официанткой в кафе! Представляешь, как будет здорово: официант, являющийся в ту же самую секунду, как его позовешь!

— И как ты будешь объяснять свои чудеса?

— А никак! Скажу, что училась в цирковой школе.

— Так, может, сразу в цирк пойдешь? — предложил Хома. — Вот где простор для твоей фантазии!

— Нет, только не цирк! Это последнее, чем бы я хотела заняться в мире людей. И не надо спрашивать, почему. Подставляйся быстро для поцелуя! Я исчезаю!

Халимар поцеловала мужа и в ту же секунду исчезла. Куда? В какое кафе? Хома ничего не успел расспросить. Когда домой вернется? Очень хлопотно иметь жену джинна.

Хома работал над грандиозной картиной. Замысел ее подсознательно возник еще тогда, когда он впервые открыл дверь в паб джиннов. Столики. За столиками сидят женщины и мужчины не старше двадцати пяти лет. Все удивительно красивые. Женщины, в основном, блондинки с длинными волосами. Мужчины — жгучие брюнеты с черными, зелеными и голубыми глазами. У всех без исключения — сияющий цвет кожи. Лица сидящих повернуты в сторону вошедшего в паб человека. А человек в растерянности смотрит на обувь посетителей. У всех, абсолютно у всех посетителей золотые туфли без каблуков, с непомерно длинными, загнутыми кверху носками. Картину Хома решил назвать так: «Паб джиннов. Лучший джинн в Одессе». Ему позировали Фаткул, Володя, Севастьян. Лица друзей были теперь у джиннов на картине. У девушек-джиннов на переднем плане были лица Иры и Халимар. Хоме оставалось только изобразить себя. И это оказалось сложнее всего! Ему никак не удавалось передать во взгляде художника ту гамму чувств, что испытал он сам, войдя впервые в паб джиннов. Восторг, удивление, радость, сомнение, страх. (А вдруг это черные джинны?) Вот над этим Хома сейчас трудился. Так что Халимар вполне могла исчезнуть из дома, когда ей заблагорассудится.

Она давно облюбовала небольшое уютное кафе, в котором собирались любители смотреть футбол по телевизору. Огромный плазменный телевизор висел в таком удобном

месте, что отовсюду было видно, что происходит на поле во время матча. Казалось, что футболисты бегают тут, рядом, в кафе.

Халимар уже несколько раз была здесь одна, без Хомы. Пока муж занимался живописью, жена пила кофе и смотрела футбол по телевизору. Все, как в нормальной, самой обычной семье.

Сегодня Халимар решила предложить себя в качестве официантки.

— Единственное условие: я буду работать так, как хочу. Просьба ничему не удивляться: я училась в цирковом училище, — предупредила Халимар.

Для работы Халимар выбрала наряд, наиболее гармонирующий с ее золотыми туфельками. Это была шелковая полупрозрачная блуза с пышными рукавами бирюзового цвета и такие же шелковые шаровары. Волосы были аккуратно собраны под тюрбан оранжевого цвета.

Халимар приняла заказ, а когда снова шла к посетителям, ее появление было встречено громом аплодисментов. Она продвигалась медленно к столику, а за ней по воздуху плыли сами по себе тарелки с заказанными блюдами. Тарелки изобразили в воздухе незамысловатый танец и осторожно опустились на стол. Клиенты остались очень довольны, еще никогда и нигде их не обслуживали таким оригинальным способом.

Известие о красивой официантке, которая к тому же показывает фокусы, быстро разлетелось по городу. Спортивное кафе в один момент превратилось в самое популярное и посещаемое.

Владелец кафе захотел сразу же изменить интерьер в угоду Халимар, преобразовав его из спортивного в восточное. Но Халимар сказала:

— Шеф, у вас великолепный вкус! Все эти велосипеды, мячи и ракетки смотрятся прекрасно! Не нужно ничего менять. А если вам так уж хочется добавить восточного колорита — пожалуйста! Вы можете обе комнаты для посетителей, желающих уединиться, оборудовать в восточном стиле, если хотите.

— Спасибо за подсказку! Я так и сделаю, — обрадовался хозяин.

Он пригласил дизайнера, и комнаты преобразились. Теперь здесь были розовые с золотом подушки на низких диванах и стеклянные столики. А если добавить к этому, что обслуживать посетителей здесь будет девушка в шелковых шароварах и с тюрбаном на голове — картина получится полная.

— Халимар! Благодаря тебе мое кафе станет процветающим. Я хочу сделать тебе подарок. Проси, что хочешь, я все исполню, — пообещал хозяин.

— Я столько раз в своей жизни произносила эти слова! Мне странно слышать их от кого-то другого. Я даже не знаю, что попросить. Можно, я посоветуюсь с мужем? — спросила Халимар.

— Ты замужем? — удивился хозяин.

— А что здесь странного? Разве такой девушке трудно выйти замуж? Я умная и красивая!

— Вот как раз умным и красивым сложнее всего найти себе достойного спутника жизни. Хотел бы я увидеть того парня, который имеет счастье называться твоим мужем! — воскликнул хозяин.

— Ладно, я вас сейчас познакомлю.

В ту же секунду посреди кафе появился Хома вместе с мольбертом, красками и незавершенной картиной. Хозяин раскрыл рот от удивления. В его глазах читались

удивление, восторг, радость, страх — все то, что хотел изобразить Хома на своей картине.

— Эврика! — воскликнул Хома радостно. — Я нашел! Стой! Не двигайся! Так и смотри на меня!

Замерли все посетители кафе, сотрудники, хозяин, Халимар. Только Хома трудился. Ему хватило часа для того, чтобы завершить картину. И целый час все терпеливо ждали.

— Все! Готово! — сказал Хома.

Теперь все подходили к картине, восторгались, восхищались, пожимали художнику руки, поздравляли его. А Халимар сказала хозяину:

— Это и есть мой муж. Познакомьтесь! Я сейчас посоветуюсь с ним на счет вашего предложения. Хома, ты не против, если одна из твоих работ будет висеть в этом кафе? Сам решай, какая именно! Здесь бывает всегда так много людей, а твое имя уже известно всей Одессе.

— А будет известно не только Одессе! К нам заходят и приезжие. С дальнего и ближнего, — поспешил добавить хозяин.

— Соглашайся, Хома! Это и есть слава, когда твое имя знают многие люди. Ты же хотел стать известным художником?

— Соглашайся, Хома! — поддержал Халимар хозяин. — Я куплю любую из твоих картин.

— Нет, я подарю любую из картин, кроме той, где моя жена на бронтозавре.

— Почему? Мне как раз и хотелось, чтобы нас с Эваном увидели люди!

— Мне жалко расставаться с ней!

— Глупенький! Я же всегда буду с тобой! Ты сможешь видеть меня всегда. Я всегда буду такой, как сейчас. Не хочешь отдавать меня, отдай бабушку!

— Бабушку на гепарде?! Никогда в жизни! Бабушка будет всегда висеть в моей комнате. Я ни за что не соглашусь с ней расстаться!

— Ага! Значит, придется отдавать меня. Побудь здесь, я сейчас вернусь. Да, кстати, — обратилась Халимар к хозяину, — вы поняли, я надеюсь, в чем состоит суть моей просьбы?

— Да-да! Конечно! Картина твоего мужа займет достойное место в нашем кафе! — поспешно согласился хозяин.

— Ну, тогда я полетела.

И Халимар исчезла. Ровно через пять секунд она вернулась. В руках у нее была картина «Халимар на бронтозавре». И снова восторженные возгласы посетителей и персонала.

— Хома! Видишь, как людям нравятся твои работы? — сказала Халимар мужу. — Ты можешь гордиться собой. А теперь отправляйся домой и гордись собой. Нет, сначала пообедай. Меня долго не будет сегодня, а ты без меня забудешь поесть. Девушки! Обслужите, пожалуйста, моего мужа!

Коллеги Халимар, две молоденькие официантки, не заставили себя уговаривать. Они поспешили выполнить просьбу Халимар.

«Скоро нас уволят, — подумала одна, проходя мимо Халимар. — Эта странная девушка-циркачка сама справится с каким угодно количеством посетителей. Зачем мы здесь?»

«Какой муж красивый у новой официантки! — подумала другая. — Вот повезло! Мне бы такого. Я бы никому не позволила заботиться о нем, сама бежала бы вприпрыжку, чтобы его обслужить!»

— Девчонки! — сказала Халимар. — У меня только что возникла идея. Давайте будем работать так: вы подходите к клиенту, принимаете заказ, а я отправляю ему все, что он

заказал, своим ходом, по воздуху. А мы вместе будем сидеть здесь и любоваться нашей дружной работой. Согласны?

— Согласны! Конечно, согласны!

«А она классная! Теперь нас точно не уволят», — подумала одна.

«Вот если бы мне такой нарядик, как у Халимар», — подумала другая.

В ту же секунду обе официантки с удивлением рассматривали оказавшиеся на них шаровары из шелка бирюзового цвета и блузы с широкими рукавами. Вот только золотых туфель на них не было.

— Спасибо, Халимар! Как это красиво!

— Девчонки, а вам очень идет эта одежда. Скажите честно, у вас есть женихи?

— У меня нет, — быстро ответила Оля.

— А у меня был парень, но мы с ним недавно расстались, — ответила Оксана.

— Вы не против, если я вас познакомлю с двумя классными парнями? Это друзья моего мужа. Они мне уже все уши прожужжали, чтобы я их познакомила со своими подружками. И моему мужу покоя не дают. Так вы не против?

Обе девушки пожали плечами с равнодушным видом, но Халимар прочла их мысли.

«Конечно! Очень хочу познакомиться с другом этого симпатичного художника!» — подумала Оля.

«Надеюсь, что друзья у ее мужа такие же лапочки, как и он сам», — подумала Оксана.

— Лапочки, лапочки! — подтвердила Халимар. — Еще какие лапочки!

Она взяла телефон, сначала позвонила Вове, потом Севе.

— Я хочу познакомить тебя со своей ближайшей подругой, — обещала она каждому. — Приходи вечером в кафе «Старт» на Садовой! Ровно в девять.

Парни явились точно в назначенное время. Как на свидание! Когда Вова и Сева увидели Халимар в обществе двух прекрасных девушек в бирюзовых шелках, они обомлели.

— Пацаны! — сказала Халимар, очень любившая употреблять экспрессивную лексику. — После работы моих подружек некому проводить домой! Посидите вот за этим столиком, пока мы с Олей и Оксаной будем обслуживать клиентов. Кстати, а что принести вам?

Через пару секунд коньяк, оливки и лимон плавно пролетели через весь зал к тому столику, который приютил Севу и Вову.

Больше книг на сайте - Knigolub.net